

А. Берник

СТЕПЬ 1

Рассвет

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Берник

Степь 1. Рассвет

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Берник А.

Степь 1. Рассвет / А. Берник — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03787-8

Современная русская культура - конгломерат двух абсолютно разных культур древности: славянской, со своим бытовым и религиозным наследием, и русинской, ордынской. Серия книг под общим названием «Степь» — попытка восстановить ордынскую составляющую русской культуры. Этот забытый пласт - часть нас сегодняшних. И не стоит её стесняться, а вот гордиться не только можно, но и нужно. Первая книга посвящена зарождению, рассвету ордынской культуры - позднему неолиту. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03787-8

© Берник А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Глава первая. По праву сильного у бессильного все права затолканы в обязанность.	8
Глава вторая. Если заела бытовуха, а от безделья уже не знаешь, что делать, и серость жизни немила хоть топись, тогда пойдёшь в плен врагу. Вот где не соскучишься.	18
Глава третья. Взрослые точно знают, что можно молодёжи, чего пока нельзя, саму молодёжь об этом не спрашивая. Вот и молодняк их не спрашивая берёт и делает.	21
Глава четвёртая. Кому на роду написано сгореть в воде не утонет. Кому суждено утонуть не сгорит. Ну а если угораздило бабой родиться, вообще бояться не чего, хрен чем убьёшь живучую.	31
Глава пятая. Всё что нас не ломает, делает в глазах ломающих, сильнее.	38
Глава шестая. Была Варвара мужиком, да любопытство подвело, оторвали Варваре на базаре.	54
Глава седьмая. Вера и неверие зависят от ожидаемого результата от них.	68
Глава восьмая. Когда из тебя мужик вроде бы как не мужик, а в бабу наряжаться ещё совестно, иди народу проповедовать истины. Там как раз все собрались не от этого мира.	77
Глава девятая. Доминируй, властвуй, унижай, управляй строгостью и будет тебе ласка.	85
Глава десятая. Все мы пикаперы, когда зубы сводит от желания и все мы мастера пикапа, когда и тебе, и ей хочется.	96
Глава одиннадцатая. Если хочешь жить, то медицина бессильна, но пьяному хирургу об этом молчок, так как ему наплевать и на медицину, и на твои желания.	113
Конец ознакомительного фрагмента.	121

От автора

Современная русская культура представляет собой конгломерат двух абсолютно разных культур древности: славянской, со своим бытовым и религиозным наследием, и русинской, ордынской.

В результате слияния славянская бытовая культура и культура ордынского казачества со временем настолько перемешались, что вычленить особенность той или другой в общей массе сегодня крайне затруднительно. Но всё-таки кое-что возможно.

Серия книг под общим названием «Степь» – это попытка путём анализа и сопоставления восстановить приблизительное понятие ордынской культуры. Не зря же в Европе зародилось крылатое высказывание: поскреби русского, найдёшь татарина. Эта забытая культура часть нас сегодняшних. И не стоит этого стесняться, а вот гордиться этим ни только можно, но и нужно.

Предисловие

В самых ранних пластах Ригвед относящихся примерно к концу шестого началу пятого тысячелетия до Рождества Христова есть упоминание о жителях Страны Рек, приютивших арийские народы¹ на своих землях после Великого Потопа на Море Океане. Вот об этих речных людях и пойдёт сказ. Речниками их называли потому, что жили исключительно у больших рек, не имея поселений ни в степи, ни в лесах.

Жили большими родами с общественным строем, очень сильно отличавшимся от всего знакомого нам. Бабы с малыми детьми обустривались бабняком² где царили жёсткие, а порой даже лютые нравы. Мужики отдельно сами по себе – артелью³, никем, кроме выбранного атамана не пуганные.

Артельщики в основном охотились и рыбачили. Были у них ещё свои какие-то заботы, но вот непосредственного участия в воспитании подрастающего поколения они не принимали, как и к бабам в их разборки практически никогда не лезли.

Правда на зиму своё артельное стойбище устраивали по ближе к баймакам⁴. Ну, там уж сами понимаете, в лютую годину не до вольностей. Таким «Макаром» в те времена жили все речники. Потому что так было заповедано предками непонятно с каких времён.

Жители Страны Рек с точки зрения исторической эпохи находились в позднем неолите. Металл обрабатывать не умели. Но имели кое-какие медные орудия, что попадали им в руки от соседнего арийского народа. От них же знали о золоте.

Жили мирно, никого не трогали и род с родом по пустыкам ни цапались. Войнами друг на друга не ходили, места хватало всем, да и делить особо было нечего. К тому же речники каждый баймак ставили далеко друг от друга. Пока до соседей доберёшься до топаешь, так и забудешь к маньякам⁵ за каким лядом припёрся в дальние края.

¹ Арийцы – легендарная культура, зародившаяся в конце последнего ледникового периода на берегах большого пресноводного озера Океан (сегодняшнее Чёрное море). Образовалась из обособленной группы жителей Страны Рек (семья Адити) под воздействием североафриканской культуры с отрогов Тассили (авт.). Природная катастрофа (~ 5300 лет до н.э., образование Чёрного моря) разделила арийцев на две группы. Занимавшие восточное и северо-восточное побережье озера, после потопа отошли на восток к Каспию, а остатки жителей северного и северо-западного побережья отошли на север в район современного Харькова. В последствии, в результате территориальной и геноцидной политики, выдавив жителей Страны Рек с автохтонных областей, породили себе противояс в виде ордынской культуры. После длительного противостояния арийцы вредней полосы России были вытеснены на восток в районы верхней и средней Волги, но не успокоились, а начали агрессивную политику в отношении своих дальних родственников, проживающих в низовьях Волги и на Каспии. К тому времени культуры разнились кардинально, в том числе языке. Разразилась большая война, победу в которой одержала третья сторона – орда. Остатки северных арийцев бежали на Южный Урал, где, проиграв биологическую войну волкам, по реке Аргиз (Иргиз) устремились к берегам Аральского моря и прожив некоторое время в междуречье Амударья и Сырдарья, покинули степи, перебравшись через горы в Индию. Остатки Каспийских арийцев под давлением новоиспечённой ордынской культуры, бежали в горы Иранского нагорья и Кавказа.

² Бабняк – основная социальная единица женской половины общества. В него входили все допущенные женщины детородного возраста. Возглавляла бабняк назначенная артельным атаманом большуха, как правило его мама. Большуха, как и атаман, имела свой ближний круг. Остальные были просто бабы, но в отличии от мужицкой артели все имели свой ранг: от самой ближней до самой крайней.

³ Артель. Общество жителей Страны Рек имело матрилинейную структуру. Делилось на женскую часть – бабняк, проживающую стационарно в поселении на берегу реки (баймак) и мужскую – артель, большую часть года, обитающую за пределами поселения в степи в летних лагерях. Артель составляли все представители мужской части рода начиная с 15 лет и до окончания репродуктивного возраста. Главой артели и всего рода был атаман, избираемый общим «мужским собранием». Атаман имел свой ближний круг, дружков, на которых опирался в управлении родом.

⁴ Баймак – область, территория, часть берега реки, зафиксированная двумя пограничными столбами (Чуровы Столбы). Определялась как место проживания бабняка. На территории баймака располагалось стационарное поселение женщин и детей. Баймак ограничивался только по берегу реки. Со стороны степи и леса границ изначально не имел.

⁵ Маньяк – полевое ведение, призрак, морок.

Не жировали, но и с голода не пухли. Мужики диким стадам обустроивали загоны, охотясь при тех запрудах. Из года в год те загоны сужали, устраивая завалы по лесам, окапывая по полям змеиными рвами, обустроивая для себя халяву⁶.

Как не прискорбно было бы признавать, но именно человеческая лень и погоня за дармовой добычей для пропитания сделала людей в высшей степени разумными и сообразительными для своего безбедного выживания. И то, правда. Чего за съедобным зверем по просторам немереным гоняться, если его изначально можно загнать в нужное место и там по надобности потреблять.

Земля в те времена кормила от пуза, грех жаловаться. Грибов в лесу ступить некуда. Ягоды сплошным ковром, орехи сыплются валом, дикий мёд. Артель мясом, рыбой, дичью снабжали, порой столько набьют девать некуда.

Рыбы в реке хоть руками черпай. Сколько ни пытайся всю не выловишь. Про загонное стадо вообще помалкиваю. Там ни ловить, ни ходить особо даже и не требовалось.

Бабы с детьми жили многодетными семьями в землянках с бревенчатыми стенами на берегу больших рек. По положенным праздникам встречали-привечали мужей, навещающих в гости.

Каждый бабий кут⁷ имел свой огород. На всех родившихся детей женского пола прикапывали свой кусок, обустроивая его грядками и ягодными кустами с фруктовыми деревьями. Вот на той земляной каторге весь тёплый сезон девки спины и гнули с самого малолетства. То сажали, то пололи, то мух ловили с жуками, не давая тем рас кормиться на их плантациях.

В бабняке с огородными работами дело было поставлено строго, не забалуешь, да и отлынивать у девок не получалось хотя наверняка пробовали. Взрослые бабы за раз ленивую мордовали. Несмотря на каторжный воспитательный труд, весь девичий приплод на удивление вырастал в добротном и ладно сложенном теле. Было мужикам на что посмотреть да за что подержаться по прихоти.

Девки с самого рождения росли здоровыми и работящими. Гонялись по хозяйству и в хвост, и в гриву, так что о другом о чём и подумать было порой некогда. Потому что бабы по себе знали, если девка от безделья о чём замечтается, там в этих «мечталках» и пропадёт сдуру, толком так и не вырастая настоящей бабой.

Каждый кут имел прикопанную баню⁸. В те времена она была не сколько для помывочных дел, сколько для оккультных ритуалов, заповеданных их верой. А зародилась та вера в Троицу, говорят, ещё со времён древнее древнего, когда Мать Сыра Земля подо льдами Вала Отца Неба почивала бес просыпа. Учёные обозвали то время Великое Оледенение.

Вот так и жили не тужили речные жители, но пришла беда откуда ни ждали. Завелась в степи напасть шибче повального мора. Появилось «зверьё», ненавидящее всё живое. И повалилась эта пришлая орава разорять речные поселения. Да не просто грабили и разоряли, а подчистую сносили саму жизнь, выкорчёвывая её на корню...

⁶ Затон для пасущегося стада. Культура «речников» вышла из археологической культуры «охотников за мамонтами», не последовавших за таянием ледника на северо-восток, а осевших на реках средней полосы России. Причиной отказа от прежних устоев жизни являлось рождение технологии загонного скотоводства. Питаться мамонтом можно было только в зимнюю половину года, когда он находился в спячке, а всё остальное время приходилось охотиться на других животных и в первую очередь на копытных, как основной источник мяса. Секрет технологии загона был прост. Используя естественные ландшафтные преграды, добавляя к ним искусственные, охотники резко сокращали ареал стада. В целях оптимизации охоты люди стали собирать промыслового зверя на строго определённых территориях, с каждым разом уменьшая их область выпаса и приближая к своим жилищам.

⁷ Кут – дом, «бабий угол». У речников изначально – землянка с бревенчатыми стенами и потолком.

⁸ Баня зародилась у речников вместе с культом Троицы и представляла собой некий храм, где под управлением огня как инструмента, сводились вместе Мать Сыра Земля в виде банного камня, Святой Воды (воды из реки) и Отца Неба в виде пара (дымка) от конопляных семян. Основной банный ритуал – это связь с предками, а мытьё тел было сопутствующим процессом. Со временем ритуальные действия угасали, упрощаясь и постепенно исчезали, а помывочные наоборот.

Глава первая. По праву сильного у бессильного все права затолканы в обязанность.

Огромные словно скалы, покрытые чёрной лоснящейся шерстью, они неслись по бескрайней степи подобно волчьей стае на загоне. Звери мчались клином числом чуть больше тридцати поднимая клубы пыли, превращающиеся в огромную серую тучу, казалось упавшую с неба и ползущую по земле в след смертоносной стае, являясь чем-то неотъемлемым от этих исчадий самого подземного мира словно расфуфыренный хвост.

Жути этому зрелищу добавлял гром, с которым они гнались по сухой степи. Грохот каждого сливался в единый монотонный гул. Он совсем не был похож на небесный, а был какой-то внутриутробный, глухой. Будто вырывался откуда-то из мрачных недр, глубин подземного ужаса. Пробирая человека изнутри и заставляя холодеть спину, топорща дыбом каждый волосок на его никчёмном теле перед мощью неведомой стихии.

Стая неслась строго по прямой сминая все на своём пути без разбора подобно хищнику, вышедшему на цель и перешедшего в режим финишного спурта. Невиданное зрелище безумства катилось по холмам и возвышенностям на встречу безумству небесному, уже почерневшему от разъярённых туч и грозно сверкающих где-то вдали всполохами молний.

Степной орёл, повелительный и гордый владыка этого травяного царства, висевший над землёй с широко раскинутыми крыльями словно приклеенный к небосводу, от увиденного живого ужаса, плывущего по земле и как нож масло, разрезающий вековую степь вдруг вздрогнул крыльями, и робко предпочёл подняться повыше. Он видел с высоты своего полёта, как вожак непонятных чёрных «зверей» начал притормаживать, и остриё клина притупилось, расправляя крылья в стороны и замедляя гон.

Стая будто приняховивалась и притаптывалась, как перед решающим броском. Но вот вожак рванул вперёд, забирая чуть левее и стайный клин вновь заострился, превращаясь в смертоносное копьё, летящее на запах ещё живой плоти. Да, «зверь» учуял жертву, и она обречённая была совсем близко...

Вкруг прогорающего костра, плотным кольцом сгрудились люди. Вся артель в полном сборе. Размякшие мужики после сытного обеда развалившись на траве о чём-то негромко переговаривались.

Атаман валялся тут же и ковыряя в зубах травинкой, хмуро поглядывал в сторону надвигающихся чёрных туч. Наверняка думал о наползающей грозе, но понимая, что время ещё есть до того, как придётся прятаться в шалаши, мощно и с каким-то наслаждением втягивал носом освеживший воздух.

Мужики что отдыхали вокруг были далеко не зелёные пацаны. Здоровые и закалённые жизнью, все как один искусные звероловы. Вроде бы и глаз намётан и нюх не потеряли, но только на этот раз подвела их охотничья чуйка, обожравшаяся вместе с ними от пуза и прикорнувшая где-то рядом в траве.

Не почуяли звероловы «зверя» на атаке, накатившего смертоносной волной против крепчающего ветра, подходящей с другой стороны бури. Да и куда было в степи бежать и где прятаться от такой стаи.

Крики ужаса, ругань, вопли отчаяния вперемешку с матом разлились по степи и тут же захлебнулись в громовом раскате подземного гула. Огромные чёрные твари налетели словно вихрь и просто втоптали людей в землю, перемешав их останки с остатками догорающего костра.

«Зверьё» закружилось в безумном смерче, разбрасывая разорванные тела и размазывая кровь по прибитой траве, перемешивая всё это в единую отвратительную массу. Снесли

шалаша, собранные из веток и застеленные туровыми шкурами. Это всё тоже перемололи в общей куче.

Поднимаемая «зверем» пыль тут же относилась усилившимся ветром. Вместе с отлетающим грязным земляным облаком, отлетали и жизни людей, так не вовремя попавшие в это место и время.

Вот так звероловы всю жизнь охотившиеся на зверя, «зверем» в конечном счёте и были убиты.

Но непонятные хищники не остановились на этом. Покружив на одном месте, они снова выстроились в боевой порядок. Видимо им этого не хватило и вновь заостряя клин, нацеленный на очередную жертву, стая рванула чёрной массой навстречу надвигающейся грозе...

В бурьяне полыни и крапивы плотно переплетённым выюнами, по проторённой дорожке превращённой в узкий проход с высоченными травяными стенами, как гусыня друг за дружкой двигалась ватага⁹ пацанов.

Растянувшись длинной цепью, шли не спеша, даже лениво. Впереди всей процессии небрежно и расслабленно вышагивал ватажный атаман. Следом за ним столь же вальяжно строго по ранжиру двигался его ближний круг, изредка помахивая палками и подрубая вылезшие на тропу стебли зелёных зарослей. Эти шли молча, а вот «мясо» составляющее основное тело процессии о чём-то громко спорили, выплёскивая эмоции через край, ну в общем галдели изрядно.

Отобедав в баймаке, они держали свой путь в оборудованную берлогу, схоронившуюся в пышных кустах на высоком холме считавшимся у местного бабняка Красной Горкой¹⁰. Но дойти сегодня до своего схрона им было не суждено.

Дети не видели «зверя» за холмом, а его грохот поначалу приняли за грозовой раскат. Даже когда земляной гул послышался совсем отчётливо, обернулись в сторону надвигающихся туч и несколько мгновений всматривались в подходящую с противоположного берега реки грозу, но, когда поняли, что звук идёт с другой стороны, было уже поздно.

С высоты холма на них хлынула лавина черноты, мгновенно окутала и свет для пацанов погас навсегда. Кто-то с перепуга закрыл лицо руками, кто-то нырнул, забившись в траву, кто-то присел на корточки с широко раскрытыми от ужаса глазами и затаив дыхание подумал, что спрятался.

Чёрные нелюди перемололи мальчишек вместе с травяным бурьяном, не останавливаясь и не добывая. Будто даже не заметив под собой живой плоти, чернота продолжала рваться дальше.

Только спустившись со склона зверюги начали тормозить, расправляя атакующий клин и охватывая бабье поселение чёрными крыльями, словно тенью мрака бездны. И когда крылья прижались к реке и жилища людей оказались полностью окружены, стая замерла готовая к немедленному прыжку. Зверь поймал добычу.

Лишь вожак, стремглав стоптав огороды, сворачивая и расшвыривая низенькие тыны загородок, ворвался на центральную площадь. По пути на развороте у самого берега сбил какую-то старуху, выскочившую от реки, и от удара улетевшую в воду изломанной куклой. Крутанулся, развернулся и остановился, но не замер, а продолжал нервно топтаться на месте.

Теперь можно было отчётливо рассмотреть, что за собой этот невиданный зверь тянул какую-то коробку на двух больших колёсах, а в ней стояли ещё два зверя поменьше. Один из них выпрыгнул на землю. Он оказался двуногим.

⁹ Ватага (шайка, шатя) – объединение мальчишек (пацанов) в возрасте от 6-7 лет до 15 с внутренней иерархией артели во главе с атаманом. У ватажного атамана был ближний круг – свои пацаны, проверенные и «выростки» – все остальные, «мясо». Ватага как социальная единица подрожала мужской артели и была подготовительным звеном для перехода в 15 лет в мужицкую артель.

¹⁰ Красная Горка – приметная возвышенность в районе баймака, имевшая ритуальное значение.

Двуногая нежить¹¹ была похожа на бера¹², только уродливого. Сзади один в один бер, а глянешь в морду – кровь стынет. Вместо нижней челюсти чёрный провал будто там внутри кромешная ночь. И в темноте этого провала блестели два холодных огонька, очень напоминающие человеческие зрачки. Только от них веяло холодной яростью, ледяным бешенством и читалась лишь дикая жажда крови.

Чудовище вразвалочку, неспешно косолапя, удерживая в одной руке огромную дубину, окованную блестящим металлом, прошагало к одной из землянок.

В поселении стояла мёртвая тишина. Женщины с малыми детками забились по норам и, кажется, даже не дышали. С громким треском оторвав входную шкуру от косяка уродливый бер закрыл весь проём своей тушей, вглядываясь в темноту жилища. По ушам резанул девичий визг словно плетью стегнул по наступившей тишине. Пронзительно тонкий в несколько голосов. Он оборвался также резко, как и возник переходя в надрывный детский плач где-то в глубине землянки.

Рыдали двое, притом один из голосов явно принадлежал грудничку. Чудовище втиснулось внутрь и остановилось. Прямо у его ног валялась девочка без чувств и каких-либо признаков жизни. Чуть поодаль на травяном полу провалившись в канавку для ног валялась вторая такая же, только чуть по старше, но в том же состоянии. А в самом дальнем углу за очагом сидела на корточках женщина с маской ужаса на лице.

Она, прижавшись к бревенчатой стене всем телом старалась вжаться в напольную солому, прижимая к себе двух малюток. Одна стояла на своих маленьких ножках, а вторым истошно голосившим был действительно грудничок. Ребёнок, стоявший прижавшись к матери писался от страха и на его рубахе расплывалось мокрое пятно.

Ужасная нежить двинулась вглубь, переступая через валяющуюся первую девушку и подойдя к другой, медленно осмотрелась.

Девчонка, лежавшая перед чудищем, уткнулась лицом в усланную на пол солому и кажется вовсе не дышала. Нежить небрежно подхватила её безжизненное тело взваливая на плечо бесформенным и аморфным мешком. Встряхнула, устраивая ношу по удобней, и столь же никуда не торопясь вышла наружу, унося добычу...

Ливень, быстро сделав своё дело унёсся дальше. Шквальный порывистый ветер, сопровождавший грозу, стих. Тучи в небе посветлели и в конце концов разорвались, пропуская вначале редкие, а за тем и полновесные солнечные лучи.

Степь взорвалась резким ароматом свежести, благоуханья трав и цветов. До бури это чудо где-то пряталось под пологом невнятной духоты и марева прикрытое бесчувственной пылью, а теперь взъерошенная степь задышала полной грудью. Сама пьяная от грозового ливня, сейчас опьяняла всё что могло ей дышать. Ароматы и благоухания били не только в нос, но и, казалось, непосредственно по мозгам...

По широченной просеке прибитой травы, проторённой "зверем" в бешеной охоте, в обратную сторону по своим же следам мерно шли двух упряжные колесницы. За каждой двух колёсной тележкой тянулась на верёвках волокуша, сшитая из нескольких туровых шкур и легко скользящая по сырой не высохшей ещё после дождя траве. На шкурах лежали связанные женщины и дети. Связанные не только сами по себе, но и между собой.

К ним в придачу был навален единой кучей всякий скарб. Там и еда, и одежда с посудой, утварь, в общем сразу не поймёшь, чего там только не было. Отряд из тридцати трёх парных колесниц устало брёл в обновлённой степи. Главарь банды был доволен. Уловка удалась

¹¹ Нежить – потусторонняя сущность, порождённая природой. Весь потусторонний мир Троицы делился на три группы. Первая, та, что составляла саму Троицу, их называли Общностями или Началами. Каждая общность порождала нежить, влияющую на какой-либо конкретный природный аспект. Влияние на человека нежить всегда оказывала биполярное, то есть могли быть как хорошими, так и плохими. Это зависело от воли их хозяина – Троицы.

¹² Бер (др. рус.) – медведь

на славу, и дня, затраченного на набег было не жалко. Добрая добыча окупит сторицей все затраты.

Это был очередной маскарадный поход за добром и как все предыдущие – удачный. Довольны были все. Между собой шайка вполне серьёзно полагала что их атаман или весь облизан с головы до ног богами, или запугал этих сверх существей на столько, что те из кожи вон лезут лишь бы ему угодить и не прогневать.

У ног лихого атамана валялась пленённая девушка бледная в лице и без единого признака сознания. Толи действительно ещё не пришла в себя, толи искусно притворялась.

Она была не просто одна из многих что были вокруг. Эта – была особенная. Запала эта мелкая рыжая дрянь атаману в душу. С самого детства запала. Индра, а именно так звали главаря, стоял в колеснице и навалившись на высокий борт всем телом смотрел куда-то вдаль. Ни то улыбка, ни то ухмылка на его лице застыла как вылепленная.

Он глядел куда-то далеко-далеко, но ничего там не видел, потому что на самом деле смотрел вглубь, внутрь самого себя. Атаман вспоминал...

Впервые с этой девчонкой он встретился давно. Вдруг Индра осёкся в своих воспоминаниях. А как давно это было? Сколько осеней¹³ прошло? Атаман попытался посчитать, но сделав несколько мучительно напряжённых усилий бросил это неблагодарное дело посчитав его неважным.

Тогда ему было двенадцать, нет тринадцать осеней кажется. В своей пацанской ватаге он был ещё никто. Даже вспомнил тогдашнюю свою обидную кличку что ему «приклеили» взрослые пацаны – «Пися». Почему «Пися»? Это тянулось с ещё очень раннего детства, с того самого времени, которое он уже совсем не помнил. Индра попросту этого даже не знал. Да в общем-то и никогда не интересовался.

Но он помнил, что по малолетству пацаны ватаги его сильно били, что называется от всей души. Нет, не то чтобы он был последний из последних, кого пинали все, кому не лень просто так лишь потому, что оказался рядом. Его не призирали, его не считали «говном вонючим», как того же Вонючку, был в их ватаге такой пацан. От того действительно вечно чем-то воняло. Да и сам по себе он как пацан вёл себя так, что к нему просто как к куче говна по-другому никто и не относился. Бывают такие.

И если Вонючку пинали презрительно и не больно, а он лишь при этом пресмыкался и канючил, то Индру били только взрослые пацаны: сам ватажный атаман собственноручно и его ближний круг, а значит большие и сильные. Притом обязательно всей кучей, потому что поодиночке с ним не всегда можно было справиться, обзывая его при этом «психом с муравьями в башке».

Так, по жизни в ватаге с ним старались особо не цепляться, зная, что он «больной на всю голову» с рождения, а вот о самом Индре этого сказать было нельзя. Причиной того, что его били, и били как правило жёстко, а порой и жестоко, было как раз то, что он сам на это нарывался. Рыпался на старших, которые и лупили его за такие припадки ярости, именно ярости, бестолковой и абсолютно тупой. И все вокруг, в том числе и сам Индра прекрасно знали причину этого буйства. А причиной всему была Сома¹⁴ – проклятое молоко арийцев.¹⁵

¹³ Осени – арийцы считали прожитые года не годами, а осенями.

¹⁴ Сома – ритуальный наркотический напиток, основными ингредиентами которого были мухоморы и женское грудное молоко.

¹⁵ Арийское общество изначально формировалось по принципам вертикали власти и представляло собой объединение трёх каст, каждая из которых имела внутреннюю структуру пирамиды. Верхняя порождала законы и правила, управляя всеми. Состояла она из служителей культа. Вторая – каста воинов, силовая структура, обеспечившая жреческому корпусу инструмент принуждения к подчинению себе всех остальных. Кроме того, культ, проповедуемый жречеством, держал народ в постоянном напряжении и страхе, военная каста, это состояние постоянно усиливала и искусственно поддерживала. Третья пирамида избранных – ремесленники, умельцы в строго определённых областях, в сферах, являвшихся «монополиями власти». Каждая пирамида имела свои внутренние «секретные» технологии, передаваемые по наследству от поколения к поколению и

Индра, как и все пацаны его ватаги родился в стане арийских коров,¹⁶ чей родовой клан хранил секреты этой обоготворяемой, желанной и вместе с тем такой ненавистной Сомы. Родился он очень крупным мальчиком и притом почти на целые четыре седмицы переносным.

Как смогла пережить эти роды мать, знала только она да боги, помогавшие ей в этом. Он был её третьим ребёнком, наверное, это и стало основным аргументом для их дальнейшей жизни. Будь он вторым, вряд ли все закончилось для них столь радужно, а будь первенцем – шансов выжить у обоих не было бы вообще.

Своих старших сестёр Индра не знал. Может и видел их, когда был младенцем, но абсолютно об этом ничего не помнил. Что с ними стало и куда делись не задумывался, да и не очень этим интересовался.

Мать после него перестала беременеть, и к тому времени, когда он вырос и получил свою первую уничижительную кличку была задвинута в самые низы коровника.¹⁷

Его отец, а то что он был его отец Индра знал абсолютно точно, ибо этот чистокровный ариец, являя собой редкостную сволочь был единственным хозяином коровника. Только он имел право «покрывать» своих коров и плодить себе подобных. Он – глава арийского рода. К тому же глава крупного клана куда входили несколько кланов поменьше. Один из высокопоставленных жрецов¹⁸ стоящий на самом вершине власти бок обок с верховным.¹⁹

являлись секретом для всех остальных. Жрец знал жреческое дело и не мог стать ни воином, ни мастеровым. Военный, зная «военное дело» никогда не становился жрецом или ремесленником, а ремесленник не мог стать жрецом или военным. Все решено рождением, которое и определяло предназначение. Следующей составляющей арийского общества был народ, который трудясь в полях, лесах и водоёмах кое-как кормил себя и очень прилично кормил касты. Народ в основной своей массе не был самостоятельной структурой, принадлежа, по сути, тем, кто составлял пирамиды высокородных. И наконец, пятый слой арийского общества, вернее, слой, порождённый арийским обществом, но не принадлежащий ему, это гои – выгнанные из общества. По арийским законам того времени казнить человека было нельзя, так как человек убивший другого человека, покрывал себя не смываемой нечистотой, а чистота, как внешняя, так и внутренняя была пиком их мировоззрения и миропонимания. Аризм, как основа их общественной жизни и основной закон, можно выразить словами нашего классика «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли ...». Но если Чехов выдвинул эту идею, как призыв к людям постоянно совершенствовать самого себя, то для арийцев это было непререкаемой должностью. Эта идея у них формировалась проще: «Человек должен быть чист, т.е. прекрасен, снаружи и изнутри». Любой физический изъян, неопрятность в одежде, «неправильные, грязные» мысли, высказанные вслух, влекли необратимое наказание. Грубая, неоднократная или не исправимая нечистота влекла к изгнанию из общества и, как правило, навсегда. О чистоте и нечистоте приговор выносили только жрецы. Используя этот гибкий инструмент запугивания и избавления себя любимых от вредных для них элементов, они крепко держали общество под контролем и повиновением. Изгои начинали формировать новые родовые объединения, впоследствии переросшие в народы. Изначально их общество имело арийские корни: жизненный уклад, мировоззрение, но впоследствии, потеряв связь с основным ядром, после ухода арийцев из степей, эти народы стали развиваться и модифицироваться каждый своим неповторимым путём, создав большое разнообразие культур и народов современной России.

¹⁶ Арийские коровы. Каждый член пирамиды власти – хозяин определённого и, как правило, большого рода. Он имел официальную жену, рожавшую официальных наследников, впоследствии вливавшиеся в пирамиду, представителем которой был их отец, формируя родовой клан. Кроме того, он имел несколько неофициальных жён, с одной стороны для подстраховки официальной, с другой – эти жены рожали детей, становившиеся хозяйственной опорой рода (управляющими хозяйством). На их плечи ложилась основная обязанность поддержания систем жизнеобеспечения рода, попросту говоря их прокорм. Они формировали кормовую базу, развивали, руководили. Наконец, самым низшим женским слоем, принадлежащих хозяину, были коровы. По сегодняшним понятиям – наложницы. Эти женщины покупались у речников, и у них было два основных предназначения. Первое, они сами и их потомство были основной рабочей силой. Второе, их постоянно доили, притом в прямом смысле этого слова. Они становились источником женского молока, являвшееся одним из основных ингредиентов в приготовлении священного напитка Сома. Количество коров у хозяина определял его экономический статус. Чем больше коров – тем больше людей работают на землях, тем больше достаток. Но не только избыток в продуктах питания давал возможность влияния на политический статус хозяина и на его место в элитном обществе, но и сами по себе коровы были ценностным объектом. Они представляли собой своеобразную валюту. На них можно было купить повышение, подкупить нужных, откупиться от нежелательных, ими платили своеобразный налог жрецам, т.е. «высшей власти», в виде обязательного подношения при культовых церемониях и т.д. Жрецы их пускали опять в оборот уже на «общегосударственные», т.е. общегородские цели, тем самым обеспечивая «валютное регулирование» или круговорот коров в арийском мире.

¹⁷ Коровник – как правило, загородное укрепленное поселение для содержания коров (наложниц). Социально устраивались подобно бабнякам речников, но большухой выступала одна из жён хозяина.

¹⁸ Высокопоставленные жрецы – представители самой верхушки пирамиды власти. Жрецы делились на профессиональные касты каждая из которых выполняли определённые функции. Существовало строгое разделение труда. Одна каста занималась

Индра никогда не знал, что собой представлял его папаша как жрец, но по своей человеческой сути он был маниакальным садистом. Те извращения, с которыми отец глумился над абсолютно подвластными ему женщинами у здорового человека даже того далеко не либерального общества, порой не укладывались в головы, а удивить людей дикого времени какими-либо зверствами было крайне сложно. Ибо сами от зверей ушли не слишком далеко.

Индра никогда не интересовался подробностями происходящего с другими бедолагами, жившими по соседству, это было не принято. Но об издевательствах над собой и своей матерью помнил очень хорошо.

Впервые Сому – это грёбаное молоко отец подсунул ему прямо с материнской титькой. По крайней мере об этом ему поведала мать. Тем самым посадив мальчика на этот проклятый наркотик с рождения. А потом всё детство издевался над ним используя его привязанность к этому пойлу.

Отец забавлялся с ним как с какой-то полудикой зверушкой. То дразня малыша в период ломки, держа перед ним желанный напиток, то, не давая вожаденное вовсе. При этом безмерно веселясь над калейдоскопом эмоциональных вспышек психически искалеченного отпрыска.

Там были и неподдельное унижение, высокохудожественное попрошайничество, и ярость бессильных атак в попытках отобрать желаемое. Мальчик старался с ним драться, царапаться, кусаться, несмотря на пинки и звонкие оплеухи хохочущего отца, от которых он летал по углам их убогого жилища и бился всеми частями тела обо что не попадая.

Синяки, ссадины и постоянная кровь, саднящая из мелких ранок, казались для мальчика обычным делом, обыденностью и повседневностью. Для отца он был лишь «маленьким зверённышем», которого он как собаку планомерно дрессировал. Вот только для чего? Наверное, он сам не знал, а если и знал, то Индре этого было понять не суждено.

Атаман помнил, что, когда стал по старше, где-то перед самым переходом в пацанскую ватагу, отец свои издевательства-дрессировки, проводил уже одевая ему ошейник в виде верёвочной не затяжной петли и привязывал поводок к дереву, кажется, это была старая берёза.

Мальчик рос и становился не только агрессивней, но и значительно быстрее и сильнее в своих атаках ярости. Он по несколько дней сидел на привязи, и отец запрещал матери снимать его с поводка.

Со временем кровопийца стал заходить в их землянку все реже и реже. Все реже приносил Сому, а значит и реже издевался над мальчишкой и его матерью. И наконец, в один прекрасный день всё кончилось. Он вообще перестал к ним приходить, оставив их в покое. Толи ему всё это просто надоело, толи нашёл себе новую игрушку, но на всякий случай мама каждый раз забивалась в дальний угол своей землянки, когда отец объявлялся в коровнике.

Она пряталась сама и прятала Индру, а хозяин их жизнью действительно потерял к ним всякий интерес и кажется забыл о их существовании. Мальчик даже не спрашивал её о том почему перестал приходить мучитель, а она так же молчала, полагая, наверное, что тут и объяснять-то нечего.

священным огнём, другая песнопением, третья Сомой и т.д. Каждый жрец был узко специализирован и во главе этой специализированной касты стоял один – высокопоставленный.

¹⁹ Верховный жрец – главный среди высокопоставленных жрецов. У каждого народа арийцев был свой верховный жрец. Каждый верховный жрец имел свой «огород», т.е. огороженную территорию или попросту город. Это закрытая забором территория, изначально деревянным, впоследствии глиняно-земляной на деревянном каркасе высокой стеной, где в три кольца жили хозяева жизни со своими семьями. Каждому городу прилегал земля радиусом в один дневной пеший переход. Примерно от 30 до 40 километров. Таких огородов-городов было несколько и устроены они были так, что граница одного являлась и границей другого. Если их наложить на карту, то земли городов формировались подобно пчелиным сотам, центральной точкой каждой соты был город, полноправным хозяином которого был верховный жрец.

Индра знал, что у отца от других коров тоже родились детки и он начал «заниматься их воспитанием». Мальчишка был абсолютно уверен, что так ведут себя все отцы на свете со всеми детьми, и что его детство самое обыкновенное как у всех.

Только несколько позже уже будучи в ватаге, он с удивлением узнал, а главное осознал, что у более старших пацанов детство было совсем другое и то что отец, а отцом он был и для них всех, никогда не садил их на поводок и не привязывал. Но самым удивительным для него стало открытие, что пацаны не любили Сому. Нет, конечно, они знали, что это такое, и даже кое-кто пробовал разок другой, но ни один из них не жил с ней так как жил Индра.

Вспышки ярости у него со временем становились реже, так же реже стали бить его большие пацаны и, хотя он по-прежнему не входил в ближний круг ватажного атамана, к «мясу» его тоже не причисляли. Он оказался сам по себе. И несмотря на свой малый возраст вся ватага его уважала, даже атаман персонально к нему не придирался и лишний раз не трогал, но вместе с тем и не отталкивал, давая понять, что он почти «свой».

Со временем тяга к Соме никуда не делась. Сначала он "сел" на чистые мухоморы, собирая и засушивая их в специальных схронах, а когда подрос и обнаглел, то стал таскать готовое арийское молочко из хранилищ отца, то есть из городских запасников над которыми тот командовал. Но это была целая эпопея, более поздняя и о ней надо рассказывать отдельно, а тогда Индра изредка «подкармливал» себя грибом.

Вот именно примерно в то время и произошла эта памятная встреча с его сегодняшней пленницей, что в прочем, как и он тогда была ещё совсем маленькой девчонкой...

У каждого речного баймака была своя ватага и, хотя арийский коровник и не был бабняком в прямом смысле этого слова, но какое-то подобие все же имелось.

А вот ватага коровьих пацанов практически не отличалась от ватаг жителей рек. Только вместо мужицкой артели ими командовал единый хозяин – глава рода и как правило единокровный отец, хотя, по правде сказать, и стоящие рядом с ним родственнички так же прикладывали к коровьему потомству свою «руку», если эту часть мужского тела можно назвать рукой.

И жила ватага примерно по тем же неписанным правилам что и ватага речников. Шастали по округе ища на задницы приключений. Лазили по чужим коровникам «по девкам», как они сами эти деяния между собой обзывали, либо охраняли свой коровник от таких же ватаг им подобным.

Как в первом, так и во втором случае это заканчивалось лёгким мордобоем, без которого свою бурную молодецкую жизнь они даже не представляли.

Вообще-то хождение в чужой арийский коровник или речной бабняк редко заканчивалось удачей. Даже если удавалось обойти ватажных сторожей и их ловушки, то после небольшого переполоха с демонстрацией напускной бравады выражающейся в том, что гоняли визжащих, но при этом вполне довольных девок по стойбищу, непременно «получали по шее» от местной ватаги усиленной взрослыми бабами, что в общем-то лишь создавали массовость, гоняя пришлых в основном тряпками, кто мокрыми, кто пыльными, но в любом случае нанести которыми серьёзных увечий и травм не представлялось возможным.

Как бы не были пришлые сильны относительно местной ватаги они всегда изгонялись с шумом. Тем не менее вылазка чем бы она ни закончилась, способствовала поддержанию «боевого духа» и самоутверждению подростков, а в случае успеха становилась буквально предметом гордости и хвастовства.

Кроме безусловно «боевых» взаимоотношений между ватагами бывали и дипломатические перемирия, и даже клятвенные союзы мира и дружбы, что не позволяло хождению «по девкам» в эти «за дружившие» коровники, и тогда объявлялся дальний поход. Это тоже хождение «по девкам», только, как правило, в речные бабняки с которыми общей границы не было.

Тогда как раз и сложилась подобная ситуация. Все ближайшие ватаги были в мире и на общем сходе ватажных атаманов было принято решение: «А не сходить ли нам к речникам, да не пощупать ли нам речных девок».

Сказано сделано. Собрали целую «армию», состоящую из представителей четырёх ватаг, и пустились в дальний поход, на который потратили аж четыре дня. Правда пойти всем, кто желал не получилось, матери не пустили. А из пятой соседней ватаги так вообще никто не пошёл, там старшая «вето» наложила, коротко постановив: «Неча делать степь топтать. Всем по норам сидеть, проверю»

Усиленный отряд, состоящий из четырёх атаманов и их ближних кругов, малышню не стали брать изначально, шли по степи на прямую налево²⁰ в сторону восхода солнца. Где располагался баймак речников никто не знал и шагали в общем-то наугад. Сам факт похода тогда представлял собой чистую авантюру.

Ещё из далека заметив большое стадо туров, явно пасущихся в заторе, поняли, что идут правильно и уже подходят к цели. Обогнув по большому кругу пастбище чтобы не нарваться на артельных мужиков и их собак, стерегущих стадо, через некоторое время вышли к большой реке. Сообразив, что цель – баймак где-то недалеко, но не понимая в какой конкретно стороне, на некоторое время остановились и после ожесточённых споров двинулись искать поселение вверх по течению.

Главным аргументом стал ветер, дувший как раз с той стороны. Хоть носы и не ощущали явных признаков человеческого жилья, но и с подветренной стороны их тоже сразу не учуют. Унюхав первые запахи дымов прибавили шаг и пошли, почти переходя на бег, а когда показался Чуров Столб²¹ баймака, то пацаны, не встречая никакого сопротивления, ловушек и заслонов в порыве наступательной эйфории ворвались в селение с наскока, даже без какой-либо предварительной разведки.

Завизжали девки с голопузой мелюзгой, заматались по огородам и общей площади. Повыскакивали из землянок перепуганные бабы, но сообразив, что это всего на всего ватажный набег, похватили кому что под руку попало и начали отбиваться, грозно ругаясь, шугая чужаков от огородов и землянок, но не гоняя их по площади.

Индра в порыве перехватившего дух азарта, держа в руке три или четыре толстых стебля крапивы замотанных у корневища заранее прихваченной тряпицей, буквально летел по площади оря во всю глотку и размахивая своим жалящим оружием направо и налево, больше пугая чем стараясь кого-нибудь ошпарить. Пока не упёрся в огненно-рыжую девчонку, молча стоявшую как вкопанная на краю площади у огорода и бежать от него никуда не собирающуюся.

Он в пылу запала чуть не налетел на неё со всего маха, но тот факт, что рыжая даже не шелохнулась мальчишку обескуражил. Он резко осадил свой бег затормозив, и даже где-то растерялся, не придумав ничего другого как сунуть ей под нос пучок крапивы.

Почему она не бегала и ни визжала как все остальные было для него не понятно. Рыжая бестия до этого стоявшая столбиком от такого крапивного приветствия отпрянула. Нет, не отпрянула, а буквально отпрыгнула назад. Губы её были плотно сжаты в узенькую полоску. Глаза прямо искрились яростью и злобой, но Индра, упёршись взглядом в её испепеляющие глазки был ими буквально заворожён.

²⁰ Лево – восток. Соответственно право – запад, вперёд – юг, назад – север.

²¹ Чуров Столб. Чур (Домовой Змей, сегодня известен, как просто Домовой) – домашняя полужить. К человеку, проживающему с ним в одном доме, положителен. Рацион питания – положительные эмоции конкретного социума. Жил вблизи очага в своей «бане», представлявшая собой осиновое полено. «Чурова баня», или попросту чурбан, менявшийся ежегодно. В новый дом, если такой создавался, либо несли старого, либо выращивали нового. Кроме домашних Чуров, в баймаке заводили общих, которые базировались на всём бабском сообществе. Чурбана ему не клали, а вместо этого ставили осиновые Чуровы Столбы, определяющие границы баймака. Сначала ставилось только два столба по течению реки: в начале баймака и в его конце, определяя участок берега реки, принадлежащий данному роду. В дальнейшем столбы стали ставить и со стороны степи, определяя общую территорию, что в последствии перешло в понятие «пограничные столбы»

Эйфория, бушевавшая в пацане во время безудержного набега, просто взорвалась где-то в голове лишив возможности что-либо соображать. Он замер в нерешительности и стоял как парализованный, держа крапиву прямо перед собой достаточно долгое время.

Мальчишка ничего не слышал и не видел вокруг себя, только эти колдовские глаза, брызжащие искрами. Эти тонкие и удивительно соразмерные черты прелестного личика, залитого румянцем. Копну огненно-рыжих волос, почему-то не заплетённых в косу как это было сделано у других, а разбросанных в разных направлениях и, казалось, стоявших дыбом.

Для стороннего наблюдателя он, наверное, выглядел полным идиотом. Глаза вытаращены рот распахнут, застывший в какой-то несуразной позе и, кажется, не дышал. Сколько так простоял не помнил.

Очнулся Индра от удара по плечу, пробегающего мимо кого-то из своих ватажных пацанов. Тот что-то ему ещё прокричал широко улыбаясь, но он толи оглох, толи ещё что, но слов абсолютно не разобрал будто тот орал на тарабарском.

Оглянулся на пробегающего, после чего завертел головой по сторонам приходя в себя, и наконец вновь устоялся на стоящую перед ним девчонку. Та тоже по непонятным причинам стояла всё в той же скрюченной позе, прогнув спину назад и никуда бежать не собиралась, хотя имела такую возможность.

Так неловко Индра себя ещё никогда не чувствовал. Они оба стояли в очень странных неестественных позах. Стояли и молча разглядывая друг друга ничего не предпринимая. С одной стороны, придя в себя он с отчаянной остротой осознал, что надо что-то делать, и делать надо что-то обязательно, но с другой абсолютно не понимал, что.

И вдруг, не с того ни с сего, не найдя ничего лучшего Индра громко заорал, при этом обращаясь ни к ней, а как бы ко всем, даже поглядывая искоса по сторонам, оценивая произведённое им впечатление на окружающих:

– Ну что красавица пойдёшь со мной гулять в лесок? Поцелуемся.

Пигалица, стоявшая напротив оказалась тоже, как и он в не адекватном состоянии. Она как-то усилено заморгала глазёнками при этом приоткрывая плотно сомкнутые губы, что к тому времени аж побелели от натуги. Рыжая явно какое-то время пыталась собраться с мыслями, непонятно куда улетевшими или попрятавшимися где-то в укромных уголках её головы, и наконец глубоко и часто задышав, тоже видимо не найдя ничего умного и хамского для ответа, резко и почти на визге выкрикнула шаблонный среди их девчонок штамп:

– В носу поковыряй урод, может отпустит!

Получился странный и не вполне уместный диалог. При этом из дурацкой, несуразной позы она резко перешла в нагло-агрессивную стойку: руки в боки, задрав кнопку носа кверху. Судорожно сжатые до этого губки растеклись в наглой ухмылке.

Пара пацанский голосов, стоящих где-то за спиной Индры, заржали. Обескураженный мальчик отреагировал, не задумываясь:

– В твоём обрубке, что ли?

И с этими словами тоже подбоченился, забыв даже о крапиве в руке, кривясь в презренной ухмылке и выпячивая грудь колесом.

Он медленно, нарочито вразвалочку сделал шаг в её направлении, прижимая девчонку к невысокому плетённому тыну, огораживающему грядки. Рыжая ростом не доходила ему даже до плеча, и такой прямолинейный и грубый наезд значительно большей чем она массы, заставил девчонку попятиться, но наткнувшись на загородку и чуть не опрокинувшись назад она резко замахала руками восстанавливая равновесие.

Эти махания и для мальчишки оказались полной неожиданностью, и он, сдвув грудь-колесо чуть отшатнулся назад. Рыжая, сообразив, что прижата к тыну и отступить некуда, с неподдельной яростью со всей дури на что только была способно её хрупкое тело толкнула его в живот. Даже не толкнула, а ударила под дых обеими руками, прокричав:

– Культяпки сначала заточи под мой нос, урод!

От неожиданности Индра, не устояв на ногах плюхнулся задницей на землю. Тут уже взорвался целый хор смеха. Оказывается, к этому моменту несуразная парочка собрала вокруг себя достаточное число зрителей. Продолжая сидеть на траве и смотря вслед убегающей наконец рыжей бестии, он тихо как ему показалось, восторженно произнёс:

– Огонь девка!

Тут же чья-то сильная рука ухватила его за ухо да так что чуть не оторвала. Индра вскочил на ноги и давя крик от боли, покосился на обидчика. За ухо его держала взрослая баба при том в другой её руке была мокрая тряпка.

– Даж не заглядывай мене тута, – рявкнула она в удерживаемое ухо и отпустив его наконец сильно хлестнула тряпкой по спине.

Было не больно, но импульс движению придала внушительный. Тут кто-то из атаманов истошно завопил «Тикай!». Индра и так уже бежавший спотыкаясь вперёд, рванул из баймака петляя по огородам как заяц, топча посадки и увёртываясь от каких-то предметов, летящих ему в след.

Вот такой была его первая встреча с ней. Одно слово – любовь с первого взгляда, притом не взгляда вообще, а как ни на есть настоящего...

Глава вторая. Если заела бытовуха, а от безделья уже не знаешь, что делать, и серость жизни немила хоть топись, тогда пойдиди сдайся в плен врагу. Вот где не соскучишься.

Зорька пришла в себя от беспамятства лежа со связанными за спиной в локтях руками на густой шкуре. Жёсткая, словно иглами колет, и кем-то у кого руки из зада выросли, плохо выделана. Оттого его скверная работа воняла до жути, будто её не в соли, а в отхожем месте вымачивали.

Ещё не распахивая с перепуга глазёнки, она эту шкуру учуяла носом. Ни с чем бы не перепутала эту крепкую зловонность, хватающую за нос прищепкой и норвящую достать до самого нутра и то нутро вывернуть наружу со всеми потрохами

Где-то совсем рядом негромко переговаривались мужики. Голоса грубые, приглушённые и Зорьке незнакомые, поэтому она решила ещё по прикидываться полудохлой, глаз не открывать и не шевелиться, но при этом прислушалась. Лучше бы она этого не делала. Хотя, чего на девку пенять. Ведь не она так решила, а страх, сковавший всё её сознание так решил за неё, у самой хозяйки даже не спрашивая на то разрешение.

Потому что совсем рядом, почти над самой головой с оглушительным треском и грохотом разорвалась грозовая молния. Зорька аж подпрыгнула лёжа, от неожиданности. И как только умудрилась, горемычная. Тут же машинально съёжившись, распахнула бешеные глаза. Везде, докуда дотягивался взгляд она видела только шкуру бера, а то, на чём она лежала вдруг дрогнуло и принялось вертеться.

Чужие мужицкие голоса встревоженно загудели, но о чём они говорили Зорька разобрать не могла из-за того, что откуда-то со стороны накатывал шелест дождя, и невнятные голоса в нём попросту утонули. Тяжёлые капли одна за другой увесисто забарабанили по телу и буквально тут же вода с неба хлынула, как из ушата.

Крупные капли от души лупцевали пленницу по телу и голове, пробивая пышную, но резко вымокшую рыжую шевелюру. Рубаха в раз промокла и прилипла к спине противным холодом. Только ноги до этого времени от чего-то горящие по непонятной причине, восприняли сырую прохладу с облегчением.

Тут накрыло чем-то сверху будто крышку захлопнули и стало совсем темно, но и лить перестало. Хотя куда уж более. И сама была насквозь мокрая, да и лохматый бер под ней напился водой до такого состояния, что при малейшем движении чавкал. Зорька лежала на шкуре словно пороса в луже, только что не хрюкала.

Девка осторожно подняла голову и оглядела свою западню. Это оказалась небольшая прямоугольная коробка, со всех сторон накрытая шкурами, только в ногах не было стенки, но разглядеть в проёме что-либо было невозможно. Там стояла сплошная стена дождя. И вообще снаружи стало как-то темно и хмуро.

Она позволила себе пошевелиться, даже по извиваться, чтобы хоть как-то размять затёкшее тело. Понять, где находится, что произошло и кто эти мужики, ярица²² естественно не могла.

²² В «девичьем царстве» существовала довольно сложная возрастная градация. Последнего родившегося ребёнка, то есть самого маленького в семье, кликали поскрёбыш. Все дети независимо от пола до шести-семи лет звались поскиухами. Девочка подросток от 6-7 до 13-15 лет – кутырка. Кутырки в свою очередь делились на младшую группу – девчята, среднюю – на подросте и старшую – навидане. При наступлении у кутырки месячных она переходила в разряд яриц. При продаже девки в другой бабняк на приплод, она становилась невестой. После того, как ярица официально вступала в первый сексуальный

Зорька вообще ничего не помнила, словно память вырезали или добела вычистили. Помнила только, что после обеда убирала посуду со стола, когда земля задрожала и от соседних землянок послышался визг и тревожные крики.

Все её домашние были в куте. Смятение, нехорошее предчувствие, а затем и откровенный страх как по команде охватил присутствующих, словно морок к ним в землянку заполз и расползся липким ужасом по всем углам. Даже посикухи притихли и прижались к маме. Затем всё стихло. Недобрая такая тишина наступила вокруг, аж в ушах зазвенело.

– Я пойду гляну, – вполголоса предложила Милёшка, сестра Зорьки, на два лета помладше её.

– Цыц, – как отрезала мама.

Милёшка остановилась у самого выхода как вкопанная, к чему-то напряжённо прислушиваясь снаружи.

– Ой маменьки, – давя в себе ужас тихо и сдавлено залепетала она, прижимая руки к груди и пятясь от входа, – сюда кто-то топает!

После этого Зорька не помнила ничего.

Пока шёл дождь, вернее лил ливень, яростно, но в общем-то не долго по времени лупцевавший округу, она валялась на шкуре и мучительно пыталась сообразить, придумать хоть какую-нибудь версию происходящего. Вот только всё придуманное так или иначе упиралось в одно, – это чёрная степная нежить, будь она трижды проклята.

Об этой напасти слухи гуляли давно. Налетает мол это «отродье степное» на баймак, мужиков бьёт, пацанов бьёт, а баб с детьми увозит куда-то в своё подземное логово. Утаскивают с концами и бесследно, словно по воздуху. Никто из тех подземелий ещё ни вертался живым. Поэтому никому было неведомо, что там делают с бабами и девками.

У них в баймаке о том по-разному говорили. Но Зорька до выпученных глаз всем доказывала, что их там заживо съедают. Хотя девки разное про них ввали, кто во что горазд, кто дурней придумает, но бабы в бабняке выражали с Зорькой согласие, вернее она с ними соглашалась от скудности собственной фантазии.

К тому же по поводу заживо съедения у неё перед глазами вставала чуть ли не живая картинка, от чего мурашки табунами бегали по щуплой спине, вымораживая холодом внутренности. После того как всё это представила, в другое уже ни в какую не верила, потому что пугаться пуще этого не получалось как ни пробовала.

Ливень кончился, и она вновь отчётливо слышала мужицкие голоса. А может быть это зверь по-человечьи говорит, мелькнула у неё мысль, от которой опять всё внутри похолодело, противно заболел живот и закружилась голова.

Ярица поняла, что сейчас снова потеряет сознание и принялась глубоко дышать, притом даже в голос, с присвистом. По извивавшись вывернулась, уставив лицо в свободный от шкур проём коробки, откуда проникал свежий воздух.

Но тут откуда не возьмись в дыру заглянула страшная чёрная морда большого и лохматого зверя, с которой чернота буквально текла струями, и она опять отключилась от сознания, издав на прощание ни то жалобный стон, ни то скрип со свистом, отлетающей души в мозолистые пятки...

В следующее пробуждение она приходила в себя медленно, частями. Сначала, Зорька никак не могла сообразить, почему её безостановочно трясут, не сильно, как бы ни собираясь будить, но и не желая при этом оставлять в покое.

Глаз открывать не стала. Побоялась. Но поняла даже через закрытые веки, что вокруг светло и благоухает ароматом степного разнотравья. Наконец, к ней вернулся слух, вернее осо-

контакт, то поднималась до уровня молодухи и была таковой пока её не принимали в бабняк и не переводили в бабу. Баба, переставшая рожать по возрасту кликалась вековухой.

знание того, что она слышит, и по шороху тележных колёс с фырканием лошадей, поняла, что её везут в этой коробке как на телеге.

Зорька приоткрыла глаза до узеньких щёлок. Перед носом была всё та же шкура бера. Она лежала лицом к стенке. И тут совсем рядом за спиной, низкий мужской голос кому-то проговорил:

– Чуть правее держи. Пойдём между холмами.

– Хорошо атаман, – ответил другой.

Сердце Зорьки заколотилось как сумасшедшее. Она с силой зажмурилась и даже попыталась вдавиться всем телом в густой ворс подстилки. Они разговаривали по-человечьи! Никогда ещё Зорька не слышала, как потусторонняя сила меж собой общается. И вообще никто никогда не рассказывал, чтобы нежить разговаривала вслух!

Пацаны сказывали, а они слышали от мужиков, будто нежить говорит с человеком не разевая рта. Даже не дёргая губами. Для других не слышная, а для того, к кому обращается, голос вроде как сам собой в его голове звучит. Будто нежить в мозги залазит и там речи изнутри ведёт. Поразило это ярицу до глубины девичьей души. И она ни сколько напугалась, сколь обиделась, поняв, что пацаны и тут её обманули...

Время шло. За спиной молчали. Мерная трясучка успокаивала. Зорька лежала на боку, тупо уставившись в мохнатый бурый ворс и улыбалась. Почему-то эта вонючая шкура напомнила ей прошлогодние Девичьи Дни²³...

²³ Полнолуние 10 седмиц от зачатия. Конец сентября. Токсикоз ослабляет «хватку». Плохое самочувствие прекращается. Девичьи дни. Девичьи именины. Гонянье Кумохи (мелкая нежить, одна из лихорадок). Поздравляли всех женщин, но молодец и бабняк по-разному. Гуляли три дня. Собирали мёд, варили медовуху. С первым снегом волчья семья воссоединяется в полном составе и начинает ночные рейды по своей территории. У них начинается кочевой период, который длится до Волчьих Свадеб.

Глава третья. Взрослые точно знают, что можно молодёжи, чего пока нельзя, саму молодёжь об этом не спрашивая. Вот и молодняк их не спрашивая берёт и делает.

Ещё загодя Девятка, ватажный атаман, со своими пацанами, облазили здешние леса в поисках пчелиных закладок. Пчёлы к этому времени уже запаковались, готовясь к зимовке, вели себя вяло, из ульев не улетали.

Водил ватагу по сладким местам артельный мужик по кличке Костыль главный медовый знаток. Он во всей земле Нахушинского рода, наверное, каждую пчелиную семью в «лицо» знал, или что там у них, вместо лица, ни морда же.

Костыль не только знал где они живут, но и с кого сколько мёда можно взять. Бабы поговаривали, что он мужик пропащий, с самой Лесной Девой²⁴ в договорах водится, а значит для здешних баб в общем-то как мужик непотребный. Костыль был неказист. Ни ростом не вышел, ни плечами, да и отросток мужицкий так себе, не вырос. Ну в общем ни одна баба по-хорошему не позарится. А вот как стал для них недоступен, так давай ему кости мыть перемывать, и с таким видом чувством да расстановкой, что и прям подумать можно, «эх какого мужика потеряли». Ну, вот что бабы за народ. Сама ни ам, и другим не дам.

Пацаны по указке мужичка гребли мёд от души и всегда чуть больше, чем он велел. Жадность – она мразь ещё та. А как тут не будешь жадным, когда знаешь, что весь собранный мёд на медовуху пойдёт и не для кого-то, а для себя любимого. Натаскают девкам мёда, те наварят пьяного пойла и совместно его же и приговорят.

Гонянье Кумохи особый девичий праздник. Целых три дня сплошной, бесконтрольной пьянки, да ещё с голыми девками в бане. Мечта любого современного представителя мужского пола.

Вообще этот праздник один из немногих, на который девки пацанов сознательно звали-приглашали, не то что на другие, когда парням приходилось с боем прорываться или примазываться хитростью.

А тут ещё ко всему прочему на Девичьи Дни никого из баб для присмотра и старшинства из бабняка не назначалось. На всех девичьих праздниках за главную снаряжалась представительница из баб, поставленная большухой, а на эти дни, никогда.

Старшую выбирали девки из своих. Как уж они это делали. Доходило ли там до склок с драками, ватажные не знали. Почему на эти три дня пьянки и разврата молодняк никакого присмотра не было со стороны старших, пацаны тоже не знали. Хотя врут, знали, но никогда об этом не говорили даже между собой.

Когда весь молодняк буквально выгоняли из баймака на эти три дня, ну, кроме посикух, куда их выгонишь, к бабам мужики артельные наведывались с загона, почти в полном составе.

²⁴ Лесная Дева – нежить Матери Сырой Земли. Одна из составных частей «Души Леса». Как и любая нежить – многофункциональна и в отношении к человеку биполярна. Лесная Дева не превзойдённая соблазнительница. Сто процентный психооборотень. Для мужчин всегда принимала образ девушки, женщины, притом для каждого конкретный, в зависимости от его сексуальных фантазий и предпочтений. Если несколько мужчин натыкались на Лесную Деву одновременно, то каждый видел её по-своему, и разница в описаниях была разительной. Если мужчина, оказывался слаб и не справлялся со своей похотью, то непременно погибал: либо замерзал на холодном камне, либо терялся в непролазном лесу, либо тонул в болоте. Остался архаичный охотничий обряд с обязательным символическим сексом с Лесной Девой, даровавший охотнику богатую добычу, но требующий взамен непререкаемой верности. Дева крайне ревнива.

Да не как попадая, а каждый мужик, отмеченный ещё на Положении²⁵ шёл к конкретной бабе или молодой что обрюхатил на макушке лета.

В реалии только бабы знали от кого понесли, а мужикам так, мозг полоскали, ещё до Положения договорившись между собой кто кого «своим» будет звать, а мужики и рады дураки обманываться.

Бабы особо и не стремились за девками с пацанами приглядывать вовсе ни из-за того, что выбранный мужик притащит в её кут свой вонючий уд, и будет там перед ней им хвастаться во всех его состояниях. По большому счёту мало кто из них мог этим похвалиться. Так себе. А ждали бабы этих дней из-за того, что каждый из этих бычков с волосатой грудью подарочек принесёт. И подарочек не простой, а дорогой, особенный.

Для самих мужиков это была ежегодная головная боль. Именно для этого они хаживали в арийские города на их праздник Трикадрук. Именно там искали невиданный подарок украшение «блестящее», от одного вида которого у соседок глаза бы на лоб по выползли, да так там и полопались от зависти.

Хотя, по правде сказать, настроение у беременных значительно улучшилось к этим дням. Мутить прекратило. Еда вроде, как и прежде съедобной стала, да ещё ожидание долгожданного подарка, всё это повышало настроение настолько, что откуда-то мать её, и желание с мужиком по тискаться появлялось.

В общем, подарок подарком, а мужика на три ночи, то же не помешало бы. Какая никакая ласка, какая никакая услада с удовольствием. Пусть вонючего, пусть с огрызком, но на целый год своего. Как от такого бабу от тащить и за девками с пацанами караулить отправить. Да никак. Вот и гулял молодняк эти дни сам по себе. Хотя, конечно, на самом деле было всё не так просто.

Бабы, провожая подрастающее поколение грузили возы посудой, продуктами огородов. Артельные мужики снабжали шкурами и мясом. Нагрузили две телеги, которые молодняк тащил вручную, тягая и толкая повозки с песнями и прибаутками. Тащили это всё ребятки на слияние двух рек, большой и малой, где на песчаной косе из года в год гуляли молодки с размахом и каждый раз как в последний.

Именно в прошлом году Зорька была девками избрана за старшую. Кутырок одногодок что навывдано было четверо, но выбрали именно её, потому что была самая шустрая шепутная и ни раз с пацанами даже дралась, и не всегда проигрывала. А в этот праздник, как раз именно за пацанами и нужен был глаз да глаз. К тому же их следовало строить, ими командовать, а это у Зорьки лучше всех получалось.

Погодка правда подвела, мерзопакостно было. Мелкий противный дождик моросил не переставая. Ветер хоть и не сильный, но лез под шкуры и до дрожи выхолаживал. Поэтому в первую очередь решили запалить костёр для обогрева, а уж потом приниматься за приготовления к празднику.

Девки стали свои костры раскладывать, мёд и еду готовить. Пацаны на косе откопали от песка и мусора большую плоскую каменюку, что как стол стояла на трёх камнях поменьше. Этот банный камень здесь всегда был. Просто по весне при половодье его топило и заносило илом и мусором, а яму под ним, где огонь разводили, сравнивало песком.

Теперь, в первую очередь надо было привести его в рабочее состояние и развести под ним огонь, чтобы начинал греться. После этого пацаны принялись таскать жерди из леса, где всё

²⁵ Полнолуние 2 седмицы от зачатия, начало августа. Праздник «Положение». На этой седмице становилось понятно кто из бабняка забеременел, «стал в положении». Бабы, молодухи ходили в артель гостевать и носили «благодарность», специально приготовленные небольшие угощения. Всё это в очередной раз превращалась в пьянку общего стола, но пить разрешалось только мужикам. Для «благодарных» баб наступал сухой закон. Молодёжь продолжала опустошать местные леса от грибов и ягод. Заготавливали мёд. Начиналась заготовка сена.

это было аккуратно сложено ещё с прошлого года. Стали их устанавливать и вязать большой длинный шалаш.

Дальше застелили его ветками ели и ёлки. Осина уже облетела полностью, берёза и клён тоже листья сбрасывали, так что пришлось обходиться только игольчатками.

Снаружи строение завалили туровыми и кабаньими шкурами, а внутри все стены и песок вдоль них мягкими: заячьими, лисьими, бобровыми. На место старшей постелили шкуру бера. Вот почему Зорька и вспомнила эти дни, навеяла ассоциация.

Командовать особо было некем. Песчаная коса напоминала муравейник, где каждый муравей чётко знал, что ему делать. Девки сами как-то разделились по котлам с вертелами. Никому не надо было объяснять рассказывать подсказывать. Они готовке пищи учились с малолетства, аж чуть ли не с посикух. Поэтому всё знали и умели не хуже Зорьки.

Она, конечно, прохаживаясь туда-сюда по импровизированной кухне с гордым и надменным видом, исключительно для осознания значимости себя любимой и собственной важности. Делала ничего не значащие замечания, на которые остальные плевать хотели, но помалкивали.

Так же ходила и по пацанским работам. В отличие от неё их атаман Девятка, как и все трудился в поте лица, а может быть и больше. Парни тоже знали кому что делать и ходить над ними никакого резона не было.

Атаман с ближним кругом занимался обустройством банного шалаша, самой сложной трудоёмкой и ответственной работой. Ватажное «мясо» таскали из леса берёзовый поваленный сушняк, хотя сушняком его назвать было трудно, так как после затяжных осенних дождей этот сушняк было хоть выжимай.

Один из ближников атамана по кличке Моська, был поставлен на колку этого сушняка-мокряка. Дубиной или топором, выделенным ему лично артелью, который он тем не менее применял крайне редко так как берёт, и буквально тряся над ним, ломал стасканные из леса деревья на мелкие поленья годные в костёр.

Для бани поленья отбирались особо и только берёзовые. Два пацанёнка, следившие за банном костром таскали мокрые чурбаны внутрь и складывали их на плоский камень сушиться. Другая часть пацанят таскала с телег шкуры и шкурки.

Как только Зорька оказывалась возле Девятки так тот бросал работу и принимал важную напыщенную позу, соответствующая как он полагал его положению атамана. И каждый раз между ними происходил примерно один и тот же диалог:

- Ну, чё? – спрашивала она.
- Всё ладно, – отвечал он, – скоро управимся. А у вас?
- То ж ничё. Проголодались чё ль?
- А то.
- Потерпите.

И с этими словами не торопясь уходила на свой очередной круг обхода. Девятка, проводив её слабой ухмылкой, зацепив свой масляный взгляд за девичьей зад, вновь брался за работу.

Наконец, последняя шкура закрепилась на своём месте, входной полог погрузил внутренности шалаша в полумрак и внутри как-то сразу потеплело.

Пацанская малышня, достаточно натаскав валежника, от безделья и голода принялась по мелочи хулиганить, пытаясь украдкой что-нибудь стырить из съестного на кухне. То там, то сям послышались девичьи грозные окрики, гонявшие нерадивых воришек подалее от костров.

К самому большому котлу с мясной кашей пацаны не лезли. Что там стащишь? Не будешь же из варева голыми руками куски вылавливать. Вертела тоже обходили стороной. Ни оторвёшь, ни откусишь. А вот Милёшке, младшей сестре Зорьки не повезло. Она пекла лепёхи на кабаньем жире. Жарились они на стенках большого глиняного котла быстро. Кутырка скла-

дывала готовую продукцию в большую плетёную корзину и накрывала их шкурой от дождя и выветривания.

Вот это и было основным предметом воровства мальчишек. Девченок по кличке Берёзка, лет восьми отроду, поставленная Милёшке в помощницы больше занималась охраной и отгоном мелкого ворья, примерно её же возраста, пытавшихся во что бы то ни стало стащить лепёху из корзины.

Они как мухи вокруг навоза вертелись по кругу, всячески стараясь отвлечь внимание строгой охраны. Кто-то с видом типа просто так прохаживая мимо, как можно ближе пытался обойти со стороны. Кому-то срочно потребовалось с Берёзкой переговорить о чём-то очень важном и срочном. Кто-то пробовал даже заползти по-пластунски с тыла.

Но отважная охранительница сокровенного всегда была на чеку и неприступна для развонных разговоров. Быстра и глазаста для крадущихся. Её визгливый голосок с разухабистостью бывалой бабы, то и дело звенел над общим гулом.

– А ну кыш я сказала, шалупонь голозадая, – голосила девченок, – а ну ползи обратно, червяк жопный.

Но похоже это только подзадоривало пацанов, и они всё активнее и настойчивей напирали на Берёзку. Наконец, воришки просто её схватили и оттащили от корзины, и пока трое держали, четвёртый схватил пару горячих лепёх сверху и пустился бежать в лес.

Девченок визжала как поросё недорезанная, и только после того, как принялась их с остервенением кусать за что попало, пацаны, завизжав и заголосив с ней в унисон бросили «зверюгу бешену». Отбежали, покричали, обозвали, как сумели и со всех ног рванули в лес, где ждала их желанная добыча.

Этот шум привлёк всеобщее внимание, и Зорька поспешила к его источнику. Милёшка и две девки, жарившие кабанчика по соседству, катались от смеха до истерики, а Берёзка сидела на песке и громко рыдала словно турица не до доенная.

– Чё случилось? – стала пытаться Зорька Милёшку, стараясь быть как можно суровой и строже, но у неё это не очень получалось, так как смех девок был заразный, и она, тоже не желая того постепенно расплывалась в улыбке.

Ничего не добившись от истерично заходящейся сестры и вповалку валяющихся и держащихся за животы соседок, Зорька подошла к ревущей Берёзке.

– Чё случилось с тобой Берёзка? Чё ты ревёшь как белуга?

Девка, не прекращая рёв сквозь слёзы проголосила:

– Они... лепёхи... стырили.

– Она их покусала! – сквозь безудержный смех прорезалась Милёшка.

– Она их грызла и чавкала! – прокричала вслед, закатываясь одна из валяющихся на земле соседок.

Последняя фраза вновь повергла их в очередной припадок истерического хохота.

– Вот дуры, – фыркнула Зорька, тем не менее расплываясь в улыбке до ушей, и уже обращаясь с сидевшей на песке Берёзке, грозно велела, – ну-ка, вставай. Неча на холодном сидеть. Ты ж девка, как-никак. Вона сидай на корзину со своими лепёхами, и жопе тепло и лепёхи твои из-под тебя не стырят.

После чего старшая тряхнула за плечи ревушую, подняла и развернув лицом к корзине легонько подтолкнула в спину. Инцидент, как-то сразу затих. Берёзка, забравшись на корзину, размазывая по зарёванному личику соплю и слёзы, злобно посверкивая глазёнками реветь перестала. Девки тоже отошли от смеха утерев слёзы, и демонстративно отмахавшись руками в качестве осушителей сырости под глазами, принялись за свои дела. Всё пошло своим чередом...

А в тёмном промозглом лесу дальше по берегу прячась за лапами раскидистой ёлки, стояла очень странная девка с изуродованным ликом. Стояла, смотрела на всё издали и тихо поскуливала. Грязные лохмотья еле скрывали белое как снег тело, высушенное и корявое.

Сосульки грязных волос прятали лицо на половину, прикрывая впалые глаза и раскисшие губы, разъеденные язвами. Сухие скрюченные пальцы в лихорадочной трясучке цеплялись за мокрые ветки, то и дело спасая болезную от падения.

Но несмотря на своё плачевное состояние она не спешила покидать укрытия и выходить к людям. Уродина скрывалась и ждала, будто какого-то знаменья...

Наконец, всё было готово. Как по заказу прекратил накрапывать нудный дождик, и даже кое-где пробилось солнышко. Мутно, блёкло, но показалось. Настроение и так приподнятое, повысилось ещё больше, почти до состояния эйфории.

Все расселись на натасканные брёвна, и девки принялись кормить работников. Сами также расселись, только по привычке отдельно своей кучкой, но в общем-то, так было поначалу каждый раз из года в год.

После того как ватажный атаман Девятка, как старший из пацанов с ковшом медовухи в руках поздравил девок с праздником и предложил выпить за каждую, назвав всех до одной не простецкой кликухой, а полным позывалом, все дружно встали и выпили. Тут же не успев закусить, девки завели песню восхвалялку²⁶ о Матери Сырой Земле. Песнь невесёлая, но торжественная. Обо всём бабым племени людей на свет рожающих. Пока девки пели, пацаны ели.

После второй и третьей среди ватажных пошёл раскованный говор. Языки расплелись, полегчали. Шутки прибаутки, рассказы в виде слухов, да и просто выдумок и не всегда скромных, не при детях сказанных. Девки пацанов нагнали быстро.

Зорька, она же по полной Утренняя Зоря пила мало, ела ещё меньше. Требовалось блюсти статус, следить за правильностью всего происходящего. Только несмотря на это, она всё же упустила одну существенную деталь в окружении. Нежданно-негаданно в их коллективе прибавилось. Появилась из леса та самая страшная, но неприметная девка. Подсела явно под мороком. От того на неё невзрачную никто внимания не обратил, а если и видели, то тут же забывали о её существовании. Она не пила ни ела, а лишь сидела скромницей с поникшим ликом.

Когда разогрев пошёл, Зорька даже не стараясь переорать гомон со смехом что творился вокруг, просто запела песенки. Эдакие короткие четырёх строчные шутейки-прибаутки про злодейку Кумоху. Уже через несколько слов все как один горланили эти незамысловатые, знакомые с детства каждому, рифмованные и не очень, ругательные и матерные четверостишья про Кумоху кривожопу, чтоб ей пёрнув улететь.

Наконец, Зорька встала и звонко скомандовала:

– Айда Кумоху гонять!

Девки завизжали, пацаны заорали, засвистели и с этим оглушительным гомоном, все бегом вприпрыжку, перескакивая через лежавшие под ногами брёвна кинулись в шалаш.

Внутри уже было жарко. Девки устроились своей кучкой в дальний от входа стороне. Пацаны по краям у входа, прихватив с собой ёмкости с медовухой и закуской. Шкуры-куртки скинули сразу. Пацаны даже по пояс оголились, но штанов снимать не стали, так уселись.

Девки разделись до нижних рубах. Зорька высыпала на большой раскалённый камень семена конопли. Те зашипели, запрыгали и от них за клубился ароматный пар, вперемешку с дымом. Веселушки запели по новой, но уже с танцами вокруг банного камня.

Девки резвились все в полном составе от мала до велика. Пацаны вокруг них прыгали только маленькие. Девятка со своим близким кругом сидел, где сидел. Хоть и поглядывал нет-

²⁶ Песня-восхвалялка – незамысловатое, с очень простеньким постоянно повторяющимся мотивом и по содержанию похожая на арийские гимны, но значительно проще.

нет искоса на прыгающих вокруг камня дур, но старательно делал вид что его это не волнует. Мол его главная задача напиться с пацанами до поросячьего визга или до собачьей скулёжки, без разницы.

Ватажный атаман, как опытный гуляка на таких праздниках прекрасно знал, что сейчас начнётся и откровенно этого побаивался, поэтому и спешил с опьянением, понимая, что это его единственный шанс спасти свою пацанскую репутацию.

И тут началось. С девок слетели рубахи, что значительно прибавило им весёлости и задора, будто спали последние оковы с их наглой бесстыжести. Девятка с ближниками разом притихли, потупились, скучковались по ближе друг к другу, налили, молча выпили не закусывая. Это было ещё то испытание.

Ну что, казалось бы, особенного в этих сушёных воблах. Ни жоп не откормили, ни сисек не вырастили, а ведь как дряни действуют на суровую пацанскую натуру. А они четырнадцатилетние, без года уже как мужики, авторитеты их пацанского мира могли сейчас опозориться и при том по полной и на всю оставшуюся жизнь. Мало кто перенёс подобного позора. Нормальные пацаны после этого руки на себя накладывали, топились и резались.

Таковы были устои тысячелетий, закон речных людей: баня и до баб желание вещи не совместимые. Возбудиться мужику в бане – позор и вечное осмеяние. А эти гадины, шуплыми жопёнками перед ними виляют, щёлками своими как ножом по глазам режут, а у старших-то эти места и оволосились уже. Тфу ты Вал их изнасилуй! Грудки острые как прыщи опухшие смотреть не на что, а от всего этого в штанах нет-нет да позор зашевелится.

Вот и пьют пацаны, заливают зенки, чтобы не видеть этого разврата, ведущего их молодых и сильных к гибели. И в штанах от того сидят, не снимают и не скачут с голыми дурами. Борются пацаны с соблазном ни на жизнь, а насмерть. И так в бане напарили, а от всего этого внутреннего жара, вообще жизнь нестерпимой становится.

Вот атаман поднялся всем видом показывая мол упредел, запарился. Накинул шкурку на мощные плечи, пошёл неспешно на воздух охладиться. Ближники как один гуськом за предводителем.

Не успели они выйти и отойти в сторонку как полог распахнулся, и вся эта развратная шобла голышом, в клубах пара с визгом и улюлюканьем вылетела из бани и рванула в ледяную реку.

... Вышла со всеми и неприметная девка, что пристроилась из леса, распаренная докрасна, с бешеными глазами как у варёного рака. Вошла в студёную воду, пала туда пластом будто теряя сознание, да и сгнула в той воде словно растаяла. Никто не обратил на этот инцидент внимания и потерю в своих рядах ни заметили за общим сумасшествием.

Беспрестанный визг, смех, ор с плесканием. Вода в мёрзлой реке аж вскипела от такого безобразия. Куда уж там заметить, как какая-то нежить топится. Пусть и зовётся она самой Кумохой пакостной...

Тут вся эта орава рванула обратно, сверкая голыми жопами, только кутырки что навывдане, все четыре гадины не побежали, а важно так, на показ, буквально прошествовали мимо пацанов. А Зорька дрянь, проходя мимо, свои рыжие лохмы так на плечико закинула, и нежненьким воркующим голоском давай провоцировать Девятку:

– Чё атаман запарился чё ли? Так нырни, охладися.

Ну просто издевается над авторитетным пацаном, дрянь. Ну нельзя же так по живому-то своим голым станом резать пацанский мозг. Но атаман мужик-кремень, прыщами, вместо сисек не расколешь, он нашёл что сказать и сказать достойно, как положено:

– Ни чё. Успем.

Ответил он важно, многозначительно, естественно смотря не на вихлявую рыжуху, а куда-то вдаль за реку. Она хмыкнула и прошла мимо, как бы невзначай зацепив его голым бедром скрылась в шатре.

– Вот же сука, – выругался кто-то из ближников.

– Спокуха, пацаны, – одёрнул атаман тоном бывалого и всего повидавшего в жизни человека, – прорвёмся. И не такие щёлки видели. И не на такие жопы плевали.

Все ватажные одобрительно забурчали, покачивая головами и расправляя плечи для пущего вида. Кто-то даже смачно сплюнул под ноги.

Охладившись и ещё хлебнув пьянящего пойла, уже просто не влезавшего, потому что было некуда, они вернулись на свои места в шалаш. А девки к тому времени разошлись не на шутку. Толи конопля нанюхались, толи ещё медовухи добавили, толи и той хватило, просто развезло в паровом угаре.

Они начали распевать похабные веселушки и при этом выгибаться, и хватать себя за разные постыдные места. Каждая норвила по выпендриваться перед атаманом с ближниками. Тфу!

Но ватажный атаман крепился и виду не показывал, что хоть что-нибудь привлекло его внимание. Так, улыбался небрежно их сальным шуточкам, но взгляда на их кривляньях не задерживал. Ближники атаману во всём подражали. Только Неупадюха хоть пацан и взрослый по их меркам, но ростом от корешка два вершка, не выдержал девичьих издевательств.

Красавцем его и спьяну назвать было невозможно. Девки его красоту не могли рассмотреть даже в том состоянии, в котором в данный момент пребывали. Лопухий, уши его торчали даже сквозь мохнатую гриву волос, которую он специально расфуфыривал. Морда вся рябая, глазки маленькие при уродливом огромном носе. Да и весь он какой-то был нескладный. Больше всего его уродовали руки. При маленьком росте, они были длинными, чуть ли не до колен, с огромными ладонями-лопатами.

И вот при всём при этом, несмотря на внешние недостатки, девкам он нравился. Чем? Да остёр был на язык и умом Троица не обидела. Соображал быстро, изворотливо, благодаря чему ещё с детства забил для себя правило: не хочешь, чтобы над тобой смеялись, смейся первым.

Но не только острое и меткое слово девки в нём примечали. Была у него ещё одна интересная для них вещь. Уд у него был длины немереной. Наградила же природа не пожадничала. Ни у одного мужика в артели такого не было как у него. Поэтому, несмотря на всю внешнюю непривлекательность, всё же на кое-чего можно было посмотреть, выпучив глаза, и пацан, зная это ни раз при девках пользовался показами.

Так вот этот языкастый уродец не выдержал первым девичьих подначек. Дойдя до своей кондиции опьянения и спровоцированный непотребными песенками, он соскочил, скинул одним махом штаны и крутя увесистым мужским достоинством, больше похожим на кусок крупной змеи, пустился в пляс, распахивая девок своим костлявым задом и горланя ответную похабщину.

Девки мигом навалились на него и по очереди каждая старалась ввинтить ему веселушку, а он так же шустро каждой отвечал, то шлёпая их по жопе, то щипая за сиську, то припечатывая удом почему ни попадя. От хохота шалаш шатался, девки закатывались до слёз с коликами в животе. Вот за это он и был девкам интересен. Каждую уколол, в чём не попадя вымазал, но при том никого не обидел.

Зорька, захмелев и забыв о своём статусе вертела всем что удавалось выставить на показ. Голосила матершинщину налево и направо как заправская матёрая. А что с неё взять, оторва она и есть оторва. Как не маскируй свою сущность один хрен вылезет наружу. Она уж Неупадюхе дала да выдала. Он, конечно, огрызался, но побаивался с ней палку перегнуть. Зорька кутырка видная, красивая, к ней все пацаны неровно дышали, и он не был исключением, но все же пару раз в сальных куплетах её выпукло заманчивый зад пострадал от хлопка, притом шлёпнулось на удивление звонко.

Правда она в долгу не осталась и в ответке за волосья пацана так дерганула, что искры из глаз высекла, да и растительность его головную, кажись изрядно проредила.

Так в бесчинстве всеобщего веселья Зорька даже не заметила, как в их девичьем кругу появился уже пьяный и бесштаный атаман со всей своей голожопой командой. Разгул пошёл на новый круг.

Перегревшись, всей толпой с визгом и воплями ныряли в ледяную реку и тут же с ором обратно. Девчонята с пацанчиками, что были по моложе уже давно забились в шкуры вдоль стенок и преспокойненько посапывали, ну а те, что на подростке Кумоху гоняли до самого рассвета, хотя её уже давно не было.

Только к утру выбившись из сил повалились каждый на своё место и одевшись, распаренные раскинулись на шкурах. Как-то разом затихли и почти сразу по засыпали. Продрыхли весь день до вечера. А потом девки разогрели что давеча не доели, медовуху приняли на старый запой и веселье началось по новой.

На вторую ночь ни Кумоху ни пацанов уже не гоняли. Похабных песенок не орали. Началась другая забава. Стали в игры играть, да в такие заводные что краснели не только от каменного жара, правда и голышом уже поголовно не скакали.

Творили такое, что ни сказать, ни описать. И тут задумаешься, а зачем всё это распутство было нужно? Что это, беспредел от бесконтрольности со стороны старших? Но ведь это было из года в год, из поколения в поколение. И веселушки эти непотребные передавались из уст в уста, и играм этим непристойным учились по наследству. Не могло подобное быть просто так, и не было.

Век людской был тогда короткий, взрослые очень рано. Умом и опытом обзаводиться приходилось быстрее, чем развитым телом. Меньше, чем через год все эти четырнадцатилетние кутырки навывдане, оставленные артельным атаманом в собственном роду на развод, под мужиков лягут. Эти девки ещё только-только созрели телом для материнства, но внутренней своей сутью заматерели и обабились. А иначе было нельзя.

Все девичьи праздники холодного периода года хоть и выглядели, как бесшабашные игрища, но на самом деле имели под собой суровую школу жизни. Все они в той или иной степени учили выживать девонек в обществе, не очень к ним ласковом, а порой и просто без меры жестоком.

Пацанов приучали к жизни во всеобщей агрессии не только их общества, но и всего окружающего мира. Так проходило половое воспитание. Учили не правилам пользования половыми органами, хотя и это было, а в первую очередь правилам отношения между полами, между мужиком и бабой.

Девятке и всем его ближникам также на следующий год на Купальную седмицу предстоит поход в лес к еби-бабам²⁷, и в свои пятнадцать лет отрываться от мамкиной рубахи и со всего маха окунаться во взрослую жизнь, где гладить по головке больше никто не будет, будут только бить.

Там слёз обиды и унижений всех не переглотаешь. Вот и ставил молодняк себе эдакие психологические прививки этими праздниками, чтоб не убится, ударившись о взрослую жизнь. Необходимо было научиться не обижаться, когда обижают, не унижаться, когда унижают, не быть злопамятным, но и не забывать, и перед бабами не робеть, коль, где прижать придётся.

²⁷ Еби-баба (славянская огласовка еги-баба. Начиная с конца XVII века после сибирских беспределов – яга-баба или баба Яга.). Выведенные из бабняка бабы, а иногда молодухи и под особым заклятием усаженные на одиночное проживание в лесах. У них существовала только одна обязанность – полный комплекс гостеприимства. Накормить, напоить, провести банный ритуал, заняться сексом (с собой спать положить) и поговорить по душам. От всех остальных обязанностей она освободилась. У речников выполняли функции «бесплатных» домов терпимости. Так как половая культура у них была строго регламентирована, то мужское население в еби-бабах имело свою главную отдушину. Кроме того, именно еби-бабы инициировали и обучали премудростям половой жизни мальчиков при инициации. Хотя совсем бесплатными их назвать было нельзя, так как каждый идущий к ней нёс еду, в первую очередь мясо.

Дети речников всегда были сильнее морально, чем физически, а если и физика не подвела, то это уже были не люди, а камни железные, заострённые под жизнь со всеми своими закидонами.

Под утро, когда игры пошли на убыль, где-то совсем недалеко из леса донёсся волчий вой, притом не одиночки, а целой семьи. Все играющие как один бросили свои похабные занятия и высыпали наружу. В эту ночь не парились и не бегали на реку, поэтому и не заметили, что под утро повалил снег да такой густой, с огромными лохматыми хлопьями.

– Вот и первый снег, – с горечью и тревогой в голосе проговорила Зорька ни к кому не обращаясь.

В ней тут же пробудилась старшая и она вспомнила и об ответственности, и что уже почти взрослая, а на ней детворы целая орава. Она задрала голову к небу и с отчаянием в голосе высказалась кому-то наверху:

– Ну не мог ты чуточку повременить.

Но тут и Девятка вспомнил что он атаман, пусть всего лишь ватажный. Почувствовал себя хоть невеликой, но единственной защитой всех, кто был рядом.

– Так, – скомандовал он, – припасы собрать, таскать в шалаш. Мелюзга, в шалаш забила и носа наружу не кажете. Неупадюх!

– А, – отозвался тот откуда-то из-за шалаша.

– На выходе угол сделай малышам, да и не только. Кому отлить, кому отложить. Бодливый!

– Тут я, – отозвался другой ближник, уже где-то выломав здоровенный дырн и примеряя его в руках.

– Загоняй малышню под кров и башкой отвечаешь если кто высунется.

Но никому ничего объяснять, даже самым маленьким не требовалось. Быстро и молча сносили еду что нашли и закрылись в шалаше. Атаман экспроприировал единственный медный топор, хоть Моська, которому он был поручен и по возмущался, но против атамана не пошёл. Так же, как и Бодливый выломал себе дырн и спрятался в укрытие вместе с другими. Пацаны укрепили полог изнутри и по очереди стали караулить. Остальные завалились спать.

Волк был не только злейший враг человека в зимнее время года. Он единственный здешний зверь – людоед. Мужика побаивался, если тот вёл себя агрессивно, баб взрослых и так, и эдак. Кого боялся, не подходил, кого не боялся, пусть та хоть из орётся хоть из машется. Как волк понимал кого бояться из баб стоит, а кого нет одному ему известно.

А вот детей хищник не боится никогда. Зорька запомнила на всю жизнь слова родового колдуна Данавы: «Человеческий детёныш для волка – главное лакомство. На детей если найдёт, нападает всегда, начиная с самых малых. И даже если вас будет много его это не остановит, а только порадует».

Зорька знала и то что волчица, глава семьи, с первым снегом ставит свой последний приплод «на тропу» и вся семья: дядьки, тётки, переярки до этого времени державшиеся на краю земель родового логова, и не совавшие морды на днёвки где она растит последнее потомство, объединяются.

С первым снегом у волчьей семьи начинается время походов, время охотных рейдов, время кочевой жизни до самых волчьих свадеб. Хоть Зорька и знала, что эта конкретная волчья семья, жившая невдалеке от артельных загонов по специализации «козлятники», то есть охотились исключительно на лесных козлов-оленей, но от этого спокойней не становилось.

Спала она чутко, постоянно просыпаясь от каждого шороха, но Вал, да будет он вечно сыт и обласкан, миновал их своей карой. Волчья семья повыла, повыла, да и ушла, так и не подойдя к их шалашу.

Днём, пока девки готовили перекус, пацаны разобрали шалаш, стаскали брёвна с жердями обратно в лес, шкуры сложили на телеги. Все поели, но уже без медовухи, что кончилась

ещё ночью. Отдраили котлы, приспособы, помыли в реке посуду, загрузили всё это и потащили телеги обратно в селение, праздник закончился. Кумоха загнана. Уставшие, опустошённые, но довольные пацаны и девки возвращались домой...

Глава четвёртая. Кому на роду написано сгореть в воде не утонет. Кому суждено утонуть не сгорит. Ну а если угораздило бабой родиться, вообще бояться не чего, хрен чем убьёшь живучую.

День у Данухи не задался почитай с самого пробуждения. Да и какое это к маньякам ссаным было пробуждение. Ни свет ни заря разоралась Воровайка – ну та, что ручной сорокой при большухе устроилась приживалкой. Эту птицу за беспредельность боялся весь баймак пуще самой большухи. Она была как злобная маленькая сучка, но в отличие от последней не кусала, а больно щипала и клевала, абсолютно не ведая каких-либо границ в своих необузданных бесчинствах.

Большуха сорочьи выходки прилюдно хаяла, уговорами укоряла, кулачищем своим увесистым размахивала, но и решительно не пресекала, мотивируя это тем, что она, тварь природная и просто так без повода ни клюнет ни обсерит нечаянно, а раз случилось что от неё непотребное, то поделом и за дело.

Так вот эта засеря пернатая, ещё до рассвета, бойко прыгая и шурша напольным сеном словно перекормленный боров, злобно лаяла как собака на входную шкуру. Вековуха цыкнула на неё спросонок, затем даже чем-то наотмашь швырнула что попало под руку, но чем не помнит, запомывала, но промазала. А та всё равно не угомонила словно в неё вселилась какая-то нежить и буйствует в сорочьей башке.

Дануха кряхтя попыталась встать с постели на свои больные ноги, но приставленная к лежанке клюка качнулась и рухнула прямо на ступни, опущенные на пол, ударив по пальцам. Вековуха от неожиданной боли узорно выругалась, и притом матюки подобрались прямо на загляденье, аж самой понравилось. Лишь заслышав забористый мат разгневанной хозяйки птица быстрыми скачками допрыгав до входной шкуры, юркнула наружу во двор.

В жилище царил полумрак. Только угли очага тускло мерцали малиновым отсветом. Вековуха всё же встала. В раскорячку до топала до очага грузно переваливаясь с ноги на ногу и размахивая руками словно птица крыльями, помогая себе в неуклюжем перемещении.

Покормила домашний очаг сухими чурками. Дунула на угли. Вспыхнули огоньки пламени. Задёргались язычками, запрыгали переполненные радостью нового дня, в отличие от своей озлобленной хозяйки, от одного выражения лица которой вся домашняя полужить в страхе по углам попряталась.

Довольно просторная нора осветилась блёклым светом прыгающих из стороны в сторону язычков крохотного костерка под большим плоским камнем. Осмотрелась, не понимая, что это крылатое отродье могло так вы бесить. Ничего не обычного ни увидела. Прислушалась. Ночной ор сверчков с лягушками снаружи был вполне естественен и не настораживал. Ночь казалась обычной, никем не пуганой.

Вернулась к лежаку. Кряхтя подобрала старую клюку и тяжело, с трудом переставляя больные и ни в меру раздутые ноги поковыляла вслед за «сорочьим наказанием».

Время было предрассветное. Тихое. Весь баймак был погружен в пелену низкого тумана, медленно ползущего вдоль берега, от чего, казалось, что всё окружение находится в равномерном плавном движении, превратившись в одну огромную нереально потустороннюю реку.

Дануха огляделась. Идиллия была полная – сама безмятежность. Она прикрыла веки и медленно начала поворачивать голову. Сначала справа на лево, затем слева на право. Вековуха как локатором прощупала всё окружение своим ведьминым зрением. А что тут такого. Все

бабы на белом свете ведьмы²⁸, кто бы с этим спорил. Вот только большуха Нахушинского рода даже среди их шабошного отродья была ведьмой особенной.

Наконец она приоткрыла с прищуром заспанные глазёнки, внимательно всматриваясь в туман на реке. Опять закрыла и резко зашмыгала носом, будто собака угол обнюхивает, после чего громко хрюкнула, смачно сплюнула и в сердцах свирепо выдала:

– Убью, дрянь пархату, – и стала шарить взглядом по земле в поисках Воровайки, но умной птицы уже и след простыл, оттого прошипела злобно в туманную тишину грозя увесистым кулаком, – поймаю сучку. Перья повывёртываю, затолкаю во все дыры что найду. Особенно в твою мерзкую глотку.

Сорока объявилась лишь к полудню, когда баймак отобедал в полном составе. Неистово мечась над площадью, что была выровнена в центре поселения меж бабьих жилищ и стрекоча во всё своё сорочье горло, она поднимала нешуточную тревогу.

Дануха в то время баламутила прибрежную воду реки босыми ногами, нашёптывая заговоры на излечение отёкших во все стороны конечностей. Так сказать, проводила лечебные процедуры. Услышав истеричный ор сожительницы, большуха встрепенулась словно кто под зад под дал. С силой сомкнула веки, переключаясь на другой, только ей ведомый режим восприятия окружающего мира, и принялась принюхиваться.

Тут же резко дёрнула седой башкой как от удара в лоб, распахивая округлившиеся зенки в ужасе. Завертелась юлой в поисках клюки, воткнутой в песок у самой кромке воды в двух шагах, и схватив ручную подмогу торопливыми шажками полезла на пригорок, что был насыпным валом отделяющим реку от площади.

Подъём в общем-то был не так и крут, но для неё с её ногами он казался чуть ли не вертикальной стеной. Обычно спускалась и поднималась баба в стороне чуть дальше, где подъём был более пологим, и тропа там натоптана наискось под углом, но из-за спешки ринулась на прямую.

Предчувствие неминуемой гибели тащило вековуху кротчайшим путём чуть ли ни за шкуру. Подниматься пришлось на карачках, одной рукой опираясь на клюку, другой хватаясь за пучки травы, поэтому даже заслышав непонятный грохот Дануха ничего разглядеть из того, что там творилось, была не в состоянии. Лишь одолев подъём, запыхавшись до присвиста в горле она, ещё не разогнув спину задрала голову и первое что увидела, заставило её вообще забыть о дыхании.

На бабу неслось огромное, чёрное и мохнатое страшилище, издающее тяжёлый топот с грохотом, от чего даже Мать Сыра Земля в испуге занялась дрожью. Чудище в одно мгновение поглотило скрюченную вековуху, засосав в безмерную и абсолютно пустую черноту, где она намертво прилипла к такой же чёрной, но очень липкой паутине.

Почему в паутине? Дануха таким глупым вопросом не задавалась. Чай по возрасту уже не любопытная. Она просто поняла, что попала в безразмерную паутину, вот и всё объяснение. Помнила только, как во что бы то ни стало пыталась отклеиться от её липких объятий, но та хоть и поддавалась накоротке, держала пойманную крепко да так, что баба даже пошевелиться особо не могла...

Паутина, паутинка, кружевное полотно. Неожиданно большуха осознала себя стоящей на пороге собственного кута, а перед ней в пустоте, уронив голову на грудь замерла Тихая Вода, одна из тех двух прошлогодних невесток, купленных его сыном – родовым атаманом Нахушей в каком-то дальнем баймаке.

²⁸ Ведьма (ведьмак) – человек имеющих нежить-покровителя. Ведьмой можно было стать двумя способами: 1. Получить нежить-покровителя от другой ведьмы, 2. Стать ведьмой если нежить сама выбирает её. Была ещё и третья разновидность ведьм, хотя, в прямом смысле этого слова, ведьмой её назвать было нельзя. Это те, кто на свои цели порождал целую свору полужитей, и использовал их не всегда по назначению.

Особых нареканий у неё на эту молодуху не было. Под сыном не брыкалась, зубы не скалила, приняла его со всем почтением. Забеременела как положено. Нормально выносила, родила словно не первородка, а рожавшая баба. Вот уж почти год выкармливает поскрёбыша. Хорошенькая растёт девка ничего не скажешь, здоровенькая.

Не плохой бабой станет, послушной, покладистой. Подумала тогда Дануха принимая из рук невесты разрисованное ярко-красное яйцо. И тут же на ощупь учуяла какую-то странность, не правильность. Пригляделась. Ба.

Дануха хоть и числилась вековухой, но на глаза не жаловалась. Вот зубов было мало, всего три. А глаза были на месте и остры, и зорки. Поэтому ей не составило труда разглядеть на подарочном яйце тонкую ажурную сеточку. А как покрутила в пальцах и рассмотрела, поняла, что на яйцо искусно наклеена паутина. Да так ладно, что не разрыва ни видать, ни стыка. Всё ровненько.

– Лепо, – похвалила её Дануха, продолжая разглядывать неведомую поделку, – кто это тебе науськал?

– Сама, Матерь рода, – елеиным, мягко стелящим голоском ответствовала невестка, – правда получилось не с первого раза, но я упорная.

– Глянь-ка на неё, сама она. Ну чё ж, упорна, приходи на Моргоски, – ответила большуха на её затейливый подарочек и при этом снисходительно кивнула.

– Благодарствую тебе Матерь рода, – буквально пропела Тихая Вода, резво кланяясь низко в пояс до земли с рукой как положено.

«Подмазала, как подлизала», – подумала тогда про неё суровая Дануха, расплываясь в хищной улыбке голодного людоеда, ничего хорошего молодухе в будущем не предвещающей. Тут невестка испарилась будто не было...

Вот Дануха уже сидит во главе праздного стола, накрытого прямо на поляне у реки, и всё вертит в пальцах подарочное яйцо, продолжая его внимательно разглядывать. А вокруг будто в безмолвии весь её бабняк в полном составе пуза набивает.

Справа увидела Сладкую, свою лучшую и единственную подругу, что без зазрения совести всё ела и ела. Жрала и жрала, загребая обеими руками в рот всё подряд. Скоро лопнет, подумала беззлобно и с каким-то равнодушием Дануха как о свершившемся факте, но тут же задумалась. А куда эта жирняга у себя внутри всё складывает? Напрямую в жопу свою безразмерную чё ли?

Вдруг у Данухи ни с того ни с сего по всему её широкому телу мурашки побежали и пробрал озноб. Оглядела поляну увесистым тяжёлым взглядом будто искала виноватую, и на краю заприметила стоящих на коленях трёх новеньких просительниц в бабняк, ожидающих её решения.

Для начала подозвала Цветущую Сирень. Эта молодуха была из своих, доморощенных и ей, как и двум невестам из других баймаков предстояло преодолеть последнее испытание для посвящения в законные бабы.

Пройти эту плёвую проверку на желанное «бабье право» было с одной стороны проще пареной репы, а с другой, оно для кого-то становилось абсолютно невыполнимым. В лепёшку расшибались, а не получалось.

Задание с виду простенькое. Большуха каждой по очереди вручала деревянную посудину, уже изрядно почерневшую от времени, что-то вроде глубокой миски, вырезанной из цельного куска липы, и отправляла просительницу на родник принести ключевой воды. Ей, видите ли, пить приспичило.

Та бежала к источнику, зачерпывала воду в миску и доставляла большухе с превеликим почтением. Вот и всё испытание. Но если бы было всё так просто как сказано, то молодухи бы не топились после этого, а такое порой случалось, хоть редко да метко. Притом топились до смерти.

Во-первых, сложность заключалась в том, что родник был не простой, а самый что не наесть «змеиный», особенный. Охраняла его старая белая гадюка. Не знаю сколько живёт обычная ползучая тварь, но эта похоже пережила уже не одно людское поколение.

Ни одну большуху видывала и ни одного человека на тот свет спровадила. По какому принципу гадина отбирала людей точно никому не было известно, но местные бабы верили, что худого ни за что не подпустит к священному роднику. Либо ещё на подходе пугнёт, либо укусит, когда тот пьёт, не подозревая беду.

Вторая особенность родника состояла в том, что хоть и был он с виду обычным источником, но не являлся таковым для Нахушинского бабняка и тем более для большухи, ведающей его секретами.

Дануха ту воду не пила, а производила с ней три очень странных на вид действия. Сначала она эту воду нюхала. Хотя та хоть занюхайся ничем ни пахла. Обычная, кристально чистая, родниковая.

Потом щупала её своими толстыми пальцами, растирая сырость между большим и указательным. Будто выискивая там попавшие песчинки или устраивая проверку на жирность со скользкостью. И в конце концов пробовала на вкус, но опять же не с миски пила, а облизывала всё те же мокрые пальцы.

После трёх простых, но непонятных ведьминых деяний, она выносила непререкаемый приговор, что бывал только двух видов. Первый и для всех желанный: тебя водица приняла в бабняк. После чего хватала молодуху, стоящую пред ней на коленях за косу и острой кремниевой пластиной без всякого зазрения совести, буквально отпиливала девичью красоту, укорачивая ей волосы по самые плечи.

Вот и всё. Нет больше косы девонька. Вставай с колен новоиспечённая баба и садись за стол вместе со всеми пропивать утраченную бесшабашную молодость.

Второй вариант приговора для любой молодухи был как серпом... ну, не знаю по какому месту девкам серпом надо пройти, чтобы было побольней. Большуха говорила те слова ласково, беззлобно, как дитя малому. Иди-ка ты девка погуляй ещё годок, а на следующие Моргоски так и быть приноси свои подарочки. Глядишь и пригласим, коль не скурвимся.

Такое зачастую молодуха могла слышать и год и два и три, и детей не одного нарожать, а всё в бесправных невестах и молодухах хаживать, а бабьего права так и не получить. Хотя такое бывало крайне редко, чтобы родовой змеиный источник девку наотрез отказывался принимать. Вот по этой причине кой у кого нервишки и не выдерживали.

Именно поэтому молодухи все как одна, невестясь при баймаке, к этому роднику как на работу ходили чуть ли не каждый день. И кормили-то они его яствами, и поили-то они его кто во что горазд, а какие беседы сердешные там вели и сколько слёз солёных в нём утопили, вообще не счесть.

Тут сознание Данухи скакнуло вперёд, и она увидела себя уже в самый разгар застолья. По ощущениям была вдрызг пьяная, но странные дела творились. Чем больше пила горячительного, тем больше мёрзла от непонятного холода...

Очухалась она в первый раз плавая в реке кверху надувшемся пузом. Уткнувшись головой в прибрежный камыш, её тушка колыхалась на мелководье. Озноб колотил крупной нескончаемой дрожью. Последние зубы безжалостно добивали друг дружку. И тут в раскалывающейся от боли голове неожиданно мелькнула мысль: «Хорошо, что во мне говна много, а то б утопла к *²⁹ матери».

Но то была единственная незатуманенная мысль, а все остальные осознавались ни то кошмарным мусором, ни то мусорным кошмаром. С разбега и не разберёшь. Вот будто спишь

²⁹ Здесь и далее под звёздочкой скрыты матерные слова. Предлагается читателю проставлять самостоятельно в меру его испорченности.

и сны один на другой карабкаются, с кондачка насакакивают, а какая-то сволочь тебя постоянно будит и никак не добудится. И уснуть толком не можешь, чтобы один сон посмотреть, потому что тебя тормозят, сбивая концентрацию, и проснуться не можешь, потому что эта сволочь тебя не дотормашивает.

Она хотела было отмахнуться от этой назойливой дряни что будит еле-еле. Врезать сучке промеж бровного разлёта, чтобы те надглазные кусты вообще разлетелись и осыпались. Дёрнула рукой и окончательно проснулась.

Резануло от локтя до кисти так, что аж искры увидела с того света. Разлепила заплывшие зенки, а в них всё вертится круговоротом, плывёт и качается. Да хорошо так укачивает, аж блевать потянуло. Еле сдержалась закрыв их обратно. Поняла, что плавает в реке и что надо бы на берег пока совсем ни замёрзла или не захлебнулась. Уразумела что нужно бы зад утопить, чтобы о дно ногами упереться, но жопа ни в какую топиться не собиралась хоть ты тресни.

И так она топила этот «спасательный шар» и сяк толкала под воду, да куда там, ничего не получилось. Не тонет говнохранилище и ни чего ты с ним не поделаешь. Потом толи Дануха сообразила, толи туловище и без неё справилось, толи случайно так получилось, но нащупала дно не двумя ногами как старалась по началу, а одной, и зацепившись за водоросли, смогла наконец утопить безразмерную задницу, а там почувствовала и опору под ногами.

Встать не встала, но и ни пробовала. Лишь еле-еле перебирая ногами, цепляясь за водную траву, отталкиваясь от песчаного дна, где получалось, она проталкивала своё туловище сквозь камыш к берегу. Но лишь спина выползла на тёплый песок, задница опять заявила протест. Застряла. И как Дануха не корячилась, вытолкать седалище на сушу не удавалось никакими стараниями.

Ноги в речном песке буксовали, выкапывая канаву, а эта хрень упёрлась не понятно какими рогами, и наотрез отказывалась из воды вылезать, хоть на самом деле отчекривай и выбрасывай.

Тут Дануха поняла, что устала. Только веки закрыла и почувяла тепло нагретого песка широченной во всех местах спиной, особенно по бокам куда расплющилось пузо, тут же заново провалилась сознанием в кромешную тьму...

И вот она вновь осознаёт себя на Моргосках за накрытой поляной. Сидит и опять девок на родник спроваживает, только на этот раз пихает в бок Сладкую, что всё жрёт без перерыва.

– Хватит жрать, жопа безразмерна, айда-ка разомнись, повесели народ. Глянь за девкой. Да смотри не переусердствуй мне.

– Да ты ж меня знаешь, подруга, – пробурчала баба с набитым ртом непонятно чего-то не пережёванного, и с таким видом будто обиделась на неправомерный наезд.

– Да я-то тебя знаю, подруга, – передразнила её ехидно Дануха, – коль Сладкая в лес по грибы пошла, так * настал за одно и зайцам и «охотничкам».

Бабы пьяно загалдели, добавляя хмельных реплик по этому поводу и снабжая свои комментарии красочными картинками предполагаемого похода по грибы. Сладкая на всё это никак не отреагировала будто и не слышала, потому что ей было некогда. Она с усердием дожёвывала. Это было для неё куда важней, чем обращать внимание на сальные шуточки пьяных баб.

Сначала хотела было выплюнуть то, что перемальвала зубами как жерновами, но потом замерла задумавшись, прикинула что-то в своём заплывшем жиром умишке, да и проглотила натужно до конца так и не дожёванное. Видать жалко стало выплёвывать.

Кряхтя и громко поминая неласковыми, а местами заковыристыми словами зайцев с охотниками, она приступила к процессу поднятия не подъёмного тела из-за стола. Сначала взгромоздилась на карачки или повалилась на безразмерное пузо. Принятая ей поза со стороны была однозначно неопределяемая.

Отдышалась, и рывком отталкивая от себя землю поднялась на колени, укладывая на них все свои потроха. Вот. Пол дела сделано. Потянулась поочередно руками, поправляя мешки с грудями, завалившиеся по бокам неохватного брюха.

Одна нога рывком упёрлась в землю. Ещё рывок со взмахом рук словно большая птица крыльями... и вот она во всей красе. Поднялась красиво, легко, аки пушинка лебяжья, даже поляна не дрогнула. И пошла, разбрасывая тумбы ног по сторонам и залихватски почёсывая себе по тому месту, где должна была быть лебединая шея, но где уж давно никакой не было.

Сладкая, дело своё знала "от" и "до". Не одну засыху подкосила на этом поприще. Как девка бежит и скачет до источника ей плевать было с высокого дерева. Как и о чём она там с ним разговоры разговаривает ей было тем же концом в то же налаженное место, а вот на обратном пути с полной миской, молодуха не имела права ни на один звук, ни из одного отверстия. Вода должна быть принесена – «тихая».

Бабы, что посылались для пригляда за чистотой проведения испытания, вместо того, чтобы следить за правильностью выполнения ритуала, изгалялись над бедными молодухами как последние сучки, прости их Троица. А под кожу залезть да туда нагадить и в придачу ещё харкнуть смачно в чистую душу, ещё не изгаженную бабняком, при этом вынося и поклёвывая ей всю дорогу мозг – это же каждая баба речников умела с рождения. Самой Матерью Сырой Землёй видимо была заложена в неё эта способность. А тут как раз представляется такой халявный случай. Ну ведь грех не воспользоваться.

Единственный «недочёт» был в этом устое. Дозволялось всё, но только без рукоприкладства. Сладкую этот запрет всегда доводил до нервного почёсывания всех телесных мест докуда дотягивались ручки. Притом не только бить, касаться молодухи было нельзя. Да что касаться, подступаться ближе, чем наотмашь руки запрещалось категорически. Тьфу! Как это бесило Сладкую. Хотя она баба тёртая и одним языком со словесным нахрапом могла так ухайдакать – мало не покажется.

Вот молодуха до источника сбегала, на коленках лбом оземь постукалась, зачерпнула доверху чашку ключевой воды и засемила обратно, стараясь не пролить ни капельки. Сладкая не спеша вышагивала на встречу. А куда ей торопиться? Чай молодуха не от неё бежит, а на неё торопится. Где столкнутся там и начнёт издеваться.

Не ходила она далеко от поляны с бабами ещё и потому что для задуманного представления ей требовался благодарный и понимающий зритель. А без зрителя выпендриваться лишь для себя, это всё равно что рукоблудством заниматься. Только она отродясь таким пороком не страдала. Нет, пороков в ней было хоть отбавляй, больше собственного живого веса. Вот только таким конкретно, баба точно не баловалась.

– Дай сюды! – завопила Сладкая во всю свою лужёную глотку, семенящей навстречу за шуганной молодухе.

Ну а дальше началось как по утверждённому плану, со всеми вывихами с завихрениями. Обозвав испытуемую такой сякой по-разному, да такими обидными словечками из собственного житейского репертуара, что молодуха отродясь, наверное, никогда такого не слышала. Гром-баба, размахивая кулачищами с её голову принялась награждать её эпитетами один похабнее другого, один другого непристойнее.

Молодуха от неожиданного окрика вздрогнула по отдельности каждой частичкой своего тела. Пролила на руки драгоценную воду. Перепугалась до смерти округлив в животном ужасе глазёнки, и хотела было рот открыть, но вовремя спохватилась. Насупилась, уткнулась в миску злобным взглядом мстительно запоминая обидчицу, и не останавливаясь просеменила дальше, обходя по большой дуге глыбу разъярённого жира. Ибо прекрасно знала правила. Она в данный момент неприкасаемая. Хотя и покраснела от услышанного до кончиков ушей.

– Стоя-ять! – взревела баба из-за девичьей спины оглушающим истеричным воплем, переходящим на визг, отчего кажется даже листья с дерева посыпались.

Далее на молодуху скороговоркой вылилась новая матершинная похабщина на том же эмоционально взвинченном уровне, не имея в общем-то под собой никакого смысла. Мол какая-то девка во всех местах мелко сложенная и дурно воняющая прокисшими отходами собственного недоразвитого влагалища, игнорирует такую важную и грозную бабу, лучшую подругу самой большухи.

Молодуха только лишней раз вздрогнула от окрика, остановилась в не ком параличе, потеряв осознание времени и пространства, но услышав впереди залиvistый смех бабняка, раззадоренного представлением, сделала в нерешительности пару шагов, а затем скорчив на плотно сжатых губах злобную ухмылку пустилась чуть ли не бегом к вожделенной поляне, уже наплевав на пролитую на руки воду.

– Да я тебя..., – продолжала визжать кружевным и забористым матом вошедшая в раж жирная баба, уже явно не поспевая за ускоренным шагом молодки, что оказалась на удивление толстокожей для её ругани.

Дальше Сладкая принялась красочно описывать действия, которые она непременно проделает с этой не послушницей, что как вы понимаете очень мягко сказано. При том все обещания почему-то были исключительно насильственно сексуального характера с применением острых колов и берёзовых брёвен. Непременно обещая ей что-то порвать и при том не в одном месте, а во множестве.

И тут Сладкая не выдержала величины собственного таланта, и сама подключилась к общему шквалу хохота падая на четвереньки со слезами восхищения от себя любимой, визжа при этом и хрюкая как поросёнок замученная щекоткой.

У испытуемой молодухи чуть «хмык» через нос не выскочил, и она просто чудом удержалась чтобы не издать этого мерзкого звука, что мог в раз стоить ей всего что вытерпела.

Девка до крови закусилась нижней губой. Боль не дала заразиться безудержным весельем и буквально бегом донесла миску Данухе, что закатывалась в истерике валяясь на земле кверху пузом. Большуха, как и все бабы на испытуемую не смотрела, а заливалась слезами над дурашливым представлением подруги.

Ну а Сладкая уже сама так билась в припадке неуёмного веселья, что даже стоя на карачках ползти была уже не в состоянии...

Глава пятая. Всё что нас не ломает, делает в глазах ломающих, сильнее.

Колесница слегка дёрнулась, выводя Индру из состояния радужных воспоминаний. Он резко обернулся и не увидев у ног пленницы тревожно встрепенулся, но тут же успокоился. Она тащилась по траве на верёвке, привязанной за ногу, и была полностью голой, так как какое-то подобие одеяния что на ней было, задралось аж на голову. Пленница беспомощно, но молча брыкалась, сверкая белоснежной задницей на фоне зелёной травы, но сделать ничего не могла, так, как и руки, и ноги её были связаны.

– Стой, – тихо велел атаман возникшему спрыгивая с колесницы.

Подойдя к закутанной с головой в собственные рубахи девушке, отчаянно извивающейся словно недорезанный дождевой червяк он замер, оценивая девичьи прелести со всеми причитающимися «особенностями». Затем с силой ухватил её за собранное на голове платье, зацепив вместе с волосами, и рывком поставил на ноги.

Купол тряпок комом рухнул вниз, шелестя расправляясь и принимая первоначальное положение, открывая красное от натуги и искажённое от ужаса лицо пленницы, с бешено бегающими и ничего не понимающими глазами. Волосы на голове приняли конфигурацию рыжего взрыва. Возникло ощущение что они просто встали дыбом и теперь ни в какую не желали возвращаться в исходное состояние.

Он сграбастал это расфуфыренное чудо поперёк тела одной рукой и дотащив даже не сопротивляющуюся жертву до колесницы, закинул на шкуры как мешок с рыбой. Пленница, как только грохнулась на пол тут же ожила. Рыжая нарочито шустро юркнула к борту, вжалась щуплой задницей в угол и замерла, прижав колени к груди и уткнув в них чумазую мордашку.

Она загнанным зверьком лихорадочно осматривалась, производя подобно птичьей голове резкие рывки по сторонам с секундными паузами. Наконец, подняв ошарашенный взгляд на стоящего прямо перед ней чёрную нежить с человеческим лицом, замерла провалившись в ступор. Вытаращившись до состояния максимально возможного и распахнув рот, девушка одним выражением лица умудрилась задать целую гамму вопросов. Где я? Кто ты? Что происходит? Куда меня везут? Ну и так далее и тому подобное.

У Индры в руке блеснул нож. Пленница зажмурилась, захлопывая рот с зубным лязгом. С бульканьем тяжело сглотнула и, кажется, перестала дышать в ожидании неминуемой смерти. Но он только перерезал верёвку высвобождая локти, тут же опутывая ей кисти рук, и как только она вновь распахнула глаза безразлично отвернулся будто ничего не произошло. Атаман тихо и расслабленно скомандовал возникшему «Поехали», и облокотившись на противоположный борт устремил взгляд куда-то в даль...

Индра – сын коровы, и этим все сказано. Участь его была предрешена ещё до рождения. Подобные ему, как только вырастали становились либо пастухами, вечно воюющими с хищниками за стадо, либо охотниками, бесконечно где-то бродящими в поисках добычи, либо ещё какой-нибудь, но непременно грубой рабочей силой.

Коровы в отношении детей придерживались своих вековых речных традиций. Малышня находилась под постоянным присмотром мам, а как дети достигали подросткового возраста, то из-под этого контроля начинали уходить. И чем старше, тем дальше.

Как таковой единой мужской артели во главе с атаманом, что, по сути, и обеспечивала какое-никакое воспитание и контроль ватаги у арийцев не было, а хозяину коровника и «завхозам» учить "живые вещи" чему-либо даже возбранялось их культурой. Единственное что хозяева жизни от них требовали – это безропотное подчинение и нескончаемую работоспособность.

Только когда мальчик достигал пятнадцатилетнего возраста его определяли к той или иной мужской группе для обучения какому-нибудь делу и работы на благо рода. Притом в первую очередь работы, а уже по мере её выполнения параллельного обучения. Но иногда не расторопные хозяева и этого не делали, особенно если не контролируемое рождение просто «заваливало» коровник никому ни нужным потомством.³⁰

Ватаги при арийских поселениях создавались сами собой и сами себе были предоставлены. Иногда в некоторых складывалось подобие бабняка с большухой, эдакой старшей по коровнику, бравшей ватагу под контроль, но это случалось редко. Ватага Индры как раз оказалась в положении бесхозности.

Хозяин в конце концов подарил его одному из своих официальных сыновей от первой жены. В коровнике этот «мажор» появлялся довольно часто, но не для того, чтобы за ним следить, а для того... – ну вы поняли. Пацанская ватага ему вообще ни во что не упёрлась.

Лишь в определённый сезон года о ней вспоминал, когда использовал пацанов для сбора мухоморов в лесах в промышленных масштабах, ну и так изредка по мелочёвке, притом он не опускался до личного присутствия при постановке задач, а давал поручение охране. Его молодая жена, официально назначенная большухой вообще была только один раз при представлении, и больше носа туда ни разу не показала.

К тому времени, когда Индра достиг возраста перехода в работники, его ватага, да и весь его родной коровник оказался попросту забыт и брошен на произвол судьбы на самовыживание. Их никто не кормил, никто не снабжал, никто не охранял.

Почему так произошло никто не знал. Просто в один прекрасный момент заболели семьи охранников, скорей всего отравившись. Сдохли все до одной собаки. Мажор в одночасье перестал появляться. Всё говорило, что их списали как вредных и заразных посчитав вымершими.

Индра тогда даже не задумывался ни о причинах всего происходящего, ни о последствиях. Ему никто ничего не объявлял, никто ничего не объяснял. Просто бросили коровник и всё. Хорошо, что не сожгли. Хотя наверняка сынок доложил папаше о заразе и ликвидации

³⁰ Демографический взрыв в арийском обществе возник в результате культовой реформы. И жёны, и коровы изначально пополнялись в арийском обществе из одной среды – жителей страны рек, которых выкупали, выигрывали, воровали и просто отбирали у слабых либо обманом, либо силой. У речников была сформирована идеальная по тем временам система деторождения, позволяющая держать под строгим контролем численность народонаселения. Они в одно время зачинали детей, на Купальную седмицу и в одно время рожали на Родную. Рожали в стерильных условиях – в банях и послеродовой период в течение 6 седмиц, проводили там же, что обеспечивало очень большой процент выживаемости грудничков в первые дни. Родопомощением занимались самые опытные члены бабняка, как правило, большухи, для которых это было святой обязанностью и знали они его в совершенстве. Дети, рождённые в конце весны – начале лета до наступления холодов успевали окрепнуть. Хорошо развитое травничество, умение справляться с различными заболеваниями природными средствами, замкнутый и строго контролируемый процесс подрастания детей, сводило к минимуму детскую смертность. Эти отлично подготовленные для родов и выхаживания потомства женщины попали в арийское, мужское общество, где у них отняли их старую веру и под страхом смерти прививали новую. Естественно, что патриархальное общество арийцев не могло смириться с тем, что им можно соединяться с женщинами только в определённое время. Они хотели заниматься этим, когда, как и где захотят. Но несмотря на все свои вольности, женщины беременели на Купальную седмицу, а рожали на Родную и исключения были крайне редки. Все дело в том, что бабы страны рек не только в совершенстве владели искусством зачатия, но и обладали знаниями и умениями не беременеть, когда им это было необходимо. И мужчины арийцы ничего с этим поделать не могли. Хозяйские коровы иногда шли на откровенный саботаж – не беременея даже на Купальную седмицу, лишая хозяина прироста рабочей силы, т.е. роста экономического благосостояния и самое страшное, лишая его грудного молока, необходимого для приготовления наркотика – Сомы. Такие случаи были не единичны и ставили перед арийским обществом серьёзные проблемы. Жрецы, которые тоже были хозяевами своих коров, нашли радикальное решение этой проблемы. Так как всё что происходит, согласно верованиям, происходит по воле богов, они обратились к асурам и спросили: «За что наказываете?» и те соответственно ответили, пожаловавшись на то, что у людей коровы есть, а у богов нет и якобы потребовали от людей коров. Что жрецы и выполнили. Выявив заводилу одного из мятежей, её прилюдно сожгли, передав её с помощью Агни, т.е. бога огня, на небо богам. Так в одночасье появился обряд жертвоприношения, который удивительным или как объявили жрецы, чудесным образом решил проблему саботажей. Никакой их женщин не захотелось быть следующей. Жертвы плодородию стали регулярными. Коровы из-за страха за жизнь старались забеременеть чуть ли не наперегонки. Теперь женская половина держалась в постоянном страхе не только перед богами-асурами и природой с её законами Рита, но и вполне реально осязаемыми ритуалами жертвоприношения. Женщину, которая по каким-то причинам не могла или не хотела рожать, попросту прилюдно приносили в жертву. Эта реформа в культе вероисповедания арийцев и стала той бомбой, которая произвела демографический взрыв в их обществе.

их дальнего коровника, ничего при этом не сделав. Это было как раз в его стиле, никчёмного и трусливого ублюдка.

Небольшое поселение, затерянное в лесу достаточно далеко от города, оказалось в бедственном положении. Сам Индра, к тому времени став атаманом ватаги вынужден был взять процесс выживания в свои руки всех тех, кто остался в селении, ни умер от болезни и голода, и не сбежал как это сделали взрослые пастухи и охотники.

Будучи уже переростком, как и весь ближний круг ватаги, пользуясь полным отсутствием контроля со стороны, Индра развил бурную деятельность, соответствующую своему бунтарскому возрасту. Он не только был физически силен не по годам и натренирован старым папашей как человеко-зверь, но и по-своему умён, правда с несколько патологическим уклоном. Ум не затуманенный морально-этическим мусором был сконцентрирован на культе силы.

Он с пацанами сделал мастерский подкоп в хранилище Сомы в родном городе его папашы Мандалы, регулярно таскал оттуда жреческую заначку божественного напитка, и как результат, вся раскаченная исключительно в силу ватага подседа на это агрессивно действующее пойло, увеличившая культивируемую силу в разы.

В один прекрасный момент они превратились в хорошо организованную малолетнюю банду, нагоняющую страх и ужас на всю округу, с которой, как ни странно, никто из городских высокородных арийцев не боролся. А всё потому, что он не безобразничал под стенами своего города, прекрасно зная волчий закон – у дома ни охотиться. Страдали территории соседних городов, что в принципе было выгодно руководству Мандалы. Поэтому его решили до поры до времени не трогать, хотя и старались приглядывать.

Это банда с лёгкостью подмяла под себя соседние ватаги до кого смогла дотянуться, кого-то «прибрав» в свои ряды, на остальных наложив негласную дань на содержание родного коровника, находящегося на их иждивении.

Постепенно подпольная власть молодого Индры в определённом округе поселений стала безоговорочной и это ему очень нравилось. Он уже тогда почувствовал себя "царём горы". Вся территория вокруг их захолустного коровника превратилась в своеобразное минное поле. Она была усеяна силками, хитроумными ямами-ловушками, поставленными на крупного зверя, в том числе и на человека. По всюду соорудили непролазные завалы с проходами только для знающих. В общем, бывший некогда коровник превратился в неприступную крепость.

Женщины, некогда числившиеся коровами и в одночасье став свободными сорганизовались, выбрав старшую и разделив между собой права и обязанности. Захватили жреческие плантации, где устроили свои огороды. Плюс к этому целое специальное подразделение ватаги из молодняка занималось охотой и рыбалкой.

И это, к сожалению, были единственные добропорядочные деяния, совершаемые банда. Основным источником благосостояния Индры был всё же грабёж. Банда вышла на кровавую охоту. Но новоиспечённому главарю хватило ума не «пакостить» в землях Мандалы, а направить всю свою преступную деятельность на соседей.

Вскоре другие арийские города почувствовав в этом молодняке нешуточную угрозу, довольно большими силами устроили на Индру откровенную облаву. Он был вынужден сначала затаиться, а затем и отказаться от вылазок к соседним городам, переключив своё внимание на речников, за которых арийцы даже не подумали бы заступаться. Пусть те проживали значительно дальше, но так оказалось ни только спокойней, но и гораздо выгодней.

Добыв охотой волчьи и медвежьи шкуры и сшив себе добротные маскарадные костюмы, они поначалу принялись проводить целые хитроумные операции по уменьшению поголовья «речного» скота, устраивая все, как деяния лесных хищников. При этом ни разу не попались, умудряясь обманывать ушлых звероловов и пастухов.

И наконец, в один прекрасный день атаман с ближним кругом опоенные наркотиком во время очередного рейда за мясом, нечаянно наткнулись на караван с продовольствием, кото-

рый артельные мужики из Страны Рек везли в город на обмен и продажу. Притом малолетние бандиты не просто ограбили обоз, а поубивали сопровождающих, спрятав все следы их существования.

Дело было не мыслимое, но подумав, атаман пришёл к выводу, что они и так гои и терять им бесправным уже просто нечего, Индра решил действовать по-звериному жестоко, сам по локти вымазавшись в человеческой крови и замавав ею всех приближённых, что резко сплотило молодчиков.

Первая пролитая кровь прошла абсолютно безнаказанно. Может речники со временем и хватились пропавшего обоза, даже наверняка хватились, но Индра об этом ничего не знал. Безнаказанность породила вседозволенность, и охота на обозы с речниками приняла регулярный характер.

В одном из очередных рейдов шайка Индры вышла в район баймака, где когда-то повстречался с маленькой рыжей бестией. Как ни странно, но эта девчонка глубоко запала ему в память. Его давно подмывало «погулять» в эти места, но что-то постоянно останавливало. Постоянно перенаправляло его бурную бандитскую деятельность в сторону.

Оставив отряд в стороне от загона готовиться к импровизированной «волчьей» охоте, он ничего никому не объясняя, в одиночку, незаметно прокрался в стойбище бабняка. Индра понимал, что это было глупо с его стороны, но молодому мужчине нестерпимо хотелось во что бы то ни стало её увидеть.

Он сам даже не мог себе объяснить эту непонятную, щемящую где-то в сердце тягу, буквально тащившую его за шкуру. Он пошёл один, потому что боялся в этом признаться хоть кому-нибудь. Атаман задыхался от неловкости и стеснения перед пацанами, а вдруг кто из них узнает о его слабости, такого сильного, властного и непоколебимого в своих решениях, что может в одночасье разрушить весь его авторитет.

Индра внутренне разрывался. Желание видеть её и не желание, чтобы об этом кто-нибудь узнал, буквально разваливало на части его крепкое натренированное тело. Всё валилось из рук. Невероятным усилием воли он удерживал на лице видимое спокойствие, давая последние указания.

Отряд остался ждать, а он ушёл, наиграно спокойно и беззаботно будто пошёл в кусты отлить. Но как только скрылся за очередным холмом, густо покрытым высокой травой и редким кустарником, перешёл на бег. Сердце отчаянно колотилось, лицо пылало огнём, мурашки вспыхнувшего азарта бегали по всему телу. Эйфория топила разум, и он захлёбывался в упоении ею.

Нашёл её сразу, как только добрался до края огородов. Она, вместе с такими же девчонками непринуждённо задрав щуплую задницу к небу весело занималась полевыми работами. Что-то девушки там со сноровкой щипали на грядках, выбрасывая в проходы, сопровождая нудный процесс хихоньками и хахоньками.

Индра особо не прислушивался о чём они там говорили и по поводу чего смеялись. Он был буквально очарован ею. За какие-то две осени девочка преобразилась как по волшебству. Огненно-рыжий цветок распустился и превратился в очаровательную, соблазнительно манящую к себе девушку. Уже не просто симпатичную, а до умопомрачения красивую.

Одна из тружениц видимо на что-то обидевшись, выпрямила спину и дурашливо бросив в рыжую красавицу выщипанной травой назвала её по имени. Именно тогда любуясь её красотой, он неожиданно ещё и узнал, как её зовут. А звали это обворожительное создание божественно-небесным именем, – Утренняя Заря. Да, подумал тогда Индра, её и не могли назвать никак по-другому. Она самая настоящая утренняя заря, величаво прекрасная, божественно чистая, ласкающая своим нежным взором всю землю в предшестве дня. Она и есть, самая настоящая богиня утренней зари.

На обратном пути пребывая в радужных мечтах и в состоянии опьянения от первой в своей жизни влюблённости, потеряв всякую осторожность он неожиданно напоролся на артельный заслон, что обходил лесом загон метя территорию и отпугивая хищников.

Их было трое и с ними две здоровые собаки, которые его и выловили. Не понятно, что подумали мужики про арийского подростка на своей земле, но натравили собак, не задумываясь и помогая псам били по-настоящему, даже не спросив кто такой и что тут делает. Только когда Индра, забитый до полусмерти и истерзанный псами перестал сопротивляться, потеряв сознание, мужики бросили его подышать, решив видимо таким образом подбросить падаль на прокорм волкам, чтобы те лишний раз не лезли к стаду.

Но сын отца-зверя, закалённый побоями с детства, оказался на редкость живучим. Индра, придя в себя добрался до отряда только к вечеру в виде окровавленного куска мяса вперемежку с огрызками одеяния. Ватага отступила в ночной лес, ничего ни этой ночью, ни следующим днём не предпринимая. Отлежавшись, атаман ничего никому не объясняя велел тащить его в логово. Злопамятный атаман затаил на этот баймак кровную обиду, но набег на его стада в будущем больше ни разу не предпринимал.

В это время во всём обжитом ореоле двух соседствующих культур сложилась напряжённая ситуация с территориальным вопросом. Арийцы испытывали никем не контролируемый демографический бум. Хозяев, истинных арийцев становилось всё больше. Вырастали законнорождённые дети, отпочковывались от родителя и формировали свои семьи со всеми причитающимися атрибутами, с семейными пирамидами, стадами скота, в том числе и женского.

Но для этого требовалась дополнительная пустая земля, а её уже не хватало. Крупные водные артерии и прилегающие к ним земли были заняты жителями Страны Рек. Речники благодаря комфортно обустроенной и продуманной системе деторождения так же плодились с завидной регулярностью, и так же при избытке рода дробились и отпочковывались, занимая любые пустующие земли вдоль рек.

Но сложность их расселения заключалась в том, что древней автохтонной культуре была нужна только река, а занимать пригодную для жизни территорию, но без рек, они не могли согласно вековым устоям и религиозным предрассудкам. И если по началу те и другие жили компактно, отдельно друг от друга, то в это время большое количество новоиспечённых арийцев двинулось на поселение в некогда буферные регионы, и их соседство переставало быть мирным, так как стали неизбежные столкновения различных культур и на бытовом, и на политическом уровне.

У арийцев в результате Великого Потопа на Море-Океане остались представители только пяти народов из семи, а значит пять верховных жрецов. Народы были неравнозначны ни по количеству населения, ни по влиянию городов, тем не менее им удавалось сохранять некое единство, хотя и не без трений.

Речники объединялись более устойчивой вертикалью власти, на вершине которой стоял род, выбранный общим сходом всех родовых атаманов. Выбранный атаман был живым воплощением трёх природных Начал, трёх общностей мироздания. Он обладал волшебными реликвиями и почитался как трёхголовый змей земли, воздуха и воды.

С одной стороны, выборность единого руководителя давало устойчивость общественной системы, её относительную консервативность и вместе с тем моноустремлённость в развитии, базирующуюся на вековых традициях и передаваемых по наследству устоях предков. Но с другой, повышенная плотность населения на определённой территории накапливала напряжённый потенциал в межродовом противостоянии кланов, становившихся все многочисленнее, а благодаря недоброму соседству с арийцами, ещё сильнее и агрессивнее.

Таким образом росло напряжение в среде арийцев, росло напряжение среди речников, росло напряжение в отношениях между обеими системами. До поры до времени конфликты удавалось сглаживать путём прямых контактов между представителями двух верхушек. Тра-

диционно существовали праздничные дни как у арийцев, так и у речников, на которых собиралась знать с обеих сторон и на этих встречах удавалось решать конфликты миром, но с каждым разом это становилось сделать все труднее и труднее.

Если первоначально арийцы во многом зависели от решения вождя Страны Рек, то со временем все поменялось в точности на оборот. Превосходство арийцев и в людской массе, и в технологической составляющей, в том числе и военной, которую речники просто не имели за ненадобностью, поставили коренных жителей в подчинённое положение, прося защиты у «отцов народов» от бесчинства их же подданных. С одного из таких арийских праздников – Трикадрук, с массовым возлиянием Сомы, в жизни всей огромной степи наступил новый поворотный момент, переломавший и судьбы, и жизни очень многих.

Минула верхушка лета. У речников отгуляла, отплясала, от стонала Купальная седмица. Впереди предстояла заключительная пьянка бабняка – Кузькина Мать. Мужиков и пацанов от баймаков как ветром сдуло. Вал, он, конечно, мужицкая Общность главный в Троице, но и Вседержитель от пьяных баб и в столь разгульный праздник норовит куда-нибудь подальше заканяться.

У арийцев именно в это время проходил их главный праздник, – Трикадрук. Вот туда-то речное мужское население в гости и подавалось в полном составе. Коровьи дети от мала до велика уже ни один день таскают мухоморы к городу. Кучи навалены только перетаскивать успевают. Кто таскает, кто трёт, кто жмёт, кто варит, кто разливает и отгаскивает. Кто-то уже сырых грибочков наелся, кто-то отвара попробовался. Шум, бедлам, всеобщее веселье. В общем полный праздничный кавардак. Одно слово – Трикадрук.

Недалеко от городских построек почти в чистом поле выросло новое пёстрое поселение, состоящее из повозок: крытых и обычных. Шалашей самых разнообразных: от простых веточных до причудливых, матерчатых. Шатры красовались крытые шкурами. Всё вокруг разноцветное и яркое.

Это были три особых дня, когда многое разрешалось. Здесь и меняльные базары, и различные игрища на любой азарт, на любой достаток. Каждый породистый ариец выводил на гулянку всю свою семью, чуть ли не в полном составе выставляя напоказ. Кроме развлечений устраивали торги, мены. Повсюду по рукам сверкало золото. Откуда оно взялось у арийцев, да ещё в таких количествах. Загадка. Много здесь было и соседей речников, что шли на праздник тоже не с пустыми руками.

Меж двух холмов в низине, был самый «главный» аттракцион – мордобойня. Именно там на этом импровизированном стадионе обосновалась знать, как арийская, так и речная. Попасть туда простому смертному было не просто, так как место охранялось городскими войнами сплошной цепью по кругу.

Там гостевая и местная знать обделывали свои дела, просматривая параллельно зрелище. Верховный Жрец со своим приближением устроился вместе с Верховным Змеем речников, так же имевший при себе ближний круг у самой площадки для выступлений и явно вели политические переговоры.

Судя по маханию рук и резвости телодвижений переговоры проходили тяжело и явно друг друга не устраивали. Но посохи власти в левых руках не шевелились, продолжая стоять вертикально как вкопанные несмотря на дёрганье их хозяев. Это говорило, что ничего экстраординарного не происходило. Верховные просто торговались как жадные торгаши на базаре, и никто друг другу не уступал, но и палку не перегибал. Всё пока происходило в рамках «дипломатического протокола».

Рядом с ними за спинами стояли их приближенные. В тех рядах царило спокойствие и даже некое безразличие к спорщикам. Они хоть и выглядели скучающими, но нет-нет да поглядывали друг на друга недобро, как бы ни с того ни с сего припоминая старые обиды на

противоположную команду. Хотя со стороны, знающим людям было понятно, что сегодня дело до драки не дойдёт. А жаль.

Тем временем совсем рядом с дипломатическим рандеву, на выровненной площадке, усыпанной просеянными речным песком, проходили захватывающие состязания, на которые спорящая верхушка и их охранение в пол глаза поглядывали, а то и бросали свою дипломатию и принимались болеть как заправские фанаты.

Каждый хозяин жизни, а здесь в низине праздновали только такие, считал своим долгом чести выставить на ежегодные соревнования отборных бойцов, специально для этих боёв, откормленных всякой суеверной дрянью, намазанных и опоенных колдовскими отварами. Бойцы были натасканы по секретным методикам, что хранились каждой семьёй в тайне, ибо победа в турнире была в высшей степени престижна.

Нет, в прямом смысле слово мордобоя там никакого не было. Было все чин по чину, по векам заведённым правилам. Всё было разложено по полочкам и по категориям. И называлось это рукопашное состязание бойцов голыми руками – боротьё.³¹

Боротьё качественно отличалось от кулачных боёв³² речников и тем более от обычных драк,³³ то есть настоящего мордобоя. Существовало несколько разновидностей этого действия, но на Трикадруке культивировались только два. Первый в схватку (в охапку) и второй на поясах.

В первом бойцы, раздевшись до голого торса обхватывали друг друга руками в замок. Одну руку закидывали на плечо противника, другую просовывая подмышку и обнявшись таким образом в ритме танца под ударно пищащую музыку, старались опрокинуть соперника на спину уложив его на лопатки. При боротьё на поясах оголяться было не обязательно. Там красота мужицкого тела не имела значения. Соперники хватали друг друга крест-накрест, держась за чужой пояс и так же, как и в первом случае вертятся и подсакивая, старались повалить противника на спину, непременно оказавшись сверху.

³¹ Боротьё – рукопашное состязание двух бойцов без применения оружия. Боротьё было спортивным видом состязания и отличалось от кулачных боёв и драк. Существовало 4 основных вида боротьё: 1) в схватку (в охапку, накрест) названный в последствии русским. Боец одну руку клал на плечо сопернику, другую подмышку и сцеплял в замок на спине. Конечная цель – опрокинуть соперника, уложив его на лопатки. 2) об одной ручке (в одну руку, на одну руку. Одной рукой брались за одежду и старались бросить противника на землю. 3) борьба на вольную. Подразумевался вольный захват тела или одежды. Надо было не только положить противника на лопатки, но и удерживать, пока тот не признает себя побеждённым. 4) боротьё на поясах. Соперники обхватывали друг друга крест-накрест, держась за пояс противника. Во всех видах, как правило, схватка заканчивалась, когда один из противников оказывался на спине.

³² Кулачные бои – праздничные силовые противостояния мужиков без применения какого-либо оружия и по строго установленным правилам. Бои назначались заранее. Атаманы артелей встречались, оговаривали правила и количество людей. Бойцы усиленно готовились. Ели много мяса, часто парились в бане, прибегали и к колдовству: в порез на правой руке вживляли змеиный язык. Непосредственно перед боем производились заговоры. Регламентировалось всё, в том числе одежда. Толстые меховые шапки, меховые рукавицы, тулупы. Запрещалось бить лежачего и того, у кого на лице появлялась кровь, наносить удары сзади. Нарушители правил жёстко наказывались. Жестоко карали тех, кто в рукавицу клал тяжесть, либо хватал в руку палку или камень. На такого нарушителя могли наброситься все, в том числе и свои и забить до полусмерти, а иногда и убивали. Существовало два вида боя: стенка на стенку и сцепка – свалка. В первом варианте выстраивались в ряд друг против друга (иногда в несколько рядов). Задача разорвать ряд противника и опрокинуть его в бегство. Во втором варианте каждый в куче выбирал противника по силам и бился до победы, затем искали противника из другой пары и сцеплялись с ним и так далее, пока от противника не оставалось ни одного представителя. Кулачные бои проводились в несколько этапов по возрастным группам.

³³ Драки – силовое противостояние вооружённых групп молодёжи, представлявших территориальные и социовозрастные группировки. Обязательный атрибут всех пьянок и гулянок. Основой драк были палочные бои. Драки были социальным экзаменом и определяли место в иерархии ватаги. Кроме того, драки не только давали возможность демонстрации силы, но и умение находиться в рамках неписанных правил. На беспридел был наложен жесточайший запрет. Драки снимали излишнюю агрессивность и направляли её в «культурное русло». Существовал своеобразный кодекс чести. Драться можно было только во время праздников и гуляний. В обычные дни противоборствующие стороны могли спокойно ходить друг другу в гости. Делом чести было поддержать своих, вступить за обиженного, оскорблённого. Основа кодекса чести составляли сплочённость и взаимовыручка.

Бойцов имели как хозяева праздника, так и гости. Притом гостями состязаний были не только речники, но и борцы из других арийских городов. Контингент представительства зависел от значимости города в арийской иерархии, и призовых. Но как вы понимаете, одно другому соответствовало.

Правила турнирной сетки были просты до безобразия, без какого-либо жребия. Сначала каждый гостевой ариец схватывался с речником. Проиграл – выбыл. Это был первый тур, так сказать отборочный. Затем начинался второй. Победители первого тура схватывались с городскими. Когда чужие заканчивались, начиналось основное боротьё. Местные брались за своих, и до тех пор, пока не оставался один, объявляемый победителем со всеми причитающимися привилегиями как ему лично, так и его хозяину. Борцы Мандалы были лучшими, поэтому как правило разыгрывали приз только между собой.

Индра, как и любой пацан в его возрасте никак не мог пропустить столь грандиозное событие, каким был Трикадрук. Мало того, что его ватага в былые времена самым непосредственным образом принимала участие в его подготовке, ибо сбор мухоморов изначально являлся основной обязанностью ватаги, пропустить праздник где Сома лилась рекой, он, как ярый почитатель её волшебных свойств был не в состоянии.

Приняв что называется на грудь чарочку ещё в отцовском хранилище из старых запасов и приведя себя в приподнятое настроение, атаман в окружении своих громил прохаживался между обозов и шатров, с явным желанием до кого-нибудь докопаться, и лишний раз кому-нибудь набить морду, походу самоутверждаясь. Только сверстники или где-то рядом по возрасту, ещё издали завидев его, прятались. Уж больно хорошо этот беспредельщик был известен местным.

Народ вокруг представлял собой сошедший с ума улей, где все как один шумели и веселились. Индра не шумел, не веселился. Кулаки чесались, но почесать было не об кого. Пройдя обозное стойбище и не встретив подходящий предмет для своих скромных притязаний, он вышел на цепь воинов в красных накидках, охранявших хозяев жизни с главной турнирной площадкой.

По правде сказать, цепью это назвать было уже нельзя. Охранники, как и все причастившись к божественной Соме эту цепь само ликвидировали. Один сидел, тупо смотря прямо перед собой ничего не видя. Двое чуть в стороне валялись на траве, почему-то в обнимку, а с другой стороны от сидящего, троица, пошатываясь и держась за плечи друг друга о чём-то громко дискуссировали заплетающимися языками.

Индра с пацанами, ни обращая никакого внимания на это смехотворное охранение не останавливаясь прошёл внутрь оцепления к дорогим и пёстрым шатрам. Здесь он ещё не был ни разу. Было любопытно чем живут такие, как его папаша и ему подобные. Тем не менее, несмотря на простоту, с которой они сюда попали, близко к арене подходить побоялись, а устроились на ближайшем холме возле кустов, откуда был великолепный обзор как на стадионе.

На песочном ринге тем временем шёл очередной бой. Два здоровенных мужика с оголёнными торсами натужно и жалобно мыча и покряхтывая крутились в замысловатом танце. Индра, оставив пацанов смотреть зрелище, ради которого они в принципе сюда и пробрались, с наигранным спокойствием чтобы не привлекать к себе лишнее внимание, направился вниз к одному из приметных пристанищ отцов города.

Атаман сразу узнал шатёр своего отца по характерным знакам, вышитым на полотне в большом количестве, и был уверен, что в нем есть Сома. Лучшая Сома какая только была на этом празднике.

Тот небольшой пай, что он принял ещё в городе, придавший ему изначально временный кураж постепенно выветрился и ему срочно требовалось пополнить запасы волшебного напитка, дающие ему эйфорию восприятия и такое желанное чувство всесильности.

Индра нагло, никого не скрываясь, пройдя мимо нескольких нарядных шалашей и шатров, где сустились простые люди, обслуживающие празднование высокопоставленных горожан, целенаправленно двигался к цели.

Никто его ни останавливал, ни задерживал и даже ни разу не окрикнул. На идущего вразвалочку по своим делам молодого и ни плохо одетого мужчину вообще никто не обратил внимание. Именно на это и рассчитывал Индра, следуя меж привилегированных шатров с наглым и спокойным равнодушием, состроив пренебрежительное выражение на лице.

Он подошёл к отцовскому шатру и не останавливаясь прошмыгнул внутрь, мимо копошавшихся у входа мужиков, будто так и надо. Атаман, конечно, сильно рисковал наткнуться на кого-нибудь из папашиного рода, кто мог бы остановить чужака или по крайней мере привлечь к нему внимание, но его несусветная наглость позволила пройти все препоны как раскалённый нож сквозь масло.

Большая медная бадья, наполовину заполненная вожделенным напитком, стояла прямо у входа. В глубине шатра он боковым зрением заметил сидевших на траве и копошившихся в небольшом деревянном ящике двух мужчин, но Индра, находясь уже в не адекватном состоянии всепоглощающего желания, попросту наплевал на их присутствие. Находящиеся внутри взаимно проигнорировали наглеца.

Нарочито медленно подняв большой черпак, которым Сому разливали по более мелким сосудам, зачерпнул его полным и залпом, не отрываясь и обливаясь через край, большими жадными глотками осушил его весь до дна, и так же спокойно повесив черпак на место вышел из шатра, вполне довольный собой.

Отойдя чуть в сторону остановился и прислушался к ощущениям, и удовлетворённый тем, что процесс пошёл как положено по накатанной, столь же спокойно, не торопясь направился обратно, намереваясь воссоединиться с пацанами, как вдруг увидел его.

Светлые пакли волос утянутые назад толстым белым шнуром образовывали нечто похожее на конский хвост за спиной. Глубокий уродливый шрам на лбу через левую бровь и до бешенства знакомая татуировка на обеих щеках в виде двух ветвистых молний. Это был он – его обидчик по жизни. Тот самый речник что с парой разъярённых мужиков с такими же озверелыми собаками избили и порвали его как тряпку, бросив подыхать в лесу.

И тут по мозгам ударил гонг. Здравствуй Сوما родная. Вражина был одет не плохо, но ни шикарно. Это говорило, что он не был представителем элиты. Скорее всего охотник являлся одним из охранников свиты речного атамана. Он стоял с раскрытым ртом в пол оборота, смотря в сторону боротья. Притом стоял совершенно один.

Судьба штука странная, и странность её в первую очередь заключается в удивительном подборе мелочей, в совокупности дающих такую умопомрачительную комбинацию событий, что даже при всём желании со старанием, специально повторить её в следующий раз просто не получится.

Приход от Сомы ударил в голову в нужный момент. Ни раньше, ни позже. Ненавистный враг, превратившийся в последнее время уже в самый настоящий ночной кошмар и преследовавший Индру во снах, стоял перед ним один и беззащитный. Большой медный нож воткнувшийся в висевшую тушу наполовину искромсанного лесного козла абсолютно непонятным образом оказался в руке атамана будто кто вложил сознательно.

Вспышка ярости, затуманившая рассудок. Прилив бычьей силы в мышцах, полное наплевательство на себя и мир вокруг. Звериный прыжок вперёд. Удар с лёта. Широкое лезвие мягко влетает в горло и проскользнув между шейными позвонками прошивает его насквозь. Вот вам ещё одна, казалось бы, мелочь. Но попасть ножом именно так, да ни в жизнь больше не получится хоть утыкайтесь.

Тут же рывок в сторону и остро наточенное лезвие распарывает шею, орошая всё кровавым фейерверком. Тело поверженного речника бесформенным мешком рушится к ногам победителя. Отрезанная голова отбрасывается на спину удерживаясь на ошмётках жил и коже.

Индра смутно вспоминал потом все произошедшее, но почему-то отчётливо запомнил именно этот момент. Ему казалось в высшей степени несуразной эта недорезанная голова. Всё его тогдашнее сознание просто вопило, что эта неправильность не должна была быть, и эту висящую голову надо обязательно дорезать во что бы то ни стало.

Атаман накинулся на труп, и с диким звериным рыком, отчаянно торопясь будто от скорости его действий завесила сама жизнь принялся отделять голову от туловища, ухватив засаленные патлы свободной рукой, стараясь оторвать эту гадость.

Наконец удаление ненужной части тела завершилось полным триумфом, и он с каким-то несвойственным ему омерзением швырнул её по склону как нечто до безобразия противное. Голова покатила вниз весело подпрыгивая, а Индра стоял залитый кровью с ног до головы и с каким-то неопишимо радостным облегчением любовался тем, как она катится, катится, катится...

Дальше в памяти был провал. Он не помнил, что происходило. Как на него навалились мужики, как били и выворачивали руки, пинали по всему куда попадали, как тащили его полудохлую тушку волоком за волосы. Сома, замешенная внутри с адреналином, вырвала его сознание за пределы реальности и суеты обыденности, перенесла в причудливый мир фантастически нереальных образов и сновидений, откуда он ни в какую не хотел выныривать обратно в ненавистное настоящее.

Наступило всепоглощающее спокойствие, граничащее с предельным безразличием ко всему при полном отсутствии чувствительности. Перед взором медленно плавали расплывчатые контуры нереальных существ радужно переливаясь. Было очень красиво и завораживающе. Звуки приглушённые и мягкие журчали, убаюкивая как вода. Тело стало лёгким и воздушно невесомым. Плавающие радужные образы постепенно приобретали очертания кудрявых облаков, над которыми парило его сознание, отчего-то радовавшиеся как ребёнок.

Затем среди сказочных облаков, имевших почему-то солоноватый привкус начали проступать контуры какой-то мерзкой рожи. Сначала она формировалась из тех же облаков, где он парил, но постепенно небесные бело-розовые кудри, составляющие морду, становились серыми. Контуры темнели, темнели пока не стали почти чёрными.

Вот чётко проступили взбешённые глаза, залитые кровью, что-то кричащая пасть с чёрными пеньками обломанных и сточенных клыков. Наконец, страшная морда проявилась полностью. Вся испещрённая татуировками, переплетающимися с тёмными как ночь живыми волосами, извивающимися глистами в панике в некий единый клубок бесформенной и причудливо шевелящейся паутины.

В мозгах вновь раздался гонг тревоги. Какая-то сволочь выплеснула ведро холодной воды на воспалённую голову сломав внутреннюю картинку, но не вернув его в реальность. Индра отчётливо понимал, что находится в каком-то другом сне, хотя запомнил этот момент так же отчётливо будто это было наяву. Утерев сухую наощупь воду с лица, он увидел перед собой чужой мир – мир страха и ужаса.

Перед ним в воздухе висела жуткая нежить, заставившая обмочить атамана штаны. Необъяснимый панический страх охватил Индру, считавшего, что уже ничего в этой жизни не боится, в мгновение подкашивая упрямые ноги и роняя несгибаемого пацана на колени. Ко всему этому неожиданно почувствовал нестерпимую боль во всём теле, заставившую его пронзительно вскрикнуть.

Монстр приблизился и что-то грозно проорал нереально низким не человеческим рыком, тыкая в окровавленную грудь Индры огромной золотой дубиной, ослепившей своим блеском и резанувшей по глазам нестерпимой болью. Атаман зажмурился, но вместе с тем от этого

в разуме будто что-то щёлкнуло, переключая его на знакомое восприятие своего не весёлого детства.

Вспыхнула тупая и ни с чем не считающаяся ярость. Страх сдуло как пёрышко сквозняком будто его и не было секунду назад. Бычья сила до этого где-то прятаясь вырвалась на свободу и мгновенно разлилась по телу. В один миг Индра рванулся с колен вперёд, совершенно не ощущая никакой боли, выскальзывая из чьих-то слабо удерживающих его рук и перехватывая дубину нежити у основания.

Продолжая движение вперёд и разворачиваясь всем корпусом, он легко оттолкнул чудовище плечом при этом завладев сверкающим оружием и тут же со всего маха врезал золотой палицей страшилищу по его уродливой башке. Индре показалось, что нежить от удара как кол в землю вошла, но толи вошла туда не полностью, толи просто осталась сидеть, завалившись на какую-то преграду.

Атаман ударил ещё. Морда нежити брызгая чёрной кровью потеряла свои очертания и так же как в прошлый раз в сознание вонзилась мысль о неправильности и несурзности этой головы на раскормленном туловище, и он с остервенением принялся молотить по ней что было дури, стараясь во что бы то ни стало отбить к маньякам эту лишнюю часть тела от мешка с говном надетого в шкуры.

Что-то хватало его за руки, за ноги, вцепилось клещами в горло, не давая ни только выплёскивать разбушевавшиеся эмоции криком, но вообще дышать. Что-то невероятно сильное мешало ему выполнить его великое предназначение в очищении этого мира от неправильности. Он дёрнулся изо всех сил вырываясь из вцепившихся в него липких пут, потеряв при этом дубину и рубаху, но с невероятным трудом всё же выскользнул, подскочил к уродливой недобитой как он считал нежити и беззвучно оря осипшим горлом, что было мочи принялся отрывать ненавистную голову голыми руками. Затем резко наступил мрак.

Вынырнул он из этого кошмара связанный по рукам и ногам с мешком на голове трясясь на телеге, мерный скрип колёс которой не позволял усомниться в транспорте передвижения. Первое что пришло в раскаляющуюся голову, это не дающее покоя непонимание: оторвал он ту сволочную башку или нет. Стало даже обидно за то, что не помнил этого момента. Даже какая-то злость на себя проскользнула.

Ехали долго, но он не видел куда. Наконец послышался человеческий гомон со всех сторон, что по мере приближения к нему усиливался. Резанул по ушам пронзительный женский вопль отчаяния, переходящий в безудержное рыдание, а следом на бедные уши Индры обрушился шквал бабьего хорового рёва с причитаниями. Телега остановилась.

Индру долго никто не трогал. Все были чем-то заняты в стороне от повозки, где он лежал. Когда с головной болью свыкся, понял, что болело абсолютно всё. Чуть позже бабьи вопли стали дружно удаляться в сторону. Тут наконец занялись пленником. Его грубо схватили за ноги и сбросили с телеги.

Индра соскользнул с повозки и ударившись о землю взвыл от нестерпимой боли во всём теле. После чего схватив его за ноги потащили по буграм или камням как ему казалось, не оставиваясь брякая волокушу головой о неровности. Атаман терпел, сколько мог, но довольно быстро от болевого шока потерял сознание, превратившись в мёртвое и уже ни к чему не чувствительное тело.

Индра был вынужден прийти в себя после кадки холодной воды, вылитой на голову в мешке. Его уже никуда не тащили. Он просто лежал на земле. Сильные руки резко подняли, припечатывая спиной к чему-то твёрдому. «Дерево», – подумал тогда атаман.

Это в какой-то степени подтверждали дополнительные верёвки, обвившие всё его тело с ног по самое горло, приматывая к вертикальной опоре что была за спиной.

Мешок сорвали, да так грубо что бедолаге показалось ему голову оторвут вместе с этой тряпкой. Всё это мучители проделали в полном молчании. Сквозь прикрытое веко ударил

яркий солнечный свет. Не успел Индра разомкнуть единственно способный открыться глаз, как почувствовал на лице свежесть разлетающихся брызг от смачного плевка одного из притащивших и вязавших мужиков. Он всё же успел разглядеть прежде чем зажмуриться, что это были речники.

Сделав своё дело «волочители», «вязатели» и «плеватели» скрылись из поля зрения пленника, и он с великим трудом разлепив свой единственный не до конца ещё заплывший глаз разглядел перед собой речной пейзаж. Как он догадался его привязали не к дереву, а к столбу, вкопанному на площади какого-то баймака у самого берега реки, широкую гладь которой он в данный момент и лицезрел перед собой. От такого большого объёма воды перед глазами и мягкий шелест набегающей на берег речной волны, простое желание пить превратилось в мучительную и нестерпимую пытку жаждой. Голова разламывалась.

Только сейчас Индра постепенно начал осознавать повреждения своего тела. Болели разбитые вдрызг губы. Порыскав опухшим языком во рту не досчитался как минимум двух зубов. Самим языком почему-то тоже двигать было больно. Болел нос, притом левая ноздря была плотно чем-то забита и что-то там внутри ныло. Правый глаз заплыл и вообще отказывался открываться. Болела челюсть, шея, жутко ныло правое плечо, болели пальцы рук и что-то произошло с ногами. При попытке их напрячь резкая боль отозвалась в районе колен, только почему-то с внутренней стороны.

– Да. Изрядно попинали, – невесело улыбаясь подумал про себя атаман с тяжёлым вздохом.

Он стоял спиной к поселению и что там творилось не видел. Перед взором была лишь гладь реки и полозка далёкого противоположного берега. До самого вечера к нему никто не подошёл, а вот как только солнце опустилось к горизонту, началось...

Сначала по одному, затем небольшими кучками стали подходить суровые обозлённые мужики и зарёванные бабы, и каждый норовил либо плюнуть в лицо, либо чем-нибудь плеснуть. Судя по запаху это как правило была моча и не всегда человеческая.

Какой-то бугай не придумал ничего лучшего как достать свой уд и непосредственно помочиться на привязанного к столбу пленника. Дурной пример оказался заразителен и вот уже целая свора с перекошенными от злорадства мордами, но при этом со сверкающими ненавистью глазами поливала Индру стараясь замочить его как можно выше.

С наступлением темноты навещать пленника перестали, оставив его в покое. Где-то за спиной развели костёр, и с его стороны послышались тихие мужские голоса. Во рту сдохла жаба. Сознание регулярно куда-то проваливалось ни то в сон, ни то в беспомыслие.

Вдруг где-то невдалеке всплеснула крупная рыбина. Ничего особенного, но это почему-то всколыхнуло сознание пленника. Он приоткрыл единственный зрячий глаз косясь в сторону звука. Сердце отчаянно заколотилось, приводя весь организм в рабочее состояние, запитав его энергией из какого-то непонятного ему резервного источника.

Увиденное им в один миг вернуло умирающий уже разум к жизни. Там, чуть в стороне за редкой порослью камыша плавала огромная коряга, а из-за неё торчала до ужаса знакомая морда Ровного, одного из его ближников отчаянно жестикулирующего рукой. Полное имя этого пацана было Равный Богам, но сначала друзья укоротили его до Ровного, а затем вообще до Ровного.

Индра встрепенулся, и пловец перестал махать, поняв, что его заметили. Торчавшая из воды голова напряжённо смотрела куда-то в сторону костра и тут же скрылась за корягой. За спиной послышались тяжёлые шаги, и пленник опустил голову прикидываясь опятьдохлым.

Какой-то мужик, видимо один из охранников подошёл к нему вплотную. Постоял, ничего не предпринимая. Затем было слышно, как он отдалился к реке, шумно зачерпнул воду ни то большой чашей, ни то целой бадьёй судя по звуку, и сильная струя живительной прохлады ударила Индру в воспалённое лицо и зудящее тело.

Он вострепнулся и поднял голову стараясь опухшим языком захватить в рот хоть несколько капель живительной влаги. Мужик подошёл в упор и с какой-то озверелостью в голосе процедил сквозь зубы прямо в разбитое лицо:

– Только попробуй сдохнуть.

После чего так же медленно ушёл обратно к костру.

Голова из-за коряги вновь вынырнула. Рядом с первой показалась вторая и Индра узнал Щедрого, вернее Щедрого Мужа, но «мужа» по давней привычке всегда опускали. «Значит все здесь. Не бросили», – подумал удовлетворённо атаман.

Голова Ровного ушла под воду и через некоторое время вынырнула у самого берега. Извиваясь как змея, пацан по-пластунски, медленно, стараясь не шуметь пополз к пленнику. Сначала вдоль кромки воды, а затем от реки по тени, оставляемой столбом.

Костёр толи был не так далеко, толи довольно большой, по крайней мере берег и кромку воды освещал достаточно хорошо. Ровный подполз к ногам Индры и плавно встал, спрятавшись за последнего боком. Он развязал небольшой кожаный мешочек и приставил его горлышко к губам Индры. Атаман припал к питью, и единственно открывающийся глаз распахнулся. Хотя даже заплывший тоже от неожиданности немножко приоткрылся. Это была Сома. Самая настоящая высококачественная Сома.

Пока Индра с жадностью пил то без чего жить не мог, Ровный скороговоркой шептал:

– Мы тут одного пацана за пытали. Тебя как взойдёт месяц выпустят в чисто поле и проведя какой-то ритуал, дав время убежать, но не далеко, устроят охоту по закону.³⁴ Притом в этой охоте будут участвовать все мужчины рода. Такого раньше говорит никогда не было. Ты в степь не беги, всё равно поймают, далеко не убежишь, а в таком состоянии, – он остановился и внимательно посмотрел в лицо Индры.

Тот закончил пить пойло и тяжело задышал, стараясь делать это как можно тише, но хрипы и свисты всё равно предательски вырывались из воспалённой глотки. Ровный продолжил:

– Беги сразу к реке, – и он указал направление, – мы тебя там будем ждать.

С этими словами пацан нырнул вниз и так же по-пластунски уполз в воду. Вскоре он уже появился у коряги, а за тем это импровизированное укрытие медленно уплыло за камыши против течения.

Индра почувствовал прилив бесконечных сил. Захотелось жить. Захотелось порвать всех притом всех без разбора. Он не знал, что произошло, за что его связали и так унижительно издевались, но то что они все виновны и что он их всех поубивает, опоенный атаман не сомневался.

В его ожившим сознании одна за другой возникали идеи спасения и убивания мучителей. Притом идеи спасения проходили как бы в скользь, нечто само собой разумеющиеся, а вот идеи убивания рисовались с чёткой детализацией, паталогической извращённостью и с садистским максимализмом.

Так он окрылённо мечтал пока этот процесс не прервали к этому времени уже люто ненавидимые враги. К нему подошла кучка мужиков. Он по-прежнему держал голову опущенной, хотя притворятьсядохлым сейчас ему было нелегко. В очередной раз плеснули в лицо речной водой. Индра вострепнулся.

Его отвязали от столба, срезали верёвки, что путали ноги. Руки перевязали по новой, стянув локти за спиной. Дикая боль резанула в правом плече заставив его даже вскрикнуть.

³⁴ Охота по закону. За убийство члена рода, убийца родственникам выдавался для ритуальной охоты, своеобразного вида казни, но при этом, по их мнению, очень гуманным. Было несколько вариантов, в зависимости от тяжести вины. Виновника выпускали в степь с восходом луны и до её захода охотились на него как на зверя. Если ему удалось остаться в живых, но его прощали, считая, что в этом случае за убийцу заступилась одна из общностей Троицы. В особых случаях виновника так же отпускали в степь, но охота на него велась вечно, эдакий вариант вендетты.

Было больно даже несмотря на действия Сомы. Кто-то грубо толкнул в спину и Индра, не удержавшись на затёкших ногах упал лицом в редкие кустики травы среди речного песка.

Его снова подняли, снова толкнули и он снова упал. Подняли в очередной раз, но толкать больше не стали, а схватив с двух сторон за вывороченные руки потащили к костру. Там на мешке набитым явно чем-то мягким пристроил свою задницу очень странный старик. Несмотря на то что сидящий был одет в платье речной бабы, Индра даже не сомневался, что перед ним мужик, притом старый.

Длинные белые волосы спадали до задницы, и такая же длинная и белая борода свисала ещё ниже. Старик поднял мутный взор белёсых глаз на пленного и трижды смачно плюнул себе на левое плечо³⁵. На его высохшей морде, кажется, не было свободного места, где бы не велась замысловатая татуировка. «Колдун», – с раздражением подумал Индра, – вот только этого мне не хватало».

– Как. Тебя. Зовут, – медленно, выделяя каждое слово, каким-то скрипучим голосом спросил колдун.

Индра сжал челюсти. Назвать своё имя колдуну означало отдать всего себя целиком в его власть став безвольной куклой. Арийцы верили и не без основания в возможности местных ведунов. Зная имя жертвы, они могли сделать с ним абсолютно всё что захотят.

Индра по-настоящему испугался и по спине потекли струйки холодного пота, хотя откуда могла для этого взяться вода в организме, не понятно. Старик с лёгкостью прочитал его страх и как бы успокаивая всё тем же скрипучим безразличным голосом, переводя взгляд с пленника на пламя костра проговорил:

– Не бойся. Ни буду я вить из тебя верёвки. Ты мне не нужен. Тебя просто убьют, – и немного помолчав добавил, – и очень скоро.

Наступила тишина. Только горевшие поленья потрескивали и жалобно пищали сырые ветки, подбрасываемые мужиком с противоположной стороны костра.

– Великий Охатан, – неожиданно взбодрившись обратился колдун к кому-то стоящему за спиной Индры, – а может подождём немного с охотой? Было бы неплохо разговорить этого сопляка.

Он задумался о чём-то, медленно шевеля своими челюстями будто что-то пережёвывая. Вновь уставился на пленного. Пристально. Колко. Опять зачем-то плюнул себе на плечо. У Индры аж мурашки побежали по всему телу, и голова закружилась.

– Хотя на вскидку никакой тени за ним не вижу, – вновь отводя взгляд на огонь проговорил колдун, – странно. Это ж надо такой поворот судьбы, – он вдруг встрепенулся и уставил свой взор куда-то в темноту через правое плечо.

– Ах вот оно в чём дело, – с усмешкой протянул старик, медленно приподнимаясь и вытягивая тощие дрожащие пальцы словно стараясь к чему-то прикоснуться на расстоянии в той стороне куда смотрел.

Речники оживились и начали переглядываться в недоумении.

– Великий Охатан, – вдруг как-то резко и уже не скрепя голосом проговорил старый колдун, – этот засранец твой. Никакое он не оружие. Он больной на голову от их грёбаной Сомы. Что творят с детьми, сволочи. Можешь поохотиться, отвести душу. Этот пацан всё равно уже пропащий и не жилец на этом свете, а долг за убийство перед Троицей следует закрывать. А завтра утром придёшь ко мне, – здесь он резко обернулся и смотря видимо на того, к кому обращался, подняв кверху длинный корявый палец добавил, – один. Поговорить надо о дальнейшем.

После чего развернулся и ушёл в темноту словно растворяясь в пространстве.

³⁵ Плюнуть трижды на левое плечо, замечу не через, а на плечо, древний охранительный ритуал.

Наступила непонятная пауза. Колдун ушёл, а Индру по-прежнему держали перед пустым местом, где тот сидел. Все чего-то ждали. Наконец за спиной прогремел бас:

– Тащите его. Месяц скоро появится.

И его потащили, но, к изумлению Индры, ни в степь, а обратно к реке.

Бедолага только и успел подумать: «Куда? Что задумали, твари?», как увидел, что к берегу причаливают несколько больших лодок снабжённых парусами.

Его закинули в одну из посудин уложив на дно лицом вниз. Кто-то сел рядом и наступил ногой на шею прижимая его к днищу. Ум атамана вскипел от непонимания. Что это значит? Куда его везут? Где обещанная охота, с которой он в мыслях уже давно убежал с пацанами.

А тем временем заскрипели вёсла, затрепетал на слабом ветерке парус. Они куда-то плыли. Индра лихорадочно метался в догадках. Куда его могли везти, и зачем? Наконец вёсла перестали скрипеть, нога убралась с шеи и пленника подняли. Атаман завертел головой оглядываясь и ориентируясь, и сразу догадался.

Берег крутой высокий, не обжитый. А далеко за рекой яркой звёздочкой мерцал огонёк костра. «Это же противоположный берег! Меня перевезли на другой берег!» Индру охватила паника, захотелось заорать: «Я не хочу на этот берег! Отвезите меня обратно!».

Но заорать ему не дали, а грубо пихнули, и он, перевалившись через борт плюхнулся в воду, всё так же со связанными руками. Было довольно глубоко. Пленник не почувствовал дна и запаниковав отчаянно забарахтался всем телом.

Индра совсем не умел плавать и никогда не пробовал. Учить было не кому, да и негде. Пацан и так панически боялся воды, а тут ещё и руки связаны. Он уже нахлебался до поплывших кругов перед глазами, когда его выволокли и бросили на песчаный берег. Стоя на коленях и нагибаясь до земли, он отчаянно кашлял, выплёскивая из себя брызги воды.

Наконец его сильно встряхнули и рывком подняли на ноги. И тут вновь сказала своё слово волшебная Сома. Сначала вроде в нём вскипела знакомая ярость, но на этот раз она была какая-то странная – холодная как обжигающий лёд. От этой ледяной свежести ворвавшейся в разум, тот сделался кристально чист, спокоен и здраво рассудителен. Индра неожиданно в одно мгновение осознал всё что с ним происходит, а самое главное, он откуда-то уверенно понял, что ему надлежит сделать.

Такое просветлённое и озарённое состояние ума он раньше никогда не испытывал, даже дышать стало легко будто воздух посвежел. Атаман ни чувствовал у себя боли, ни чувствовал даже неудобства от связанных за спиной локтей. Для него вдруг всё стало легко.

– Ты чё ссыкун, плавать не умеешь? – прогремел где-то рядом тот же бас что и у костра.

– Нет, – спокойно признался Индра абсолютно уверенным голосом, и поймал себя на мысли что сам удивился тому, что и как он ответил.

Индра не стал поворачиваться к спрашивающему, он продолжал с грустью смотреть на мерцающий огонёк далёкого костра.

– А бегать? – не успокаивался бас где-то слева.

– Не догонишь, – так же холодно и спокойно изрёк Индра, не меняя своего положения, отчётливо осознавая, что так оно и будет.

– Ну беги, – уже тихо, но с явной ноткой озлобленности сквозь зубы пробасил охотник.

Пленник не тронулся с места, но и его никто не трогал. Атаману показалось, что он сейчас не принадлежит самому себе. В нём сидел кто-то другой. Бесшабашно храбрый, умный и расчётливый сукин сын, заранее знающий весь расклад наперёд, абсолютно уверенный в своей силе и победе.

– Сколько дашь времени? – как бы между прочем спросил Индра тем же ледяным тоном, переводя взгляд с костра вниз по реке, где должны были бы ждать его пацаны.

Но там была только темнота.

Такой наглости главный речник явно не ожидал. Вопрос застал его врасплох. Похоже он долго боролся сам с собой, ответить этому засранцу или нет, но всё же ответил громко и чётко:

– Одну песню.

У Индры прокрутилась язвенная мысль попросить охотника провить как можно дольше, но не стал её озвучивать, а вместо этого повернулся к нему спиной и в приказном порядке заявил:

– Развяжи.

Наступила тишина. И никаких действий. Только вода мягко подхлестывала борт лодки, и где-то впереди шипел сухой камыш, терзаемый слабым ветерком. Индра продолжал стоять спиной к охотникам и не видел ни их лиц, ни что они делают, но ему было на них наплевать, он знал, что его развяжут, только непонятно откуда. Подождав ещё немножко, пленник спросил так же холодно, но уже с издёвкой:

– Ссышь?

Это был пацанский вызов и на него взрослые мужики уже ни могли не ответить. Послышались приближающиеся шаги по шуршащему песку и после короткого рывка путы с локтей слетели разрезанными огрызками на землю, но тут же после получения свободы последовал сильный удар ногой в поясницу, от которого Индра полетел вперёд и даже умудрился перекувырнуться через голову. Он тяжело встал, демонстративно отряхнулся и всё так же, не поворачиваясь к охотникам, спокойно как бы только для себя констатировал:

– Боишься. И правильно делаешь. Придёт время, и я вас всех поубиваю.

Он шёл в низ по течению реки не суетясь, но довольно быстро насколько позволяли это делать больные ноги. Весь берег был обрывист с крутой песчаной кромкой. Лишь небольшая полоска у самой воды была пологой и образовалась она явно от того, что в это время года уровень воды в реке резко падал и был, наверное, самым низким за весь сезон.

Можно было подумать, что Индра идёт вдоль реки в надежде найти в высокой стене промоину, которая позволила бы ему выбраться наверх в густую степную траву, где можно было спрятаться, но беглец целенаправленно шёл вдоль берега, и на промоины и более пологие скосы никакого внимания не обращал. Он чётко знал, что ему надо куда-то туда, прямо. За спиной запели. Протяжная унылая песня басовитых мужиков разлилась по реке...

Глава шестая. Была Варвара мужиком, да любопытство подвело, оторвали Варваре на базаре.

Зорьку выбросило из сладостных воспоминаний, когда это несуразное транспортное средство крепко трягнуло. Толи большая кочка попалась, толи колесом на камень наехали, притом в аккурат с её стороны. Связанную тушку ярицы по рукам и ногам подкинуло вверх и бросило на край коробки, там, где у неё не было борта. Она тут же почувствовала край свисшими ногами. Тело затормозило на животе, что позволило приподнять голову и украдкой осмотреться.

Увидела сразу две пары ног. Одни, стоявшие впереди были обуты в мужские кожаные сапоги, а вторые, что ближе – лапы зверя, но ни те, ни другие не смотрели носками в её сторону, что позволило ей осмелеть и поднять взгляд на чёрную нежить.

От увиденного кутырка в раз обалдела, аж отвисла челюсть. Оба оказались обычными мужиками арийского роду-племени. Представителей этого народа она бы ни с кем не перепутала. Тот, что стоял впереди управлял связанными конями длинными верёвками, а другой облокотившись на борт только обувку имел в виде лап зверя, притом высокие сапоги были мехом наружу, закрывая ноги выше колена. А так в общем-то мужик мужиком только раза в два здоровей первого.

Оба стояли, не смотря в её сторону. Сердце ярицы затрепетало в груди так, что казалось вот-вот выскочит наружу. Бежать, мелькнуло в её голове, в траву скатиться и схорониться тетёркой.

Оглянулась. Коробка катилась прямёхонько по степи не выбирая дороги. И пусть трава в этих местах не набрала рост как за их огородами, укрыться в ней всё же было можно, если лежать пластом и задницу не выпячивать.

Она принялась извиваться связанным телом, аккуратно сползая на край, и словно прибитая морозом, не моргая и ни дыша уставилась на хватчиков. Только бы ни дёрнулись, не заметили. Наконец соскользнула с повозки, при этом чуть не шмякнувшись головой о землю. Быстро откатилась в сторону и замерла, уткнувшись носом в пучок травы.

Но не успела ярица обрадоваться удачному побегу, как резкий рывок чуть ноги не выдернул. Крутануло Зорьку, развернуло и нещадно потащило вперёд ногами по жёсткой траве с мелкими камешками. Как назло, трава по пути попадалась колючая, и камешки в земле далеко не покатые. А потом вообще пузом наехала на какие-то кусты. Ни трава в степи, а деревья какие-то.

Обе рубахи почти сразу задрались на голову, закрыв ей весь обзор и полностью оголив, оттого и скребла землю всем своим нежным девичьем телом, но в тот момент кутырка не придала этому значение. Со страха боли не чувствовала. У неё сложилось стойкое ощущение, что на голову накинули мешок, лишив белого света, а за одно и дышать трудно стало, будто кто тряпку на лицо приложил и воздух перекрыл. В первые мгновения только об этом и думала.

Зорьку обнимали по очереди то ужас, то страх, то паника. Ярица билась в молчаливой истерике мотая головой из стороны в сторону, стараясь избавить лицо от накинутаго на голову мешка. Всё что у неё получалось, так это с визгом мычать носом и больше ничего.

Зорька не чувствовала тела, вернее она вообще не помнила, что чувствовала в тот момент, хотя это нежное девичье естество буквально протиралось на тёрке, сдирая с него тонкую прозрачную кожу. Она тогда абсолютно ничего не соображала, потому что была в шоке. Даже позже, когда осознала всю трагедию таскания голого тела за ноги по земле, всё равно не могла понять, где и обо что можно было так ободаться.

Только когда перестали тащить, до её парализованного от страха сознания стала доходить вся прелесть создавшегося положения. На ум пришла единственная мысль, что это её конец, и Зорьку таким унижительным способом приволокли на верную погибель. Перевозбуждёнными от страха мозгами она уверила себя, что её на верёвке затащили в непогашенное кострище медленно жариться. Потому что всё нежное девичье тело с головы до грудей в один миг обожгло раскалёнными углями.

От очередной порции ужаса с паникой она завертелась как жарившаяся рыба на раскалённом камне. Закусила губы до крови, чтобы от нестерпимой боли не заняться предательским криком. Зорька неожиданно для себя решила во что бы то ни стало не показывать этим сволочам свою слабость. Почему-то не обида её съедала за собственную погубленную жизнь, а злость на это арийское зверьё. Злость и ярость не понятно откуда тогда взявшиеся.

А тут ещё кто-то резко ухватил её за волосы прямо через мешок и так больно, что про костёр забыла. Рыжую подкинули вверх словно невесомую пушинку от чего моментально потеряла ориентацию, заблудившись, где находится земля с небом, от неожиданности замахав руками и ногами, но не успев уже в который раз как следует испугаться, тут же стукнулась о твёрдую землю пятками слегка отбив, но при этом вернув себе равновесие, а вместе с ним и некую реальность происходящего.

Голова слегка закружилась от такого выверта через голову, но Зорька приложила всё своё старание извиваясь гибким телом, чтобы опять не упасть в воображаемый костёр. Рубахи что были собраны на голове и принимаемые ярицей за мешок в раз расправились и повисли на щуплых плечиках, как и должны были висеть. Глаза ослепил солнечный диск, оказавшийся прямо перед её задранным вверх лицом.

Ничего уже ни понимая в этой грёбанной жизни и с трудом соображая где находится, не видя перед собой ничего в упор, все же заметалась ошарашенным взглядом осматриваясь по сторонам, и при этом тяжело дыша в голос. Девка так и не успев понять «что-здесь-где», да «какого пса вонючего», направилась в очередной полет оказавшись в воздухе. Перед глазами замелькало небо с облаками и ещё что-то непонятное.

Лишь когда её без зазрения совести грубо забросили опять в коробку, уже ненавистную по одному омерзительному шкурному запаху, ярица на удивление быстро сориентировалась и не осознано вдавилась в угол образуемый полом и стенкой, при этом поджав колени к груди и пытаясь спрятаться за них.

Её бестолковый взгляд, мечущийся по коробке упёрся в морду мужика в сапогах мехом наружу. Тут на Зорьку напал очередной ступор, распахивая и без того округлившись зенки, а за одно и рот в одном движении. Было полное впечатление, что девку кто-то по башке бревном оприходовал. Перед ней стоял не обычный мужик! Его лицо было чёрным с подтёками, оттого казалось страшным до безобразия. Единственно что ярица как кутырка навывдане автоматически определила – мужик был молодой, судя по только что начавшей отрастать бороде с усиками.

Чёрный ариец был не только молод, но здоров в плечах, да и весь видно было что не жиром заплыл, а из мяса свит словно туровый вожак. Лицо похитителя дёрнулось и стало ещё ужасней, но Зорьке почему-то тогда показалось что он при этом лишь улыбнулся. Ярица молча пялилась на страшного мужика быстро пробегая лихорадочным взглядом сверху донизу и обратно, даже не думая о чём-либо спрашивать. Ей самой было не понятно потом, почему она так старалась в тот момент не выказывать ему свой голос.

Чёрный навис над одуревшей кутыркой, сцапал её растрёпанные лохмы охватывая пучком, но не так больно, как в прошлый раз. С силой наклонил рыжую голову сунув меж колен в подол. Выпростал руки пленницы, что были стянуты в локтях за спиной.

Зорьке будто с крыльев путы скинули. Такая нега разлилась с облегчением по телу, что даже жжение всего содранного переда отпустило и забылось на короткое время. Только захват-

чик и не думал выпускать на свободу пойманную птичку. Он вновь связал ей руки, только на этот раз спереди за тонкие запястья. Она не сопротивлялась, и даже не пыталась противиться. Ярице и в голову тогда не приходило артачиться, будто всё так и было задумано изначально.

Сделав своё дело, чёрный выпрямился, отвернувшись от глазевшей на него Зорьки, и отойдя на другую сторону опять упёрся на повозку, равнодушно разглядывая даль. И только тут начавшая приходить в себя кутырка увидела на противоположном борту перекинутую шкуру бера, башка коего в аккурат оказалась прямым перед ней на одном с лицом уровне. Девка вздрогнула, ещё больше съёжилась, и наконец в полной мере прочувствовала всю жгучую боль своего изодранного тела по-настоящему.

Кони тронулись, и коробка затряслась на неровностях. И чем больше рыжая приходила в себя от пережитого ужаса, тем большей становились раны на истерзанном теле. И так всё загло, что ярица в очередной раз закусив губу до солоноватого привкуса аж глаза зажмурила, только бы не заорать в голос.

Дальше ехали молча нудно потрясывая пленницу. Сначала она разглядывала похитителей, но те постоянно стояли к ней спиной и со временем ей это занятие надоело.

Стала разглядывать степь, видневшуюся позади через отсутствующий борт. Там за ними тянулась целая вереница таких же парных упряжек с похожими повозками, только те за собой тащили волокуши, гружённые награбленным барахлом. Наконец и это ей надоело. Тогда выбрав позу поудобнее, чтобы не так больно было трястись на ухабах Зорька устала на облака.

Тут её блуждающий взгляд привлёк красный клевер, что их повозка разрезала большими колёсами, мерно шелестя по густым травяным зарослям. И стало вдруг грустно, оттого, что вспомнила, чего забыть теперь уже не сможет, наверное, всю оставшуюся жизнь. Как всего не так много дней назад гуляла с девками Семик³⁶ на полнолуние...

Большухой на тот Семик бабняк выделил для девок Сладкую. Бабу опытную, не вековуху к слову, но и просто бабой её назвать как-то язык не поворачивался. Единственная и самая любимая при Данухе подруга. Баба авторитетная во всю ширь. С ней не забалуешь, но и не соскучишься. Матом стелет как песнь выводит, заслушаться можно. Такие выкрутасы выдаёт с перлами, иной раз сама Дануха плюнет и не связывается.

К тому же ручищи у неё были тяжелые, да и с замахом ими никогда не сдерживалась. Как что не так она уж их распускала не раздумывая, давая волю своим «махалкам». А телесами так вообще Дануху переплюнула. Жопа, не объедешь, титьки ни титьки – два мешка с выловленной рыбой чуть ли не до пупа висят, а на плечи не закидывались лишь оттого, что веса немереного и объёма необхватного. Может быть, и до лобка бы отвисли, кабы не много складчатое пузо. Чтобы до низа достать, им вокруг живота ещё раза в два растянуться требовалось, не меньше.

Бабы Сладкую побаивались, ну а девки так подавно кипятком ссались. Особенно невестки с молодухами. Те вообще обделывались от ужаса.

Зорька вспомнила, как в позапрошлый год артельный атаман где-то невесту купил. Так при первом же знакомстве со Сладкой та девка от жуткого страха на себе все подолы с ляжками обмочила. Хорошо Дануха заступилась и оставила пригляд за собой, а то бы бей-баба бедную невесту завела бы в омут, как пить дать. А девка оказалась неплохая в общем-то. Зорька с ней

³⁶ Полнолуние. Конец мая. Роженицы с новорождёнными на последней неделе банного карантина. «Семик». Седмица Речных Дев. Девичьи игры не считались увеселением и были связаны с обучающими и тренировочными процессами. Обязательно каждый вечер гадали. Это была настоящая школа ведьм. В один из дней плели «Вьюнец». Это были необычные венки, а судьбоносные. Руками травку заплетали, а мыслью заплетали для себя судьбу и будущее для себя определив, венки на головы водружали и хороводом закрепляли свои не хитрые мечты. Молодцы на игрищах бились на кулаках и боролись один на один. Примерно в это время молодые волчицы переводят потомство из логова на днёвки

позже чуть ли не подружилась. Вот это-то местное чудище и собрало кутырок на Семик, что праздновали в начале лета.

Сначала все сильно испугались, когда узнали кто большухой с ними идёт. Особенно они четверо гулявшие навывдане, и уже были определены на будущее молодухами в собственный бабняк. Зорька не была исключением. Ведь ей с подружками уже совсем скоро на Купальную седмицу первых мужиков на себя принимать. Забеременеть коль получится, а значит идти под пригляд Сладкой. Только она молодухами занималась в качестве бабьей наставницы, и тут уже никак не отвертись.

Сколько Зорька помнила эти праздники, раньше эта грозная баба никогда на Семик не ходила в большухах. Зачем на этот раз вызвалась? Кто её знает, что она удумала. Но рыжая для себя тогда решила, что к этой бабище как-то подход искать надо. Как-то понравиться что ли, приблизиться, чтобы та не лютовала над ней два последующих лета. Одно пока ребёночка вынашивает, и второе пока растит и выкармливает, чтобы в бабы косы под резали³⁷ принимая в бабняк.

Но понимала она и то, что если испортит с ней отношения, то конец наступит её существованию. Зорьке можно будет топиться, не дожидаясь Купального праздника. Жизни всё равно не будет, Сладкая не даст. Не отпустит её зверюга на тот свет своей дорогой.

Перепуганная с самого начала, она лихорадочно принялась вспоминать нужные обряды с ритуалами, чтобы не опозориться и ни сконфузиться перед грозной праздничной большухой. Но, как всегда, бывает в таких случаях со страха всё забыла. Напрочь, как отрезало. И Семик у рыжей начался с того, что она рыдала в истерике в своём углу, пока посикухи не сбегали за мамой и ни напугали своими невнятными воплями.

Та прибежала, бросив свои дела на огороде и застрекотала словно сорока над птенчиком, тряся бедную девку за плечи. А как узнала в чём дело, так хохотала до слёз с покатами. А отсмеявшись выдала:

– Ох и дура же ты Зорька. Ни чё она не страшная. Сладкая только с виду такая ершистая, а внутри баба добрая, да и вовсе кстати не злопамятная. Не трясись дурёха. Вот чужие пусть её лютого зверства боятся. А за своих детёнышей порвёт любого на драные полоски, а вас малявок ни то что не тронет, наоборот облизывать будет. Ещё к концу праздника нахлебаются её слюней по самое «не хочу».

Эта мамино наставление не особо успокоило Зорьку, но реветь всё же перестала. Да и мама оказалась права, что не говори. Весь Семик Сладкая крикала над ними как утка над утятами, и даже её витиеватый забористый мат и вечные затрецины с поджопниками воспринимались в конце праздничной седмицы как нечто родное и душевное. Хотя поначалу она была грозная, стараясь нет-нет да сделаться не в меру сердитой, что в конце у неё уже не получалось, как ни зверствовала.

Собрала она девчат на площади у реки. Злобно зыркнула из-под мохнатых бровей что пушились раскидистыми кустами, но увидев на мордашках неподдельный страх, а кой у кого и блеск слезинок на пухленьких щёчках, как-то в раз обмякла, подобрев к подрастающему поколению.

– Значится так убогие, – начала она втолковывать инструктаж перепуганным девкам, тянувшимся перед ней вверх как молодые берёзки, – никаких чёб пацанов духу не было.

Вообще-то прямого запрета для ватажных бывать на девичьих праздниках как такового не было. Даже были такие куда их специально звали, потому что там без них было совсем никак. Были и такие куда не звали, но они сами являлись без приглашения, и без них те праздники тоже были бы не праздники. Но вот на Семик ватажных ни только никогда не звали, но

³⁷ При переводе из молодух в бабы, девичья коса резалась ритуальным ножом и отныне плелась не в один ряд, а в два.

и хоронились от пацанов насколько это было возможно, потому что на эти дни они были безоговорочно не нужны. Это было девичье таинство.

Но пацаны пройдохи из кожи вон лезли, чтобы узнать, где девки станут гулять эти заповедные дни, и во что бы то ни стало старались подмазаться к их празднику. Если ватага находила их скрытое пристанище, а те оказывали активное сопротивление с непременным гонением и побоями, то упорно старались мешать их гулянке несмотря на то что иногда доставалось по-взрослому. Били-то девки чем попало, куда попало и со всей своей девичьей дури.

Если же гуляющие на них плевали с высокой берёзы и не обращали никакого внимания, то и пацаны по выделяваясь для собственного самоуважения, тихонько пристраивались в сторонке и становились лишь простыми наблюдателями, находясь на этом празднике в роли тех же берёз, что росли вокруг. Интересы в этом было мало.

Девятка как ватажный атаман был уже без двух лун как артельный мужик, поэтому ватагу за девками подглядывать не повёл в принципе, и изначально не собирался им портить праздник. Авторитет атамана не позволял заниматься всякой хренью. Так что Сладкая зря заставила девок шифроваться, хотя излишняя таинственность в прочем не помешала праздничности, а наоборот добавила мурашек на щуплые тельца девонек с самого начала ритуала.

Рано поутру, только рассвело, и за рекой разлилась полноценная заря, из всех щелей баймака на площадь стали украдкой выползать девичьи фигурки, теребя в руках маленькие узелки. По одной, по две, тихо-тихо на цыпочках собирались они у реки, где их уже ждала Сладкая. Она на чём-то сидела у самой воды, но на чём из-за размеров её седалища было не разобрать.

Девки сбивались в кучки и о чём-то перешёптывались, и чем больше их собиралось, тем щебетание становилось громче.

– Цыц, – приструнила их грозная баба.

Все замолкли и замерли.

Зорьке помнится тогда было до крайности любопытно, на чём же там сидит эта необъятная туша, но даже когда Сладкая кряхтя поднялась чтобы оглядеть собравшихся, из-за её ширины ярица так и не смогла рассмотреть, на чём «жира» рассиживала. Хотя девка точно знала, что у воды в этом месте раньше ничего не было и сидеть там соответственно было не на чем.

– Всё, – сказала Сладкая тихо, – боле никого не ждём. Кто проспал, пусть дрыхнет далее.

Девки суетно за озирались, высматривая кого нет, и кто проспал, а затем двинулись за грузно шагающей девичьей большухой вдоль реки по натопанной тропе, и Зорька так и забыла посмотреть на чём же там сидела грозная бабища.

Не успели они ещё дойти до Столба Чура, как сзади послышался топот и два жалких голоска запищали в разнойбой:

– Подождите нас!

Большуха резко остановилась. Дёрнулась, словно врезалась в дерево, развернулась и приняла устрашающий вид. Чуть-чуть сгорбилась и будто надулась. Хотя казалось куда ещё больше надуваться с её-то комплекцией. Руки полукругом скрючила словно бер-шатун. Глазки сузила, остатки зубов оскалила. Жуть кромешная.

Все, кто за ней шёл как по команде кинулись в рассыпную, а прямо на Сладкую выскочили две сестрички, дочурки бабы Бабалы, Лизунька и Одуванька, бедные. Девчонята погодки девяти и десяти лет отроду.

Добежав до бабьего чудища, вытарасив округлившись глазёнки и запыхавшись от быстрого бега они хотели что-то сказать в своё оправдание, но не успели.

Сладкая резко, не говоря в их обвинение ни слова заехала одной справа в ухо, второй слева. Обе отлетели словно тряпичные куклы. Одна в кусты задрал к небу ноги, торчащие из подолов, другая булькнула в речной камыш будто крупная рыбаина играет.

– Цыц я сказала, – прошипело толстозадое чудовище, – только вякните мне ещё, мелко-жопые. От кого голос ещё услышу, голосаюкку выдерну, в жопу затолкаю и там поворочу, чёбы застряла.

При этих словах она наглядно показала своей безразмерной ручищей, как она это делает. Девки и так молчавшие от греха по дальше всю недолгую дорогу, от такой доходчивой картинки не только языки проглотили, но и головы в плечи попрятали.

Начало праздника было многообещающим, и Зорька как не настраивала себя на лад с этой жирной зверюгой, тем не менее страха натерпелась столько, что даже не смогла себя заставить идти рядом с большухой как одна из старших девок, а всю дорогу пряталась в общей куче среди мелочи.

Наконец прошагав за Сладкой, топающей в раскорячку вдоль берега довольно неблизкое расстояние, да и по времени уже солнце поднялось над землёй, они остановились на поляне у самого берега, где река породила потаённую заводь, заросшую камышом с осокой, а над этой заводью прямо в воду опускала свои ветви старая ракита.

Вокруг светлых берёзовых лесок без высокой травы и разросшихся кустов. Большуха постояла молча оглядываясь, после чего наконец кивнула ни то здороваясь с кем-то, ни то соглашаясь сама с собой.

– Дотопали! – гаркнула она неожиданно да так, что пичуги с ближайшего дерева рванули стайкой в лес по дальше по добру по здоровому, – седайте у берёз по краям и готовьтесь к своей неминуемой кончине, мелочь безпузая.

Сладкая с видом обожравшейся ленивой свиньи потеряла свои «мешки с рыбой», с трудом отлепляя их от пуза, видимо проветривая. Она медленно расплылась в улыбке безжалостного людоеда, продолжая запугивать девок. Но те, уже не обращая на неё внимания кинулись в рассыпную занимать удобные места. Зря старалась.

Не сговариваясь, девоньки сгруппировались отдельными кучками по возрастам. Все четыре кутырки навывдане во главе с Зорькой-предводительницей устроились у старой берёзы с корявыми ветвями, росшей недалеко от той ракиты что опускала ветви в воду. Только тут рыжая осмотрелась вокруг. Странно ей стало. Вроде бы как земли местные вдоль и поперёк излазила, а этого места не припомнит. Она явно здесь была впервые.

Заводь тихая, не проточная, в воде угадывалось лишь слабое круговое движение, притом она двигалась как бы вся, одновременно по всему кругу. Зорька смотрела на плавно крутящуюся гладь как заворожённая, будто всем телом, всеми внутренностями почувствовала нечто такое, что выходило за рамки естественного.

Неожиданно её посетило озарение, что в этой чудной заводии как раз и должны были обитать те полужити, ради коих они собрались праздновать, Речные Девы³⁸. Самые что ни на есть

³⁸ Речная Дева – полужить. В отношении к человеку биполярна. Речная Дева, в отличии от других полужитей, не индивидуальное, а коллективное порождение. Они создавались бабняком в целом, и конкретной хозяйки не имела. Если уж весёлость, то всеобщая, если страдания, то всем бабняком. Рождённая единением, единением и питалась. Бабы сознательно и целенаправленно разводили Речных Дев. Для рожениц и новорождённых они являются удельщиками, т.е. поправителями судеб. Девы одаривают особыми судьбами и влияют на их будущее непосредственно. В этом смысле Речная Дева уникальное создание, единственное, кто исправляет то, что никому больше было не дано – будущее. Волосы у Речных Дев рыжие, с красноватым оттенком и «живые», т.е. существуют отдельно от хозяйки. Они постоянно шевелятся и переплетаются между собой, поэтому Дева всё время вынуждена их поправлять и расчёсывать. Невежественные потомки Речных Дев часто путают с нежитями – Водными Девами сгребая всех в одну кучу, но Речная Дева принципиально отличалась от последних. Кроме того, в Семик под гуляющих по земле Речных Дев подстраиваются нежити болезнетворные – Лихорадки, встреча с которыми всегда для человека оборачивалась печально. Речная Дева для мужчин является голой, для женщин в белой, длинной рубаше, но они не психооборотни, поэтому каждая – индивидуальность. Отличаются неопикуемой красотой и вечной молодостью. На вид всегда одного и того же возраста. Живут исключительно в реках, в других водоёмах не водятся, но раз в году, в начале лета, выходят на землю. Этот период длился седмицу и назывался Семик. На земле их частенько видят на деревьях в лесу, качающихся на ветках как на качелях или возле водоёма на ивах, либо на конопляном поле. К конопле они всегда не равнодушны. Редко, но всё же заходят в селения и даже в куты. Если на их пути попадётся одинокая женщина (не смотря на строгий запрет шататься в одиночку в это время), то её изгоняли, хлестали прутьями, рвали на ней одежду и т.д. Детей не трогают, наоборот, угощают.

настоящие. Вот как пить дать в подобном месте и должны были жить эти потусторонние красавицы. И вода вся какая-то колдовская, да и ракита вон точно такая как мама в детстве в сказках сказывала. И даже берёза где сидела, была необычная. Листики на ней совсем махонькие, молоденькие, и от того старая берёза вся корявая и несуразная покрывалась неким загадочным свечением, будто зеленью изнутри сияла.

«Так вот ты какой зелёный шум!» – подумала тогда девка и задрала голову принялась разглядывать этот нежный туман молодой зелени.

С распахнутыми глазами и открытым ртом она замерла и не заметила, как к ней подкралась Сладкая, не громко пробурчав:

– Рот закрой. А то мухи насерут полное хлебало.

Рыжая аж вздрогнула от неожиданности и захлопнув рот с зубным цоканьем, непонимающе уставилась на противную большуху. Та стояла перед ней широко раскидав толстые тумбы ног и оперев руки в боке, где-то теряющиеся под безразмерными грудями.

– Чё сидим, мелкожопые? – издевательски спросила жирная баба, – чё ждём? А готовиться я за вас чё ли буду? Почему волосы ещё в косе? Сидят тут ловят языками говноедок словно жабы.

И с этими «задушевыми» словами двинулась дальше вдоль поляны, подходя к каждой группе щебечущих девок, и в той же язвительной манере подзуживая каждую. Никого не пропустила. На каждой отвела свою мерзкую душонку.

Зорька мигом спустилась с небес на землю. Шкурную безрукавку скинула, верхнюю рубаху с поясом тоже долой, косу расплела, рыжую копну растребушила пальцами раскидывая по плечам. Развязала узелок: яйца печёные, солонины кусок. Отдельно свёрнуты в лист лопуха тоненькие волосяные верёвочки, плетённые жгутом и окрашенные в разные цвета. Всё. Приготовилась. Стала ждать первого действия – девичьего кумления.³⁹

Оно было почти таким же, как у баб с молодухами что они устраивали на Сороки⁴⁰. Только если бабы порождали Матушку Ку⁴¹, то девки этот колдовской процесс просто ими-

К молодым мужчинам ласкаются и заигрывают, порой до потери сознания последними, но, как правило, отпускают живыми. Не редко эти ласки доходили до секса. Но мужчинам надо быть крайне осторожными, так как эти игры буквально «на лезвии ножа». Они могли залюбить и до смерти, не со зла, а просто заигравшись. Могли до смерти зашекотать или зашипать, если обиделись или обозлились. Могли и напугать до смерти. А за тем вокруг жмура, как ни в чём не было, водили хоровод. Сексуальные отношения с Речными Девами для мужчины часто заканчиваются печально. Даже если он уходил от неё живым и довольным, то впоследствии умирает от тоски или кончает самоубийством, топясь. Если мужчина сталкивается с ней в реке, то как правило погибает. Губит его не Речная Дева, ей это попросту не надо, топят её волосы, живущие своей жизнью. Они опутывают жертву и топят. Вырваться невозможно.

³⁹ Кумление – установление временного духовного родства, единения. Этот обычай служил основой формирования женских возрастных ритуальных групп и объединений. Покумившиеся называли себя сёстрами. Обряд был крайне тайным и исключал не только присутствие постороннего, но даже из далека смотрящего. Поэтому место выбиралось скрытное от посторонних глаз, обычно в лесу. Ещё один вариант. Кумление у реки. Сёстры поочередно черпали воду из середины плавающего венка и умывались. Затем венки по очереди одевала на голову каждая из кумлящихся.

⁴⁰ «Сороки» – бабий праздник, заканчивающий Разбитную Масленицу. Основной предродовой ритуал кумление бабняка. «Сороки» не были жёстко привязаны к лунному календарю, а являлись фактом фенологического порядка и связаны с природным кумлением птицы сороки. Обычно это происходило в середине марта, но год на год не приходится. Как сами сороки определяют дату, остаётся непонятным. Расселяются сороки в мелкорослых лесах поблизости от опушек, в рощах, кустарниковых зарослях пойм рек, по оврагам, балкам, но особенно они равнодушны к лесополосам вдоль рек. В марте для сорок наступает предбрачная пора. Птицы собираются в большие скопища, что бывает только раз в году, рассаживаются по одиночке в кронах деревьев и начинают тихо пощёлкивать клювом. Потом входят в раж и щёлкают всё сильнее. И когда входят в транс, срываются с веток и начинают кружить над лесом в бешеном хороводе. Сороки куманятся. Параллельно с ними начинают куманиться и бабы. Звучат «сборные», ритуальные карагоды, бабняк и примыкающее к нему молодухи куманятся. Единение позволяло чувствовать друг друга на расстоянии и так же на расстоянии оказывать друг другу психологическую помощь.

⁴¹ Ку – полужить. Порождалась бабняком перед Родовой седмицей на Сороках, духовно и психологически объединяя всех закумившихся. Порождали её в разных куклах: волосяных, глиняных, костяных и т.д., но каждая баба при этом вкладывала частичку себя (притом в прямом смысле слова) для её изготовления. После родов и банного карантина, на Троицу, бабы раскуманивались, хороня куклу с Ку.

тировали путём создания некой Кукуши⁴² девоньки. Силы в ней не было никакой в отличие от бабей Ку, но она и не требовалась, так как Семик – праздник-обучение. Всё в нём было как у баб на Сороках, только не по-настоящему. На Сороках всерьёз куманились, но учить там было не кому, да и некогда. К нему требовалось уже всё знать и уметь. Вот в этой ежегодной подготовке и состоял весь девичий Семик.

Было ещё одно отличие. Большуха бабняка на Сороках куклу⁴³, то есть то, куда эту Ку закладывала, делала всегда по-разному. Почему? Да кто её знает. Поди разбери. Лишь большуха и знала, как в этом году на роды полагается делать вместилище этой полужити. Когда по кусочку из глины смоченной слюной каждой бабы жёваной во рту, когда смачивала эту глину у них в других отверстиях. Когда только из их волос плела, тут же на карагоде⁴⁴ у каждой выдёр-гивая. Иногда волосики щипала из лобковой бородки с болезными «ойками».

В общем, по-разному делала, в различных интерпретациях и в разных последовательно-стях. Лишь большуха знала у кого, где надо выдрать и у кого, где намочить. А бывало и до пуска крови доходило, правда обходясь лишь порезами на ладонях.

А у девок на Семик это делалось всегда одинаково. Кукла у них была травяная, не телесная. Никаких человеческих вложений в неё не делали, никакой силой общности эта полужити не наделялась. Зорька всё это прекрасно знала, не первый год семитует как-никак, но на этот раз большуха удивила. Хотя ярица от Сладкой непременно ждала какого-нибудь подвоха.

Рыжая как-то быстро успокоилась, пройдясь по лохмам пальцами словно огородными граблями, и сама, не ожидая от себя запела песню на сбор с плетением праздничных венков. При этом её несколько не покорило то обстоятельство, что захватила лидерство без позволения большухи. Это получилось, как бы само собой, будто так и должно было быть. Сладкая, до этого с грозным видом чихвостившая нерадивых девок вдруг перестала шипеть, обмякла и повернувшись к Зорьке расцвела в другой улыбке, – по-доброму.

Зорька встала, продолжая петь, и начала собирать цветы с травами для венка. Тут же песню подхватили остальные, и вот уже нестройный хор в свободном хождении и в таком же свободном «песнеизлиянии» кто в лес, кто по дрова, расплзся по поляне с лесом.

Песнь была короткой и всякий раз как заканчивалась, начиналась заново. Её повторяли аж несколько десятков раз до оскомины, пока все не собрались под своими деревьями и не закончили с плетением венков. Те, кто заканчивал плести, и петь заканчивал. А как нытьё, называемое ими песней, постепенно утихло на поляну вышла Сладкая. Началось то самое колдовское действие, захватывающее девичьи умы и воображение.

Непонятно откуда у бабы в руках появилась миска с молоком. Зорька готова была биться об заклад, что Сладкая ничего с собой не приносила. Она бы увидела. Та пришлёпала сюда пустая, налегке. Откуда взялась эта деревянная миска, да ещё и наполненная молоком.

Большуха праздника, как и девки тоже опростоволосилась, расплела обе свои жидкие бабьи косички, скинула шкуру, верхнюю рубаху и выйдя босиком в центр поляны принялась что-то себе под нос нащёптывать, постоянно кланяясь так низко, насколько позволяло её телосложение, вернее жиросложение. Зорька ничего не слышала, но поняла, что большуха обра-

⁴² Кукуша – девичий аналог полужити Ку. Считалась не совсем настоящей. Учебной.

⁴³ Кукла антропоморфное изображение в ритуалах, зачастую являющуюся заменой человека. Кроме того, куклы применялись для материализации нежити, выступая как ловушки. Делали специальную куклу для определённой нежити, которая находилась в состоянии зловредности, чтобы, используя её материальность, справиться с ней, например, для Морены, Костромы, 12 лихорадок и т.д. Третье значение куклы игрушка для девочек. На них обрабатывались воспитательные процессы материнства.

⁴⁴ Карагод разновидность хоровода. С точки зрения характера движений хороводы различали на плясовые танки, игровые хороводы и хороводы-шествия – карагоды. Танок плясовой, быстрый хоровод, исполняющийся по кругу или змейкой. Игровые и шествия – медленными. Как правило, они представляли собой инсценировки той песни, что пелась, либо изображали в буквальном смысле то, о чём пелось, как бы дублируя слова движениями, жестами либо подобная сцена была внутри хоровода. Движения могли быть круговыми, ломаными, змейкой или плетением. Хороводы-шествия, карагоды, сопровождали протяжными лирическими, а также обрядными песнями.

щается к Матери Сырой Земле. Толи с просьбой какой о разрешении, толи славя её и благодарствуя.

Наконец плеснув на землю щепоть молока, она склонилась с закрытыми глазами, и стояла долго, будто ожидая какого-то знака или ещё чего, Зорька не ведала. Через какое-то время постояв так согнутой, Сладкая ещё раз резко поклонилась и выпрямилась, принимаясь водить носом что-то вынюхивая. Нанюхала, развернулась в том направлении. Как Зорька решила, туда откуда ветер дул, хотя он абсолютно не чувствовался и как баба его носом определила ярице было не понятно.

Сладкая, задрав голову к небу опять принялась что-то бубнить себе под нос. Зорька поняла, что она обращается теперь к Отцу Неба Валу Всесильному. Зачерпнув из миски молоко своей ладонью-лопатой, она наотмашь его разбрызгала и снова поклонилась на сколько позволило пузо.

Затем пошла к воде, где проделала то же самое, выливая остатки молока в заводь. И запела. Зорька аж рот приоткрыла от удивления. Голос у бабы оказался настолько красивый и чистый, что можно было заслушаться. Чего-чего, а такого от жирной бабы явно никто не ожидал. Ярица поймала себя на мысли, что никогда раньше не слышала, как поёт Сладкая.

Песнь её была торжественная, как и положено быть «сборной». Этой песней большуха собирала девичий карагод. В ней не было постоянных слов, не было ни рифмы, ни единого размера. Баба пела обо всём что делала сама и что делалось вокруг неё.

Вернувшись в центр поляны, о чём тут же пропела, принялась по очереди вызывать девонек каждую персонально. Притом в отличие от бабьего карагода на Сороках, на Семик почему-то вызывали не по старшинству и близости к большухе, а наоборот. Начала Сладкая с самых маленьких, а закончила ярицами, притом Зорька оказалась крайней из всех.

Когда вызванная ей девка подходила к большухе неся в руках своё рукоделие, Сладкая отщипывала от него несколько стеблей, и одев венки на голову подошедшей, целовала её в мелкие губки, при этом обо всём продолжая петь и в песне рассказывать. Затем отводила кутырку на определённое место, и принималась за следующую.

Когда очередь дошла до Зорьки, круг был полностью собран. Девчонята с венками на головах держались за руки и были поставлены таким образом, что рядом друг с другом стояли девки разного возраста. Её подруги ярицы были разбросаны по всему карагону, а для самой Зорьки оставалось лишь одно единственное место в этой круговой цепи.

Она подошла к большухе. Вот тут-то её и ждал сюрприз. Сладкая, кроме выданных из венка травин, что подала с почтением Зорька, как-то внезапно рванула рыжие волосины из её растрёпанной роскошной копны. Зорька от неожиданности и боли вздрогнула, и вылупилась непонимающе на большуху. Та мягко и как-то с хитринкой, но по-доброму улыбнулась, заговорщицки подмигивая, и ввязала всё это в приготавливаемую ей куклу. Травинки из венка с волосами закончили композицию. После чего водрузила венки Зорьке на голову, крепко впились в губы, буквально засосав их полностью, и отвела обалдевшую от подобного обращения девку на свободное место.

После этого варварского поцелуя, Зорькины губы заньли и запылали жжением, и ещё чувствовался на них какой-то непонятный привкус. Девка инстинктивно их облизала. Странный вкус. Неведомый.

Песнь продолжилась дальше, указывая что делать, и девичий карагод пришёл в движение. Разноголосый хор стал нестройно повторять за Сладкой слова нехитрого заговора.

Большуха довязала куклу усадив её в пустую чашку, что стояла на земле посерединке. Проделала она это упав на пухлые колени, что при её габаритах стоило бабе невероятных усилий. Особенно тяжело было Сладкой потом подниматься, но при этом петь она не перестала, хотя в тот момент бабий голос скорее напоминал нечто среднее между скрежетом и страдаль-

ческим стоном. Но всё же поднявшись хоть и с отдышкой, опять запела чисто, самозабвенно, неистово. Обряд кумления продолжился.

Сначала Зорька заикнулась на том непонятном привкусе что оставила ей на губах Сладкая. Что-то совсем незнакомое, вместе с тем на что-то очень похожее, но на что хоть убей не понимала. Машинально повторяла всё о чём большуха торжественно пела своим мягким голосом. И в один прекрасный момент вдруг заметила, что её голос неприятно завибрировал где-то внутри головы, отчего та начала кружиться и в висках побаливать.

К этому мерзкому ощущению добавилась тошнота, и ни с того ни с сего закрутило живот. По всему телу прошла волна онемения. Началась она где-то внутри и закончилась на кончиках пальцев. С этим все неприятные ощущения ярицу отпустили.

Голова уже не болела, а кружилась в лёгком опьянении. Краски стали ярче, насыщенной. В мозгах появилось странное чувство ни то раздвоенности, ни то даже «растроенности». Так сразу и не объяснишь. Будто внутри неё сидели разные девки и сами с собой разговаривали. И в общей каше не понятно было сколько их там сидит, и кто о чём щебечет. Она лишь смогла определить по голосу, что это были кутырки притом разные.

Затем они принялись менять друг друга, выходя по очереди на первый план то полностью, то вылезали лишь частями, обрывками. Потом начали переливаться друг в друга. В голове творился полный кавардак. Ни на чём не удавалось сосредоточиться. Зорька даже петь перестала, потому что не получалось, язык не слушался.

Она вообще уже ничего понять не могла. Затуманенный взор, воспринимавший всё исключительно в ярких, но размытых пятнах блуждал по траве, по которой с трудом продолжала вышагивать. И если б не держали за руки и насильственно не водили, давно бы уже на землю рухнула.

Взор то перескакивал на лесной «зелёный шум», то на ясную до рези в глазах синеву далёкого неба. Наконец блуждающий взгляд мазнул по противоположной стороне карагода, и в пятнах размазанных девок абсолютно чётко проступила фигура Елейки, её подруги, одной из кутырок навывдане.

Та ни то с ужасом, ни то в высшей степени удивления смотрела на рыжую в упор словно не на лучшую подругу, а будто в первый раз голого мужика увидела. И тут с Зорькой произошло нечто вообще неопишное. Она отчётливо её почувствовала, притом где-то в самой себе. Верней показалось, что она и есть Елейка худосочная.

Зорька даже с перепуга хотела было за собственные груди схватиться, потому что отчётливо почувствовала, что те стали другими, вернее вовсе пропали, как у Елейки, плоской по жизни словно доска струганная. Но удерживаемые соседками руки не дали проделать этого унижительного действия. Тут ей передалось и Елейкина взволнованность, и такое же непонимание происходящего, только как-то по-другому, – по Елейкиному.

Рыжая посмотрела направо будто кто позвал и в мути девичьего круга увидела Краснушку, свою вторую подругу, проявившуюся резко и чётко на фоне цветного марева, и точно так же её почувствовала. Та растеряно лыбилась, и Зорька тут же улыбнулась в ответ.

Только тут она поняла, что в них проснулась сила единения с самой Матушкой Ку. Это Сладкая, вплетя их выдранные волосы в куклу сделала так, что их четверых накрыло единение, какая-то общность сознания с общностью чувств и эмоций. Состояние было настолько необычное, что от эйфории у Зорьки аж дух захватило, а радость так и поперла наружу, не спрашивая её.

Ярица метнула взгляд налево где стояла четвёртая подруга – жирная Малхушка, и та цвела в растерянной улыбке. Только у неё от пережидываемых эмоций ещё и слёзы по пухлым щекам лились в два ручья. Зорька и её восторг приняла как свой, и у самой глаза сделались на мокром месте.

Раздался хлопок в ладоши. Громкий. Звонкий. От чего это марево рассеялось и ярицы пришли полностью в себя. Круга уже не было, а все мелкие девки кинулись к воде, где толпились у камышового прохода. На поляне остались лишь они четверо, да чуть поодаль – Сладкая, довольная до безобразия.

– Ну чё, мелкожопые? Прочуяли силу бабьего единения? – хитро спросила она у ошарашенных кутырок.

Но ярицы словно каждая прибитая бревном по отдельности, всё ещё не отойдя от шока невиданных ощущений ничего не ответили, лишь обернулись на голос, и жадными горящими взорами уставились на большуху, будто в первый раз увидели это недоразумение.

Сладкая, как оказалось, тоже вплела частичку себя в эту куклу и поэтому девки не просто её видели, а также почувствовали весь многоликий и многоопытный мир этой бывалой бабы. Всю её огромную доброту и безмерную ласку под вредно пакостной оболочкой обрюзгшей страшилки. Всю её безмерную любовь ко всем малым детям без исключения, всю её тонкость и хрупкость души, упрятанной в массивном до безобразия туловище.

Зорьке вдруг во что бы то ни стало захотелось подбежать к ней и прижаться крепко-крепко, и она не стала себя сдерживать, рванула и повисла на могучей руке «чудовища». Ещё миг и Сладкую облепили с разных сторон её подруги по кумлению.

– Ну, ладноть. Будя, – пробулькала растроганная баба, не очень настойчиво стараясь избавиться от прилипших к ней девонек, и они почувствовали, что проявление спонтанной любви ей очень нравится.

Сладкая ещё немного понежилась, по умилялась их откровенной и по-детски наивной лаской, а как почуяла подкатывающие к горлу слёзы, вдруг резко встряхнулась и какой-то внутренней могучей силой в один миг настроила яриц на рабочий лад.

– Так, девоньки. У нас тут дел – полная помойка недоеденная. Вон молодняка сколь беспризорного побросали. Того и гляди подерутся да перетопят друг дружку, засыхи кривоногие.

На берегу действительно творилось что-то невообразимое. Подход к заводу был узкий, заросший с двух сторон густым камышом и у этой водной тропки с визгом и криками барахталась куча-мала. Толкаясь и пихаясь, каждая норовила вылезти вперёд. Вот раздался плюх с травяным шелестом. Кого-то девичий напор окунул с головой в прибрежный камыш, после чего над поляной раздался обиженный рёв нерасторопной девки.

– А ну стоять! – взревела Сладкая раненым туром.

Все четыре ярицы как по команде рванули к клубку девичьих тел, хитро сплетённых руками и ногами, шустро растаскивая эту кучу-малу, выдёргивая по одной обратно на твёрдую почву.

– Мозги вышибу у кого найду! – продолжала орать взбешённая большуха, грузно ковыляя к в раз примолкшим кутырмам, – а ну встали в очередь, засранки вичконогие. Всех Речных Дев распугаете, горлопанки поносные.

Девчонята всё ещё толкаясь и попискивая, тем не менее образовали что-то похожее на очередь, и большуха выравнивала их по одной в линию безжалостно применяя тычки с затрепинами.

И тут произошло чудо. Самое настоящее чудо. Одно из тех жизненных событий, что остаётся неизгладимым следом на всю оставшуюся жизнь. В центре тихой заводи вода пошла волнами, и на поверхности появилось любопытное личико. Увидев вереницу мелких девок, пищащих и щебечущих без устали между собой, лицо речной красавицы расцвело в елейной обворожительной улыбке, словно свет от неё заструился приятной мягкости. И тут же Дева вынырнула из воды по пояс, словно поплавок при опущенный поклёвке.

Одеяние на ней было волшебное, неопишное. Полужить была в тончайшей рубаше, плотно облегающей её стройное тело, сотканное ни то из лунного света, ни то из кристально

чистой воды, но при этом подсвеченной изнутри. Покров её хоть и казался прозрачным, но источая непонятное холодное свечение создавал туманное замутнение, скрывающее её наготу.

Это была сама Речная Дева! Настоящая! Молодая и на загляденье прекрасная ликом. У Зорьки от восторга увиденной картинки перехватило дыхание, и она рухнула перед ней на колени во взбаламученный прибрежный ил. Сладкая уже стояла на своих коленных тумбах и кланялась, то и дело плюхаясь руками в жижу и что-то щебеча себе под нос и булькая горлом.

Баба благодарствовала Речной Деве за явление, а та, продолжая радоваться девичей кутерьме, расцветая колдовской улыбкой на обворожительном личике медленно выплывала к камышовому проходу.

Неожиданно за её спиной показалась ещё одна. За ней ещё, и ещё. Вскоре Речные полужити заполонили собой всю заводь и ни одна на другую не похожая лицом. Они были разные, узнаваемые, каждая со своими чертами и как одна удивительно красивые, одна прекрасней другой. Девы начали переговариваться между собой явно смеясь в голос, но ни одного звука от них не было слышно.

Большуха всё кланялась и причитала. Девки в очереди нетерпеливо ёрзали, но без команды Сладкой к воде больше не лезли. Побаивались.

Речная Дева всплывшая первой, встала на мелководье у самого берега где воды ей было по щиколотку, и по колыханию прозрачной рубахи, по-прежнему спускающейся в воду, Зорька поняла, что рыжая красавица все-таки не плыла, а шла, мелко перебирая ножками. Колдовская полужить остановилась и плавно протянула руку к девченок стоявшей ближайшей в очереди.

Сладкая встрепенулась будто ей кто скомандовал, и не поднимаясь с колен, в полуобороте, как смогла повернулась к девчатам. Погладила стоящую рядом по спине и ласковым тихим голосом проговорила:

– Иди. Только осторожна будь, – и уже в спину входящей в воду самой маленькой кутырке, напряжённо добавила, – опусти свой веночек да вертайся тихонечко. Речная Дева прям пред тобой стоит да на тебя смотрит.

Девченок по кличке Жилтявонька, семи лет отроду, до этого уверенно шлёпавшая по проходу между редким камышом высоко задирая свои кривые и худющие ножки, вдруг вздрогнула и за озиралась насторожённо по сторонам. Но ничего приметного не заметив продолжила движение вперёд, но уже с опаской. Станный для девки голос большухи сделал своё пугливое дело. Зайдя в воду по колено, она сняла с головы приготовленный веночек, пустила на поверхность заводи и легонько толкнула, отправляя его в плаванье.

Речная Дева стояла напротив малышки и улыбалась, провожая этой светлой улыбкой, отправленный по воде веночек. Кольцо, сплетённое из трав и цветов, медленно дрейфовало вдоль берега. Девченок поклонилась как положено и о чём-то тихо попросила полужить. Речная Дева явно её услышала, потому что плавно перевела взгляд на просящую кутырку и утвердительно кивнула, продолжая мило лыбиться.

Жилтявонька не видя перед собой Девы, ещё раз пробежала взглядом по водной глади в поисках чего-нибудь необычного и спокойно держа руки в стороны для равновесия пошлёпала обратно. Очередь двинулась.

С каждой последующей просительницей, опускающей свой веночек перед рыжеволосой красавицей, происходило примерно то же самое. Только когда в заводь вошла первая из девок наывдане, а то была Краснушка-долговязая, картина несколько изменилась.

Когда она отпустила веночек и смотря в водные кристаллы глаз Речной Девы стала о чём-то шёпотом просить, полужить не кивнула ей как это делала остальным, а заговорила. Но несмотря на то что губы её шевелились, а Зорька стояла совсем близко, тишина была полная. Но по ощущениям, которые ярица получала от подруги за счёт кумления, та прекрасно её слышала, и то что слышала Краснушку не радовало. Внутри её забило тревожное волнение с беспокойством.

Речная Дева не просто знала судьбу всякого, а являясь вот таким образом могла изменить или исправить предначертанное, переделав всё будущее человека в принципе. Беспокойство, что получила Зорька от Краснушки мгновенно переросло в страх, но уже собственный. Что-то ей скажет Дева? Как-то изменит её судьбу? И изменит ли?

Примерно то же самое произошло и с Елейкой, и Малхушкой. Наконец и до неё дошла очередь, последней из всего этого девичьего балагана. Ноги подкашивались, не слушались будто набитые травой. Руки тряслись, но коснувшись ступнями прохладных вод, поняла, что не только руки трясутся, трясушка колотила всё тело от макушки до самых пяток.

Вошла в воду настороженно, не спуская глаз с лица полужити. Как замороженная подошла к ней вплотную. Беспокойство волной нахлынуло и снаружи, и изнутри. Заколыхалось в гулком биении захлёбывающегося сердца. Дыхание сбилось. Зорька даже рот открыла, глотая недостающий воздух всё больше и больше, и лишь когда в глазах поплыли очертания Девы и образ её стал расплываться в выступивших слезах, Зорька выдохнула.

Как оказалось, она всё это время только вдыхала до предела наполняя лёгкие. После того как нормально задышала, ярица очнулась от наваждения. Рыжая сразу вспомнила все что надо делать и от осознания этого постепенно стала приходить полностью в себя.

Опустив взгляд на гладь заводи, она успокоилась окончательно, будто оторвав взор от заораживающего лица, и сверкающих блеском ледяных кристаллов водяных очей Речной красавицы, она прервала жуткой силы давление на своё бедное сознание.

Зорька сняла венок с головы и медленно поклонившись, опустила на воду. Только подталкивать не стала. Тот и сам поплыл. У неё в голове вдруг отчётливо прозвенела безрадостная мысль, будь что будет, отчего остатки страха неизвестности сдуло словно дым свежим ветерком. Ярица спокойно выпрямилась и уже без паники и каких-либо признаков мучительного беспокойства, прямо и не мигая усталилась в глаза Речной Девы.

Только теперь заметила, что лик полужити преобразился до неузнаваемости, она больше не улыбалась. Дева перед ней стояла серьёзная, но не злая как могло показаться с первого взгляда. Она просто стала какой-то монументальной, торжественной. Водная рыжая красавица улыбалась с того самого момента как показалась из воды, и улыбалась на протяжении всего девичьего обряда, а теперь улыбка с её лица исчезла будто не было. Зорька не успела осознать разительной перемены и тем более встревожиться или напугаться этим обстоятельством, так как Речная Дева заговорила нежным, и журчащим словно вода голоском:

– Не проси меня ни о чём, Утренняя Заря. Я бы рада тебе помочь, да ни могу. Твоя судьба особенная, и будущее твоё предначертано осознано высшими силами. Нам запрещено менять его суть. Да и не будет из нас никто этого делать, ибо мы понимаем, что именно так и нужно для общего дела.

При этих словах Дева потупила взор и кристаллы её глаз помутнели, всем видом показывая, как ей жаль, что не может поменять в Зорькиной судьбе что-то страшное и за это просит прощения. Её рыжие водные волосы пришли в жуткое волнение. За извивались как тонюсенькие змеи и полезли Деве на лик. Она мягким, но уверенным движением расчесала их длинными пальцами, от чего с них мелкими брызгами в разные стороны разлетелись капельки воды.

Часть из них попала Зорьке на пылающее лицо, но девка даже не дёрнулась, продолжая стоять вкопанным истуканом, не понимая, толи радоваться, что у неё судьба особая, толи тут же плюхнуться в воду и утопиться с горя. Речная Дева встрепенулась, протянула свои прозрачные руки и взяла Зорьку за плечи, от чего рубаха ярицы моментально вымокла, но неприятных ощущений она от этого не почувствовала. Полужить тем временем смотря Зорьке в округлившиеся глаза, уверенным, волевым тоном добавила:

– Ты станешь началом конца прежнего времени и положишь конец его полному разрушению, не дав нашему миру рухнуть в небытие забвения. Только ты это сможешь сделать, и

ни у кого кроме тебя не получится. Будет больно. Нестерпимо больно во времени, но я верю ты справишься, потому что ты сильная.

С этими словами полужить притянула Зорьку к себе, только не понятно, как сотканые из воды руки смогли подобное проделать, и в буквальном смысле утопила девку в своих объятиях. Ярица от неожиданности зажмурилась, погружаясь в тёплую и приятную водную стихию, и чудом успела затаить дыхание чтобы не нахлебаться воды. Но омываемая нежным объятием умиротворяющего прикосновения она всё же позволила себе набрать в рот одеяния Речной Девы и даже успеть проглотить, тут же про себя порадовавшись, как удачно нашкодивший ребёнок, коего на озорстве да шалости не поймали. Вода оказалась как вода, чистая и вкусная. Полужить отпустила ярицу и опять, как и раньше ласково улыбнулась.

– Иди милая. Только выживи, пожалуйста.

Но девка с места не тронулась, будто присосалась ко дну трясинной. У неё вдруг не с того ни с сего потекли слёзы, а Речная Дева медленно отдалялась, и печально улыбаясь продолжала смотреть Зорьке в лицо. Ярице показалось, нет, она была просто уверена в том, что Дева, несмотря наподобие улыбки тоже плачет своими водными слезами.

Так и стояла она пока Речная красавица не отошла обратно в заводь по пояс. Затем полужить резко кувыркнулась и нырнула в глубину, порождая на поверхности тихой воды мягкую волну, расходящуюся во все стороны. А Зорька всё стояла и плакала, не зная по какому поводу. Голова была пуста, без единого проблеска хоть какой-нибудь мысли.

Из забытья её вырвала чья-то рука, опустившаяся на плечо. Мокрая до кончиков волос, рыжая обернула залитое слезами лицо и увидела Сладкую, встревоженную не на шутку. Баба тут же развернула её с силой и прижала к грудям, к мягким словно напичканным пухом подушкам. И тут Зорька разрыдалась в голос. Рухнула невыносимая тяжесть с её хрупких девичьих плеч. Стало с одной стороны легко и свободно, а с другой нестерпимо жаль себя любимую.

Зорька смутно помнит то что происходило на празднике дальше. Как обедали, как собирались в обратный путь. Она начала приходить в себя к вечеру лишь у самого баймака. Никто не приставал с расспросами, наоборот держались от неё отстранённо, даже побаиваясь.

Только потом рыжая узнала, что все просто с ума сходили от любопытства, но «жирное страшилище» строго-настрого запретила девкам не то что спрашивать, близко к Зорьке подходить, и серьёзность сказанного подкрепляла затрепинами и крепкими словцами.

Краснушку даже норовила пнуть ногой, но та оказалась «вертлявой *», как матерно обозвала её Сладкая и увернулась от неповоротливой бабы. Кстати сказать, именно этот эпизод с громким девичьим смехом и отборным матом осерчавшей от промаха большухи упавшей на задницу, и вывел Зорьку из состояния прострации с оцепенением, возвращая к обычной девичьей жизни...

Глава седьмая. Вера и неверие зависят от ожидаемого результата от них.

Дануха вновь очнулась, но уже с улыбкой на высушенных до растрескивания губах, хотя половиной тела до сих пор плавала в воде, и вся с головы до ног была мокрая. А только что слышимый ей бабий хохот на Моргосках сам по себе перетёк в сорочье ворчание, где-то совсем рядом у правого уха. Она повернула болезную голову и всё также лыбясь полной дурой, какой только что пребывала в бес сознании, скрипуче выдавила из себя:

– Воровайка, дрянь эдакая...

Сорока враз встрепенулась, запрыгала по песку, запричитала и затрещала, безостановочно меняя звуки на все лады. Птица радовалась как дитя малое.

Вековуха оперлась на локоть преодолевая боль в покалеченной руке и с огромным трудом уселась, наваливаясь на пузо. В голове резануло будто кто-то в неё вонзил заострённую вичку. Перед глазами всё закружилось и не понять было: где низ, где верх, и начало Дануху рвать будто непотребного чего съела. До мути в глазах выполаскивало. Куда плевала – себя не помнила, от того ухряпалась блевотиной сверху донизу. Утереться никак не смогла, руки ни слушались. Только стало значительно легче, видать вышла желчь, вдарившая в голову, подумала тогда баба.

Опять расцвела в беззубой улыбке вспоминая дуру Сладкую, и принялась корячиться, как и та на примерещившейся ей поляне. Сперва на колени. Только даже это сначала у неё не получалось как ни тужилась. А как рвать перестало и отдышалась, приходя в себя окончательно кое-как удалось встать на ноги.

Расставив широко необъёмные «ходилки» и качаясь поплавром словно на воде с мерной волной, она сжала три оставшихся зуба и матерно выругалась, что-то вроде приказывая стоять и обзывая себя последними словами что вспомнила, накручивая внутреннюю злость.

Помотылявшись так какое-то время Дануха сделала первый шаг. Затем ещё, и ещё. Каждый маленький шаг отзвучался колющим ударом в голову и болезненных руках, повисшими безжизненными плетями. Одна лишь мысль сверлила отупевшее сознание: «Идти надобно». Не думала куда идти, зачем, но только уверенно знала, что непременно надо куда-то топать.

Мелкими шаркающими шажками проползла вдоль насыпного бугра, что огораживает баймак от весеннего буйства реки и куда давеча взбиралась, штурмуя по сорочьей тревоге его неподъёмную кручу. Только на этот раз про шаркала дальше до пологого подъёма, где сподручней было карабкаться. Шла в ту сторону скорее по обыденной привычке, чем осознано.

Кое-как забралась наверх и замерла при виде представшей перед ней картины. Так обмерев, она долго стояла качаемая ветерком. Стояла и плакала. Дануха до этого момента думала, что уж совсем разучилась творить это безобразие. Ан нет, оказывается.

Баймака больше не было. Чёрные прогоревшие головёшки чадили в небо белёсый дым на месте каждого кута. Все до одной землянки были сожжены и разрушены.

Воровайка и та заткнулась, посиживая на плече хозяйки, как и всегда это делала. Только время от времени вертела бестолковой головой из стороны в сторону, то наклоня её направо, то закладывая налево. Будто не веря в то что видела одним глазом, перепроверяла другим, но тут же, не соглашаясь с увиденным начинала процесс заново.

Наконец вековуха горестно вздохнула, всхлипывая с надрывами. Подобралась, выпрямилась, как-то резко перестав лить горькие слёзы.

– Чё это я? – вопрошала она не пойми кого и поворачиваясь к сороке, убитым голосом добавила, – слышь ты, дрянь пархатая. Меня вроде как исток кликает. Чуешь ли?

На что птица глубокомысленно наклонила голову, заглядывая бабе в лицо с видом как бы спрашивая: а не сбрендил ли ты, хозяйюшка и звонко щёлкнула клювом, при этом чуть не прищемив Данухе нос. Баба на инстинкте дёрнула головой, боль в очередной раз вдарила полбу с искрами. От чего обозлённая большуха шипя сквозь три зуба, сплюнула:

– Тьфу, тупая. Чё с тобою балакать, бестолковая. Айда, давай.

Она развернулась и тяжело передвигая ноги, пошла к змеиному источнику.

Хоть был родник недалече, только больно долго добиралась до него парочка. Путь-дорога показалась очень длинной. Толи Дануха действительно плелась как обожравшаяся улитка, толи время в самом деле было к вечеру, а она изначально этого не заметила, но до родника добралась, когда уж смеркалось. Большуха понятия не имела сколько в реке проплавала и провалялась, загорая на тёпленьком песочке. Но куты, выгоревшие дотла говорили, что времени прошло значительно.

Упав на колени перед прозрачной как слеза лужей, откуда утекал ручей и прятался в высокой траве прежде чем влиться в реку, баба вымерила взглядом нужное расстояние, а затем повалившись с живота на огромные мягкие груди, больно ударившись культиками рук о голую землю, нырнула с размаха пылающим лицом в холодную лужу родника, чуть ли не целиком скрываясь головой под воду.

Запрокинулась назад, широко раскрыв беззубый рот и жадно хватая воздух, а затем уже медленно припав лишь одними губами, принялась с жадностью пить до ломоты не только в трёх оставшихся зубах, но и во всей челюсти. Отстранилась, не распахивая глаз, чуток отдышалась и опять принялась упиваться будто впрок её вливая в себя на всю оставшуюся жизнь.

Наконец ломота от нестерпимого холода сделалась невыносимой и Дануха вынырнула окончательно. Одна из её седых кос расплелась и разбросалась по воде. Только теперь лежащая пластом баба поняла, что положение, в котором она валялась у родника – хуже не придумаешь. Встать-то она никоим образом из него не могла, а извернуться страх не давал за переломанные руки, что валялись плетью вдоль туловища. Баба повернула голову набок. Так удерживать её на весу было легче. В таком несуразном положении и замерла отпыхиваясь, успокаивая саму себя:

– Вот чуток передохну. Соберуся, да сяду как-нибудь на задницу.

Но только прикрыла веки от усталости, как совсем рядом почувствовала немереную силу, за версту, пропахшую колдовством. Сила та была столь огромной, что её обладателем могла быть только природная нежить, притом исключительно с ближнего круга самой Троицы. Баба резко распахнула глаза и перестав дышать прислушалась.

Она собралась с последними силами, и стараясь не подмять под себя сломанную руку, для чего изогнулась, извернулась, как смогла, крутанулась, но без боли движение не получилось. Она вскрикнула. В глазах потемнело, но на этот раз лишь на какое-то мгновение. Прискорбно матерно подвывая, большуха мучительно разлепила веки. Прямо над ней чуть в наклоне, как бы заглядывая со стороны восседала в луже Водная Дева.

Не молодая нежить, но и не древняя вековуха. Дануха аж дух перевела, воздав хвалу Троице, что не Черта матёрая за ней явилась со своим бездонным чёрным глазом, а лишь Водяница, вся прозрачная, сотканная из воды. Её волосы цвета спелой травы, выращенной в тени от палящего солнца шевелились и путались сами с собой, живя в отрыве от могущественной хозяйки как у всех водных нежитей. Лик Девы был не то серьёзным до безобразия, не то спокойным словно водная гладь, Дануха сразу и не поняла.

– Думала не придёшь, – заговорила нежить глубоким грудным голосом, приятным для слуха и сознания, что при её сомкнутых губах зазвучал у бабы в голове переливами, и когда она вела свою речь то по её водному телу пробегала рябь в унисон сказанным словам.

– Будь здрава Дева – вод хозяйюшка, – поприветствовала её Дануха с почтением на какое только была способна в столь неблагоприятном положении, а именно валяясь на спине и задирая ко лбу прищуренные глаза, и это доводило голову бабы до болезненной ломоты.

Наконец Дануха бросила разглядывать нежить. Терпеть боль больше не было мочи, и закрыв веки расслабилась.

– Прихворнула я маленько, Святая Водяница. Ручки сломаны – не упрёшься. Ножки больны – не побегаешь. Башка дырява, то и дело спать просится.

– Это не беда, Дануха. Это дело поправимое.

– Да уж будь добра Дева дивная, – устало, будто собралась помирать на её глазах, еле шевеля губами принялась попрошайничать баба, но Водяница и без её причитаний уже приступила к своему волшебному действию.

Одной рукой нежить коснулась лба большухи и бабе почудилось, будто ледяная сосулька проросла от её прикосновения куда-то прямо внутрь раскальвающейся головы и там замерла, заморозив заодно все мозги с её жалкими мыслишками, и при этом полностью обездвигив тело, сделав словно вовсе не своим и абсолютно нечувствительным.

Затем Водяница взялась за Данухину голову, но уже другой рукой, проведя ото лба к заледевавшему затылку. Будто тёплая подогретая вода, от руки нежити через кожу и сквозь толстую кость просачивалась внутрь черепа, растекаясь и растапливая ей же вогнанную сосульку. В мозгах в раз прояснилось, полегчало и наступило безмятежное спокойствие.

Ту же операцию проделала Дева с переломанными культяпками. Сначала одной рукой заморозила от чего Дануха перестала их чувствовать, а затем другой оживила оттаивая, приводя покалеченные конечности к здоровому состоянию.

Большуха валяясь на спине и захватывая головой край лужи, подняла к глазам обе руки, сжала пальцы. Разжала опробовав, а так как с ней больше ничего Водяница не делала, то высказала:

– Благодарствую тебе Водная Дева. Хорошо получилось. Вроде как мои, а вместе с тем, как новые.

Дануха уже без боли повернулась, кряхтя, и встала перед родником на голые колени, задрав подол и подоткнув его меж ляжек, не отделяемых друг от друга в связи с повышенной жирностью уж давным-давно.

Прямо перед ней по центру родниковой ванночки восседала баба её роста, как бы вытекающая вверх из воды и из неё же сделанная. Водяница наконец-то улыбалась, с удовольствием разглядывая свою работу.

– А как же с ножками, Хозяйюшка Вод? Замучалась я с ними, – принялась канючить Дануха с детской непосредственностью, – никакого с ними слада нет с окаянными. Совсем меня толстые не слушаются.

– А что с ножками? – игриво вопрошала Дева, подыгрывая как дитю малому и при этом чуть наклоняя голову будто со стороны рассматривая её пухлые колени, – ножки у тебя как ножки. Кости ни сломаны, ни переломаны.

– Так Водяница ты моя благоверная, ходить-то они болезные не могут совсем.

– Они ни ходить не могут Дануха, а таскать твою тушу замучились. Ничего. Скоро жирок подьешь и запрыгаешь как козочка.

Но при этом всё же живой рукой намочила ноги страдальцы, и та с облегчением почувала и силу в ляжках, и напруг в ягодицах.

– Век в долгу буду, не забуду милость твою, Водяница.

Нежить перестала улыбаться резко, как об резало. Раздражённо чесанула пальцами зелёные волосы с одной стороны, после чего с другой пригладила и уже на полном серьёзе с неким укором в голосе, как показалось Данухе, холодно проговорила:

– Ты на век-то не рассчитывай баба. Не дано тебе. А что долг на себя берёшь, правильно. Только за тобой должок ещё и до этого был, коли помнишь. Так что за «теперь» почитай вдвойне спрошу.

Дануха округлила глазки, ну вот как есть девка несмышлёная, прикидываясь полной душой. Потому что эта часть беседы ей откровенно начинала не нравиться, а Дева тем временем вперив в неё очи с водяными кристаллами и принимая торжественную осанку стала в командном тоне изрекать наставления:

– Река течёт, вода меняется, а за тобой Дануха долги водятся. У речной жизни старой русло высохло. Степь пожаром охвачена. Человечьими телами устилается. Всё сгорит. Скоро опустеют исконные речные земли. И тебе надлежит породить новую жизнь. Только не так как раньше. Тому что было, не бывать. Соберёшь и засеешь новое. Все, кто к тебе пристанет – сделается твоим. Забудь, что знала о бабьей жизни. Но не забывай, что тебе как бабе от Троицы дано. Породишь три простых и понятных всем закона, из которых не будет ни одного исключения, и принявшие их, но нарушившие, жить не должны. На том сама стоять будешь и семя строить в железной узде и без жалости. Нет больше родства крови, будет только родство принявших твои законы. Пусть не коснуться они веры, но устоям прежней жизни не бывать. Отречешься от всего. По-человечьи жить откажешься, станешь лютовать по-звериному. Накормишь жизнями злыдней, то что вас сроднит. От реки уйди. Но из своих земель тебе хода нет, а разносить новое будут твои наречённые сёстры. Ты же станешь собирающим столпом. А теперь иди и про свои долги не забывай.

Дева тут же потеряла свой образ и потоком воды рухнула вниз, рассыпаясь брызгами и расплещиваясь волнами в луже змеиноного источника. Вот она была, и нету.

Крепко тут призадумалась Дануха. Уж больно любит нежить заковыристо излагаться. Толи в пень тебя имела, толь в колоду сунула. Как хош, на того и похож. Зачерпнула в ладонь живительной влаги, побулькала во рту и набранное проглотила, утерев рукавом мокрое лицо. Встала, покрутила головой в сером сумраке ища свою блудливую сороку, явно от нежити где-то затаившуюся, и вслух запела тихим голосом:

– А куды пойти мне, а куды податься, может быть кого прибить, аль кому отдаться. . .

Дануха вернулась к своему сожжённому куту, улеглась на бугре-завалинке, на мягкой травке под кустом смородины и принялась переваривать случившееся, тут же вспоминая свои былые промахи. . .

На Святки⁴⁵ то дело было. Артельные мужики замучились чуть ли не каждый день торить дороги, откапывать вешки и поправлять санный путь на льду реки. Всю седмицу валил нескончаемый снег. То с ветром и метелью, то тихим сапом. То большими хлопьями, то мелкой колючей крупой.

⁴⁵ Полнолуние. 22 седмицы от зачатия. Святки – страшные вечера. Атаманские, т.е. главные морозы. Производилось ритуальное кормление воздушной нежити Снежной Девы и Отца её Вала Морозного. Единственный раз в году, когда проводилось ритуальное ряженье. Рядились и одевали маски только мужчины. Женщины, так же рядились, но масок не одевали. Табу. Вместо этого они разукрашивали руки, лица и волосы различными красками, наводя своеобразный ритуальный макияж. Ряженные ритуалы святок были очень серьёзные, пугающие и опасные. Главными действующими лицами были родовой колдун и большуха. Каждый ряженный не только облачался в какой-либо образ нежити, но и вводя его в определённое психическое состояние, вселяли в него нежить. Человек превращался в живую куклу, в которой бесновалась потусторонняя тварь. Вся нежить, кроме Валовой, с приходом зимы скрывалась с земли, а вот таким образом её можно было из небытия достать, не опасаясь, что она расплзётся, но для человека, играющего роль куклы, это было очень опасное занятие. Кое у кого «крыша ехала». После окончания обряда никто из ряженных, которых выводили из этого состояния строго определённым способом и только в бане, абсолютно ничего не мог вспомнить. Основная задача этих ритуалов – дать возможность социуму непосредственное общение с миром Троицы, либо с какой-либо нежитью персонально. Контакт с этими материализовавшимися нежитями подвергался весь молодежь: и девки, и парни. Большуха и ведун чётко следили за этим. Уклониться и избежать контакта было невозможно. Молодежь сдавал некий экзамен на психическую и психологическую зрелость. Процесс этот сопровождался для каждого страхом, до «наложения под себя» и прилюдном унижении, лишний раз показывая подрастающему поколению его сегодняшнее низкое социальное положение.

Баймак с бабьими жилищами и шатровой постройкой артельных мужиков, тут же пристроившийся за огородами уже давно слились в один снежный настил покатыми искристыми буграми. Если бы не дымки очагов, струящиеся повсюду в мутное, хмурое и беспросветное небо можно было подумать, что эта идиллия бескрайнего зимнего пейзажа девственно чиста и никем не обитаема. В монотонность плавных снежных волн влился даже некогда чёрный лес с хвойной зеленью, что стоял чуть поодаль баймака и теперь казался огромным пористым сугробом.

В каждой бабьей землянке поутру раным-ранешенько происходят одни и те же рутинные события. Из дня в день, из года в год. Хозяйка, как всегда, продирает zenки первой из всех. Подбрасывает в очаг дров, что погаснуть за ночь не должен ни при каких обстоятельствах. Если огонь в очаге погаснет и не раздуть, то это верная беда для бабьего кута. Тут и весь бабняк встаёт на уши. Как-никак чрезвычайная ситуация.

О таких делах Дануха слышала за свою долгую жизнь ни раз, но в Нахушинском баймаке на её памяти подобного никогда не было. Она своих баб за содержание домашнего огня держала в лютой строгости и каждый очаг во всём поселении знала, как родной. К этому её ещё мама с раннего детства приучила. Потому очаг был первым, кого будила и кормила каждая хозяйка, а уж потом только бралась за себя и за домашние дела.

Умывалась в ушате с нагретой водой, что тут же у горящего очага стоял, прибирала волосы в две бабьи косы и между делом для детворы варганила травяной отвар с молочной кашей-болтушкой, наполняя её чем не попадя.

У каждой бабы были свои вкусы, свои предпочтения, что от мам к дочерям уходило родовыми секретами. Кто орехом толчёными с семенами сдабривал, кто листом сухим, перетёртым с кореньями, кто с лечебным сбором коли хворь какая с детками случалась.

В этом отношении Дануха единых правил не устанавливала. Носа своего в бабьи котлы не засовывала. Они сами знают, что делать и влезать ещё в эту обыденную шелуху большуха себе никогда не позволяла, хотя нет-нет да проверяла, кто чем ребятишек пичкает.

Но это так, для других подкожно-задиристых целей, так сказать в качестве превентивных мер. Надо же было большухе иметь повод кого за волосы потаскать и по мордасам похлестать по случаю. Дануха не имела права быть доброй. Её бабы должны как одна уважать, а значит, как огня бояться. От этого зависела спайка бабняка и его единение, а стало быть и лёгкость в управлении.

Бабам ведь только дай слабину, так каждая из себя большуху начнёт корчить, и тут уж не только на голову усядутся и там нагадят, чего доброго, так ещё и меж собой передерутся. А коли бабы сцепятся по-настоящему, то даже нежить с полужитью кинуться топиться от греха по дальше. Так что уж пусть лучше дружат супротив неё, чем дерутся меж собой.

Вот к чему большуха придиралась особо так это к внешнему облику самих баб и их детей, притом абсолютно не делая скидку на возраст. Имела она такую привередливость. Сама пожизненно чистоплюйкой была и бабняк к этому приучила. Каждая баба поутру прибирала себя с такой тщательностью, что хоть со сранья гостей принимай и на смотрины выставляй.

Кроме того, каждая хозяйка пред бабняком держала ответ за внешний вид своих детей. Что-что, а лени и непотребства в убранстве Дануха терпеть не могла до лютого бесчинства и это все бабы знали, как облупленные. Любая неопрятность с неаккуратностью, замызанность или не дай Троица какая-нибудь грязь хоть где, хоть на чём, бесила большуху доводя до белого каления, а доводить её до такого состояния было себе дороже. Утреннему убранству все поселенки придавали особое значение, а с годами так привыкали к хорошему, что и не мыслили себя без этого.

Лишь закончив с собой и утренним столом, мама начинала поднимать распавшуюся ребятню. Те, как всегда, из-под нагретых шкур вылезали с неохотой, не желая расставаться с ночными грёзами. Кто сонные глазки протирает, щурясь на полыхающий очаг, кто вовсе их не открывал, продолжая вечный недосып досыпать.

Пацаны вставали первыми. Кто сам вылезал, кого девчонята выпихивали. И вот молодцы, пошатываясь словно гибкие берёзки на ветру, кружком оккупируют выскобленную с вечера помойную лохань, и задрав до пупа нижние рубахи выжуживают из-под них свои брызгалки.

Покачиваясь и не открывая, или не до открывая глаз поливали кому куда вздумается. Кто-то точно, кто-то мимо, у кого-то вообще струя вверх задирается. Мама, конечно, помогала им целиться путём затрещин и дёргая за уши, фиксируя их шаткие положения крепким словом, из коих «кривоссыхи» было самым ласковым.

Ну, а за ними щебеча писклявыми голосами, выстраиваясь в некое подобие очереди вставали лохматые девчонята. Общей кучей как пацаны, девкам обихаживать лохань было несподручно, от того начиная с самой малой посикухи пристраивались на долблёнке строго в индивидуальном порядке. Они как одна корча рожицы, смешно подражали маме обругивая «кривоссых», что намочили всю напольную солому вокруг и теперь им бедным ступить некуда.

Пока девки демонстрировали лохани свои голые зады, пацаны подвергались сущему наказанию. Они принудительно умывались. Верней кого мама умыла, тот считай, умылся. Кого не достала, тот не очень, а кое-кто, пригревшись у очага вновь засыпал беспробудным сном.

Но, в конце концов, «побудное» безобразие заканчивалось и наступало долгожданное «завтра», то есть завтрак на столе, малышня перед ним сидит ногами в канавках. Здесь уже никого уговаривать не требовалось. Правила были простыми, но жёсткими. Не успел, проболтал или проспал, клюя носом, значит сам виноват. Поделом. До следующего стола, что накроется только в обед никто подкармливать нерадивого не будет. Куска не перехватить, «червячка не заморить». Никто не даст, никто не сжалится, хоть ложись в ногах у мамы и помирай с голода. Всё равно не даст, а вот по шее обязательно обломится.

Затем начинались сборы тех ватажных пацанов что постарше. Им в первую очередь работать. Надо откопать вход от снега, навалившего за ночь, отрыть проход на площадь, тот, что за зиму превратился уже в снежные стены высотой больше роста взрослого мужика. Очистив проходы к землянкам, пацаны делились на разные группы, но делились уже собравшись всей ватагой на площади. Там их атаман Девятка определял кому воду таскать с проруби по домам и баням, кому в лес за дровами идти.

Лично Девятка всегда ходил в лес, притом обязательно через артельных мужиков. Там кто-нибудь из ближников мужицкого атамана, а иногда и лично Нахуша если был в настроении, отряжал в помощь мужиков-охотников. Без них пацанам в лес в ту пору хода не было. В любое другое время они бы сами не спрашивали, но только не теперь.

К Святкам волк доходил в своём зверстве до самых что не на есть страшных беспределов в своих деяниях. В этот период хищник лютовал, потеряв всякий страх, порой доходя до безумия. Волчьи банды, совсем оголодавшие за зиму, не только вплотную подходили к лагерю артельного стада, прижавшемуся к мужицкому становищу, но бывало и на сам лагерь наскикивали, а то и вовсе на баймак, где лишь бабы да малые дети.

Мужики знали и пацанов учили, что это последний и самый важный бой с волками за всю зиму. Сейчас было не до хитростей и откупа с подачками. Теперь серых супостатов надо было бить и безжалостно истреблять. В большом количестве убивать и нещадно калечить. Зверь совсем ополоумел, перестав бояться даже мужиков, к тому же чем больше его убьют, тем меньше наплодится в будущем.

После Святков волчьи атаки пойдут на убыль. У волчиц что заправляют в семьях начнётся гон, и стаи если собирались, да и сами их семьи развалятся. Но сейчас пацанов надо прикрыть, да и серых что подобралась шибко близко погонять, пострелять и по дальше в лес отогнать, как следует припугнув.

Отправив пацанов на каждодневные работы хозяйки начинали собирать посикух с кутырками-девчонятами. Этим требовалось спровадить гулять чтобы под ногами не мешались. Вся

эта шантрапа писклявая вываливалась общей кучей на площадь, рыла норы в сугробах, играла в само вязанные куклы и шумно носилась, затевая нехитрые игры.

Дануха всегда в это время выбиралась из своего логова подышать воздухом. Так как детей у неё на воспитании уже не было, то откапывалась баба сама без посторонней помощи. И кут, и двор содержала собственными руками, никого из пацанов не заставляя, ни на кого сей труд не перекаладывая. На личный огород в тёплое время года девок нагоняла, когда надобно. Да и ватажный атаман регулярно следил за наличием дров и воды в хозяйстве привередливой большухи, но двор и кут никому не доверяла. Мела и чистила самостоятельно. Эта работа, что называется, была у неё для души.

Большуха нарочито спокойно, стараясь не привлекать к себе особого внимания расхаживала по площади среди мелюзги, ласково улыбаясь и разглядывая каждого ребёночка. Для них она была добрая вековушка. Говорила ласково, не дралась и ни задиралась попусту. Не ругалась ни по-простому, ни матерно. А главное в игры не вмешивалась.

Хотя кутырки что по старше при виде Данухи тихарились. Игры бросали и делали вид что только и делают, что во все глаза за посикухами присматривают. А то что куклы плохо прячутся под тёплыми тулупами, так это не страшно. Дануха уже древняя не видит сослепу. Ничего же не говорит, а значит и не примечает что кутырки заняты другими делами.

Большуха не любила Святки, и чем старше становилась, тем больше ненавидела это зимнее время. И всё вот из-за этих ещё совсем махоньких посикух. С каждым летом в своей жизни проникаясь к ним всё большей жалостью. Вот к бабняку с летами только злее становилась и привередливей, а с этими наоборот. Так глядишь и до слёз дойдёт. Да-а. Вот что значит векование.

К Святкам начинали забивать излишний скот, уменьшая поголовье полудикого стада, чтобы на оставшихся запасах корма до весны дотянуть без ненужного падежа. Поэтому праздничные столы ломались от мяса. Начиналось мясоедное время, для животных раздольное.

Кормились все от пуза, кроме вот этих маленьких человеческих созданий. Для них начиналась седмица безжалостной голодухи, но так было нужно и притом не большухе-кровожадной, а для самих мальцов в качестве обучения.

Через это обязательно надобно было их пропустить и как можно жёстче. Хотя у самой большухи в последние лета это не получалось, ни хватало строгости. Что-что, а с посикухами лютовать она была не сподручна. Сердце они смягчали быстро, паршивцы маленькие. Но ни Дануха эту традицию завела, от того не ей ломать и устраивать перемены. К тому же умом-то понимала всё, а вот сердцем. Надо было обучить их выживанию.

Посикухи сбивались в кучки по возрасту и бродили от кута к куту, от стола к столу выклянчивая еду, становясь побирушками и попрошайками. Никто не имел право кормить их за просто так. Мамам так вообще на этой седмице своих детей кормить запрещалось категорически. Притом совсем. Ни воды попить, ни крошек с пола собрать. На ней лежала обязанность учить как лучше и сподручней выпрашивать эту еду с чужих столов.

В этом жестоком со стороны обычаи было своё зерно разумности с рациональностью. В любой момент эти милые комочки жизни могли остаться совсем одни. Без мамы, а иногда и без поддержки всего рода, и единственным способом выжить для них было попрошайничество. Где угодно, у кого угодно лишь бы с голоду не окочуриться. И чем лучше и «профессиональней» они это делали, тем больше шансов было выжить.

Что бы там не говорили, обеляя старину и расписывая её в идиллию, в лихие годы чужие дети были никому и никогда не нужны. Своих бы сохранить и выкормить. Сердобольные и жалостливые ни только были не в почёте, но и считались сродни полоумным, от коих и сами держались по далее и посикух прятали. Эти мягкотелые ничему хорошему научить были не в состоянии. Им их жалко было до слёз. Оттого и сами подышали и деток гробили.

Ходила Дануха по площади, и внимательно разглядывала беззаботную ребятню. По кутам в это время большуха нос свой вездесущий не засовывала. Ну, если только какое непотребство или явное упущение в убранстве найдёт, но это бывало редко, тем более в зимнюю пору. Недогляда в одеянии ребятишек перед выпуском на лютые морозы бабы не допускали, как бы заняты не были и бестолковы от рождения.

А в самих землянках Дануха и так знала, что делается. Кутырки на подросте и навидане с ярицами собственную красоту наводят, по дому работают. Помойную лохань надо вынести, опорожнить и вычистить. Солому под ней поменять, а то и во всей землянке. Посуду почистить, отдраить, убрать, и за готовку приниматься под маминым присмотром. К обеденному столу орава нагуляется, пацаны на трудятся, соберутся голодные их надо будет кормить. А у посикух обед сегодня особенный, праздничный, последний на этой седмице за родным столом. В общем, все при деле как обычно.

К вечеру Дануха собрала бабий сбор в своей вместительной норе. Жилище у неё было просторным, как раз весь бабняк по лавкам рассаживался, притом строго по заведённому ранжиру. Каждая своё место знала. Никаких ссор, передраг с перебранками, прямо идиллия.

Приходили к ней в кут и рассаживались несмотря на то, что самой большухи в землянке никогда не было. Так было заведено с тех самых пор как она стала главной в селении. Прежде чем собраться бабняку Дануха из кута заранее уходила. То на реку ноги мочить, то по огороду шастает, то в бане отсиживается, давая возможность поселенкам рассестись и словом обмолвиться.

Нельзя сказать, что бабы целыми днями друг друга в глаза не видели. Хотя у каждой дел невпроворот и у каждой как не спроси, по горло булькает, но и друг к дружке бегали, да и так просто по-соседски балакали, обмениваясь новостями и сплетнями. А как бабам без этого?

Но вместе вот так собирались редко. Тут и толки другими были и разговоры приличные. Пустых и непотребных не заводили в принципе, ибо большуху как одна боялись. Она за такие вещи и авторитетных баб не щадила. Дануха им быстро языки укорачивала и за одно клюкой по чему не попадя охаживала.

Хоть и считалась их большуха вековухой и была больная на ноги, но как есть матёра, ни дать ни взять. Хоть сама себя за матёрую не признавала, вроде как ни положено, других большух рангом ниже под своей властью не имела, но одним взглядом могла любую в хворь уложить не по тужившись, а то и вовсе жизнь забрать.

Дануха в собственной бане сидела и всё что говорилось в куте слышала через шкуру-загородку. Тогда-то и пошёл среди баб впервые пустозвон о некой чёрной нежити. Только тогда это в виде сплетни от кого-то прилетело, а это ещё порой от реальности дальше сказки. Так размалует естество, что не только до неузнаваемости, но и переворачивая всё с ног наголову.

Большуха послушала-послушала, да и решила пресечь это блядство⁴⁶ на корню выползая из укрытия. Все говоруньи замолкли словно в рот воды понабирали и прикинулись пустым местом. Вышла Дануха на середину между ними опираясь на старую клюку. Каким-то мутным взглядом полуприкрытых глаз осмотрела каждую снизу доверху, почесала свою пухлую задницу и еле слышно, чтобы все прислушивались начала воспитательную беседу:

– Хватит вам воду в реку лить, пугалки девичьи пережёвывать, делом надобно заняться.

Бабы замерли, даже подолы перестали теревить. Большуха продолжила:

– Вот чё вам скажу. Этой ночью за долбавший нас снег стихнет. Небо проясниться и к нам на несколько деньков Морозный Вал заявится, в аккурат на Святки припёрся. Сразу предупрежу, злой аки волчара с голодного края. Мороз это вам не мужик. За жопу схватит бабью душу не согреет, а за чё хватит, то и отвалится. Встретить надобно как заповедано, закормить задобрить. Злым он нам ой как тепереча не нужен.

⁴⁶ Блядить (др. рус.) – Не подкреплять слова делом, пустословить. Пообещать и не сделать.

Бабы дружно закивали, забубнили создавая гул как в дупле с пчёлами. Тут Дануха брякнула клюкой об земляной пол, и от чего-то так гулко у неё это получилось словно Сладкая ножкой топнула. Замолкли в раз, лишь шелест одежды с тихим потрескиванием в очаге создавал нервозность в воздухе. Они помнили разнос большухи за прошлогодние Святки, а тут ещё Дануха им напомнила:

– Да вы сучки не скупитесь как в прошлу зиму, принесли как обосрали.

Её злобный взгляд блеснул грозовым всполохом по попритихшим бабам, тут же уткнувшим свои бесстыжие зенки в напольную солому, всем видом показывая, мол свою вину в полной мере осознали и раскаиваемся.

– Чуют жопны мои кости, – продолжила большуха тихим скрипуче старческим голосом, – зима нынче будет лютая и долгая.

Затем ещё раз обвела бабняк немилостивым взглядом и уже привычным ледяным тоном грозной большухи, вымораживающим всем бабам без исключения мозги, словно раздавая подзатыльники закончила:

– Дров запasti более обычного. Пацанов отрядить в лес и чтоб ни по одному разу сходили. Атаману скажу, мужичков в помощь даст никуда не денется. Брат Данава в аккурат к половине дня зайвится. Детей всех, да и самим жиром мазаться. Мне ещё отморозков на завтра не хватало. Всё поняли?

И на следующий же день, всё что Дануха предсказывала оправдалось в полной мере, да ещё с довеском. Небо прояснилось, даже тучки не видать нигде. Воздух с самого утра от лютого мороза точно зазвенел. В низкой дымке блёклое солнце на краю неба светит будто снегом вымазали. Ветер стих, как и не было у природы такой стихии, а снег под ногами до противного заскрипел. Мерзко, громко, с хрустом, режущим по ушам. Пацаны в отличие от обычного дня в лес сделали по две ходки, натаскав горячего дерева и для бабьих кутов, и для бань, и для общего костра, что складывали в центре площади...

Глава восьмая. Когда из тебя мужик вроде бы как не мужик, а в бабу наряжаться ещё совестно, иди народу проповедовать истины. Там как раз все собрались не от этого мира.

К полудню со стороны змеино-го источника, пробираясь сквозь снежные заносы пожаловал родной брат Данухи Данава – Нахушинский родовой колдун. По летам он был уж не молод, чуть по моложе сестры, но лицом казался древнее древнего, а кто лично не водил с ним близкого знакомства, для тех к тому же ещё и страшен из-за своих колдовских росписей, украшающих его лик.

Хоть и шёл он не издалека по местным речным меркам, всего лишь из соседнего леса, но такая дорога далась ему очень тяжело. По крайней мере, выглядел он уставшим и изрядно измотанным. На нём бурая шкура бера мехом внутрь. Волчья шапка с волчьей же башкой поверх нахлобученной шапки, от чего издали народу мерещилось будто у Данава две головы, посаженная одна на другую. Ноги укутаны в бобровый мех по самые «эти самые». На ступнях решётка вязаная из прутьев, эдакие укороченные говноступы. Руки в варежках-мешках с когтями неведанной зверюги.

Во всём своём бутафорском одеянии колдун казался большим и грозным, хотя без одежды был худосочен словно заморенный голодом дрищ, за что Дануха над братцем вечно потешалась и никогда ни упускала момент постебаться над немощным, но лишь один на один без свидетелей. Тот на неё, как водится, по мягкости своего характера обиды не держал, всякий раз всем видом показывая, что вовсе не обращает внимания на языкастую. Привык к её колкостям с малолетства. Хотя, когда бывал весел, что иногда случалось, нет-нет да огрызался, пройдясь острым словом по её перекормленным телесам, пышущим жиром во всех местах, предлагая сестре завидовать его стройности молча.

Колдун ко всему прочему тащил за спиной большой самотканый мешок вязаный из травяной суровой нити, обычно используемый рыбаками под улов, а в руках держал увесистый посох с белым словно снег черепом какого-то странного зверя в качестве набалдашника.

Весь род вывалил встречать разодетого Данава, даже атаман Нахуша – глава рода с мужиками пожаловал. Пацаны помогли колдуну вскарабкаться на бугор, протаптывая перед ним тропку и освобождая гостя от отяжеляющей ноши.

Тот устало взобрался, смачно трижды плюнул на левое плечо и опершись на посох согнулся от усталости в три погибели, оглядывая народное собрание. Затем обнял подошедшую сестру, с атаманом здоровался персонально, а со всеми присутствующими лишь мотнув им обеими волчьими головами. Не спрашивая никого, и ни с кем не разговаривая, не снимая с ног вязанок прямиком прошлёпал в кут большухи, что в аккурат пристроен был крайним.

Там, не расшаркиваясь в особых церемониях, скинул с себя шкуры прямо на пол и прошмыгнул в натопленную баню, проблевав на ходу своим вибрирующим тонким голоском даже не оборачиваясь:

– Данух, дай чё горячего внутри погреть.

Большуха зачерпнув в ковш парящего варева, стоящего в глиняной миске у пылающего очага, подала бабам знак, заполнявшим вслед за ней просторное жилище, мол готовьтесь без меня, сами знаете, что делать, и нырнула вслед за братом под прикрывающую вход шкуру.

– Будешь чё есть? – вопрошала она, подавая ковш с травяным отваром замёрзшему колдуну.

– Не, не голоден, – отвечал Данава протягивая ноги к банному камню, шумно прихлёбывая поданное пойло, – как у вас тут? Всё ль вокруг спокойно?

Судя по гримасе его испянного и исчерченного ритуальными шрамами лица и по напряжённости заданного вопроса, большуха сразу почувствовала что-то не ладное и это её насторожило.

– Тихо всё, – ответила баба, уставившись на брата, – ты б не припёрся, так вообще благодать была. Волки и те не дерзят как давеча, а чё случилась-то?

Колдун будто и не услышал её, или сделал вид что сестра ничего не спросила. Не меняя расслабленной позы и продолжая прихлёбывать отвар, опять задался вопросом:

– Чужие не забредали?

Дануха, прежде чем отвечать подумала. К чему это он клонит? Но решив не пытаться пока, прошуршала в своей памяти вспоминая чужих и ответила:

– На Гостевой седмице народ был. Как без этого. Из трёх соседских баймаков люди навещались. А от Грабовских атаман лично гостевал два дня. Волк его изрядно в эту зиму погрыз, вот и приезжал договариваться по загонному зверю. Три высокородных арийца были в сопровождении своих людей, то ж торг вели. В общем, как обычно. Да чё случилось-то? Говори уж, малахольный наш!

Но ответить колдун не успел. Входная шкура рывком распахнулась и в баню ввалился сам артельный атаман собственной персоной, грузно плюхаясь на полог и распахивая толстенный тулуп.

– Чё смурной такой, Данава? – встрял Нахуша в разговор, снимая остроконечную беличью шапку и разбрасывая ноги по полу, – аль окоченел по пути? Ты ж колдун, мать твою. Тебе ль мучиться от природной стихии?

Но Данава опять-таки никак не среагировал на заданный вопрос, продолжая хлебать из ковша горячие пойло. Наступила тягучая пауза. Хозяева молчали, уставившись на гостя. Тот молчал, не отрываясь от ковша. Наконец колдун напился, поставил посудину рядом, и взглянув пристально на атамана спросил главу Нахушинского рода:

– Атаман. А тебе охотники ничего подозрительного не сказывали?

– Ты о чём? – переспросил Нахуша вроде бы как безразличным тоном, откидываясь широкой спиной на бревенчатую стену.

– Чужие тут по твоим землям нигде не шастали? Я не имею в виду гостей и торговых людей. Может где по лесам попадались нечаянно заблудившиеся иль, где на дальних подступах натоптали, кто такие неведомо?

Атаман отлепился от стены и всем мощным телом подался к щуплому колдуну.

– Какой дурак в это время по лесам шастает, да ещё так далеко от людского жилья? Не мути Данава. Говори чё не так.

– Чёрная степная нежить в наших краях завелась, – заговорил колдун полушёпотом, показывая всем своим напуганным видом весь ужас этого события, но вместе с тем сверкнула у него в глазах некое детское любопытство с интересом.

– Тьфу, ты отрыжка турова, – расстроено сплюнула в сердцах Дануха, – и этот малахольный туда же. Только давеча бабам языки укорачивала по этому поводу. Братец, ты это с каких пор в посикушные страшилки играть принялся?

– С тех пор, как только по нашему берегу четыре баймака начисто поубивали.

Дануха переглянулась с сыном-атаманом и оба в недоумении уставились на колдуна. Тот же продолжал, нагоняя страх на собеседников:

– Я тоже давеча по гостям хаживал. Заглянул к своему давнему приятелю, что на два с гаком перехода назад от нас жил. Колдуном он там родовым был до поры до времени. Так вот он один от всего рода и остался в живых. Все артельные мужики побиты, пацаны потоптаны. Дети малые мужицкого пола по кутам сожжены все до единого. Большуху с ближницами тоже к стати

в кутах зажарили, – продолжал колдун запугивающим голосом, сделав ударение на «кстати», уставившись на Дануху, как бы намекая на веские обстоятельства по её поводу, – а баб что по моложе и детей всех бабьего пола утащили в степь.

Наступило гнетущее молчание. Каждый думал о своём. Атаман с большухой об услышанном, Данава о недосказанном.

– Ну говори уже колдун, – не выдержал Нахуша, – чё зайца за яйца тянешь. Что ещё за хренова нежить?

– Пацанёнка он нашёл недобитого, хоть тот всё равно чуток погодя и помер, но успел приятелю про лиходеев поведать. Большие, чёрные. Все как один страшные и не одна нежить, а целая стая.

– Ох, ё. Чё за напасть творится-то? – в этот раз уже всполошилась встревоженная Дануха.

– Так вот приятель мой тоже в сказки не верит, чай не пацан сопли размазывать. Схоронил мальчика и следы как следует почитал. А натоптали они изрядно, в наглуую, не скрываясь. Нежить как известно следами не пачкает. Отсюда следует, что это вовсе ни нежить, а люди. Душегубы ряженные под нежить. Следы оставили конские. Кони парные, будто друг к другу чем привязанные. Таскает такая пара за собой шкуру волокушу. Шкуры разные, сшитые. В основном туровые и лосиные, толстые. На этих шкурах ездят по два человека. Следы чёткие, мужицкие. Голов больше, чем двадцать раз по три. Налетели, всех побили, баб с детьми на шкуры побросали и на тех волокушах волоком упёрли.

– Арийцы, – злобно прошипел Нахуша меж сомкнутых зубов.

– Мой приятель так не думает, – поставил колдун атамана в недоумение, – арийцы на такое ни за что не пойдут. Им так мараться не пристало по их канонам. На такое только гои способные, и то доведённые до ручки, либо сознательно арийцами подкупленные.

– Гои-то здесь откель? – в раз опешил атаман от такого предположения, – они ж в лесах с другой стороны арийских земель селятся. Как они могли сюда-то попасть? Через все земли городов проехали что ли?

– Эх, – прокряхтел Данава заёрзав задом, как бы поудобнее устраиваясь, – ещё летом до меня дошли проверенные слухи о некой стае пацанов-переростков выгнанных даже из гоев, и значащихся у арийцев в беглых из коровников, – продолжил Данава поникшим голосом, – устроили они себе логово прямо под городом, что Мандала у них называется. Укрылись в небольшом лесу. Сам лес ловушками запечатали и завалами законопатили, ни войдёшь не пролезешь. Живут там по-волчьи. Поговаривают, много их там. Взрослых нет. Бабы с детьми тоже отсутствуют. Промышляют тем, что отбирают у людей заработанное, беря не силой, а большим количеством. Городских и пригородных не трогают, безобразничают лишь поодаль. Обозы у народа отбивают, и так по мелочи.

Затем колдун помолчал, как бы обдумывая, и решая для себя рассказывать дальше или и этого достаточно, но посмотрев на озадаченных родственников продолжил:

– Приятель два дня по их следу шёл, пока степь пургой не заровняло. Туда следы ведут, чуть левее города. Ватага это паршивая бесчинствует. Ни богов у них нет, ни человеческих понятий. Обделённые и злые как голодные волчата. Бугаи уж выросли силы немереной. Кровь кипятки, а ума с корешок, да и тот какой-то хитро вывернутый.

– Ну, к нам-то они не сунутся, – самонадеянно констатировал атаман, – а полезут так мои мужики им кровушку-то быстро остудят и рога повыломают.

– Данава, а ты чё про чужих-то спрашивал? – встряла в разбор большуха, вспомнив с чего начали.

– Так судя потому как напали и как ловко баймак раздербанили, не вслепую делали налёт, а по чьему-то наущению. Слишком уж всё быстро было и слажено. Что артельные мужики, что ватажные перемолоты словно и понять ничего не успели, ни то что отпор дать. А значит, соглядатай впереди у них был, иль кто из своих помогал.

– Так ты думаешь и к нам заявятся? – вопрошал атаман уже о чём-то сильно задумавшись.

– Да не ведаю я Нахуша их пакостных дел, но ты уж мужиков-то настропали, как положено, – посоветовал колдун, вставая с полога, – а по поводу облома рогов, ты не горячись. Сам Масаку помнишь. Атаманом он был не хилым, да и мужики у него не хуже нашенских, а их как пацанов сопливых. Они и не пикнули. Ладно, идти надобно народ готовить. Время уходит, требуется поспешать.

– Ох, ё, – проскрипела Дануха поднимаясь следом с явно испорченным настроением.

Атаман из своего угла не тронулся. Сидел, отвалившись на стену крепко задумавшись. Толи Масаку вспоминал, толи свои силы прикидывал против неожиданной напасти.

Вот так впервые по-настоящему узнала Дануха про эту «чёрную нежить». И теперь валяясь на траве у догорающего кута костерила себя на чём свет стоит за то, что тогда не доглядела, недочувствовала она смертельную беду. И чего она как большуха после этого стоит, лишившись всего.

А ведь тогда на обряде Кормления кольнуло предчувствие, что нежить, вызванная колдуном не просто так бесновалась как никогда. Да отмахнулась от знамения Дануха будто от назойливой мухи, увидев в них лишь собственные глупые, как она тогда посчитала страхи. И тут большуха попыталась припомнить всё что было при кормлении Мороза.

Дануха-то, как из бани тогда вышла в кут и увидела своих баб, так из головы вся тревога разом и улетучилась, а «пугалки» братца попросту забылись. Бабняк время даром не терял и подготовился к действию честь-почести. Так как маски бабам напяливать устоями строго воспрещалось, то они себе, вместо этого на лицах устраивали витиеватую роспись.

Распустили волосы, намазали их белой краской, что была замешана на тёртом меле с жиром. От корней до кончиков на всю длину у кого до какой обрезаны. Этой же мазнёй друг дружке рожи расписали будто узорчатый иней. Ресницы убелили с бровями, губы выпачкали. Вид у баб такой получился, что сам Мороз бы глаз не отвёл, залюбовался бы. Какой уж тут спрос с Данухи.

Бабы все подобрались, спины выпрямили. Красота на загляденье. Данава тем временем ватажных пацанов рядил. Правда только их атамана Девятку и его дружков что по старше. В том большом мешке, что колдун приволок были сложены деревянные маски, расписанные в жуткие страшилки. Накидки из волчьих шкур и так всякая мелочь нужная для ритуального действия.

Дубины пацаны себе сами наломали позаковыристей. Неупадуха, паразит эдакий, на свою палку кусок говна тогда наколол, чтобы девок пугать и пачкать, только пока до того дошло, какашка замёрзла-задубела, об такую не замажешься.⁴⁷

Мелочь посикушная во главе с ярицами, и невестками с молодухами собралась по краю площади вокруг сложенных шалашом поленьев, натасканных пацанами из леса. Расселись по удобней устраиваясь в сугробах в ожидании зрелища. Тогда Данава для них целое феерическое представление устроил. Надев на себя всё своё колдовское одеяние, он сначала попрыгал как козлик вокруг дров, стуча и потрясая посохом с черепушкой-набалдашником, где что-то брякало и тренькало. А затем присел, руками помахал, пошептался с дровами и от них заструился тоненький дымок хотя пламени видно не было.

Отошёл шагов на девять нарочито отмеряя каждый шаг голосом и швырнул в дымок вроде как небольшой камешек. И бабах! Как по неведомому волшебству шалаш вспыхнул весь

⁴⁷ Вообще-то данный здесь атрибут был не уместен по другой причине. Подобными делами пацаны промышляли чуть позже, на Девичьи гадальные вечера, что проходили в тепле чьего-нибудь кута. В жилище вбегал парень с палкой, обмазанной фекалиями и заговаривая девкам зубы, неожиданно совал испачканный конец какой-нибудь кутырке под нос. Коль та испугается иль побрезгует и замашет руками, обязательно извозюкается. Коли справится с собой, останется чистой. Как страх, так и брезгливость вытраивалась из людей с младых ногтей, ибо считались за страшный порок.

разом ярко-голубым пламенем, и вспышка была столь огромной и слепящей, что шалаша дров из-за неё не было видно.

Ребятишки что восседали в наваленных сугробах по краям площади, от такого зрелища и от неожиданности завалились на спины задрвав кверху ноги. Визг да ор вокруг, со всеобщим ликованием. Да. Тогда Данава впечатлил своим фокусом посикух малолетних. Да и ярицы с молодухами молча в стороне не отсиделись, визжали как не дорезанные. Для всех это было громом среди ясного неба. Смог тогда братец удивить даже Дануху, уж вроде всего в жизни поподававшую. Красиво было и зрелищно.

Когда голубой огонь опал, а костёр занялся обычным пламенем, большуха вывела своих побелённых баб и то же не просто так, а с песнями и танцами. Дети мамок не признали. Вид у них был такой растерянный, что большуха даже расплылась поначалу в улыбке, да такой, что чуть не треснули щёки.

Она вприпрыжку, грузно пританцовывая скакала впереди размалёванных баб, шествовавших следом змейкой строго по ранжиру, и ещё при этом ноющих волчицей-одногодкой, отощавшей напрочь, оттого собирающейся видимо подыхать. Пели бабёнки кто в лес, кто по дрова, кто просто так прогуляться вышел. Дануха тогда чуть не подавилась со смеха, а за одно и не провалилась от стыда от этого позорища. А Сладкая за спиной, жирная скотина даже не пела тварь, а лишь курлыккала. «Курлы-курлы, да рас курлы-курлы».

Большуха и так еле сдерживалась, чтобы не завалиться, надрывая живот от хохота, а эта толстая дура так и подначивала. У неё все слова в песне «курлы» были. Эта сучка, да прости её Троица с самого начала действия принялась шутовать и паясничать, и напрочь сбила с Данухи весь серьёзный настрой. Да, Сладкая. Где-то ты теперь, подруга верная.

Заведя вокруг костра вереницу баб, сцепила их в крутящийся карагод, а сама стоя внутри круга из кожаного мешка, припрятанного в рукаве стала опаивать их заговорённым зельем. Набирала себе в рот и в поцелуе сцеживала, подкармливая как птичка птенчиков. Когда Сладкую опаивала, прошипела выдавливая в голосе угрозу:

– Я тебе курлы жирная, устрою вечером.

Та лишь растянулась в блаженной улыбочке, мол стращай, стращай беззубая. Боялась я тебя как баба уда по мужику изголодавшаяся.

А затем зелье подействовало и карагод, ничего до этого не вызывавший, кроме смеха изменился до неузнаваемости. Бабы и так размалёванные, и не пойми во что разодетые вообще перестали на людей походить.

Лица их застыли блестящими масками в расслабленном умиротворении, покраснелись, от чего рисованные белые узоры на лицах проявились резко и контрастно, вспыхнули колдовским морозным светом, превращая человеческие черты в нечто не земное, сказочное.

Заблестали огненные блики, поигрывая живыми всполохами на их намазанных жиром лицах. Цепь задвигалась как нечто единое целое. Чёткий ритм поступи след в след. Качаясь и колыхаясь, будто одна тень другой или отражение. Их общий вид завораживал и приковывал к себе восхищённые взгляды.

Голоса и те изменились словно всем глотки переделали. Вместо «леса по дрова» зазвучал стройный хор, только запели бабы очень высоким звенящим голосом, пища словно перекормленные комары, отчего слов их пения было не разобрать, но мотив выводили без помарки.

Зрители, устроившиеся в мягких сугробах, находясь в гипнотическом дурмане от ритуального зрелища вдруг взорвались отчаянным девичьим визгом вперемежку с закатистым детским рёвом. Как из-под земли или, вернее сказать, из-под снега, откуда ни пойми, прямо перед ними выскочила стая серой мохнатой «нежити» со страшными мордами и палками в лапах ужасающего вида.

Посикухи со страха нырнули в сугробы с головой и там зарылись, молотя мягкий снег ручками и ножками, пропахивая в нём колеи с норами. Девки что по старше от визжав и

наоравшись на пацанов-дураков, напугавших чуть ли не до подмоченных рубашек, принялись вылавливать посикух из сугробов, отряхивать и успокаивать, утирая слёзы с соплями и таявший на их лицах снег.

А ряженные продолжали носиться как угорелые вдоль девичьего круга кривляясь и пугая малышню и без того перепуганную, голоса как им казалось устрашающие рыки.

Но тут на помощь детворе появился с посохом родовой колдун. Лихо стал ловить «беснующуюся нежить» и поймав принимался каждого поить из узкого деревянного сосуда. После чего заталкивал опоенного под широко расставленные руки бабьего карагода по ближе к костру в объятия большухи, что их там дожидалась.

Те, попрыгав вокруг её для вида и по-всякому мерзко дёргаясь замирали в ступоре, принимаясь раскачиваться словно пьяные, а затем как один падали на карачки и уткнулись в снег башками. Вроде как уснули кверху жопами.

Переловив всех пацанов и затолкав их внутрь медленно кружащего карагода Данава и сам за ними нырнул следом, и здесь началось главное ради чего затевалось всё это представление.

Ряженные мало-помалу начали оживать. Продолжая стоять на четвереньках принялись шевелиться и поползли кто куда, как слепошарые, постоянно друг с дружкой сталкиваясь, от чего кто-то резко пугающе взвизгивал, кто-то рычал басом в озлобленном оскале, словно каждое их столкновение доставляло нестерпимую боль или жутко обижало непонятно чем. Только этот визг с рыком по тону уже пацанам не принадлежал. Это было что-то не человеческое.

Постепенно шутовство перерастало в естество. Их движенья становились резкими, агрессивными. Голоса огрубели до низких тембров, выхолаживая кровь. В один миг разодетые пацаны превратились в лютого зверя, забывая бабий хор с их писком, леденящим душу воем и рыком, наполняя округу Нахушинского баймака ужасом.

Ещё бы чуть-чуть и вцепились бы друг другу в глотки устроив грызню меж собой. Дануха ни один девяток раз проводившая этот зимний ритуал, и то поначалу опешила, а вот Данава наоборот, вместо ступора нервно задёргался и довольно быстро взял беснующихся под контроль, хотя сделал он это скорее со страха, чем осознано. Это было видно по его обескураженному лицу, что изуродовало татуировки и ритуальные шрамы гримасой безвыходной паники.

Дануха давненько не видала братца в таком нешуточном испуге. Он накинулся на них и принялся орать, переходя в своих воплях чуть ли не на девичий визг, и при этом лупил их без разбора посохом, вернее черепом, что был на его оконечности.

Получив по башке вот такое «благословение», нежить впадала в некое оцепенение. Лишь после того, как огрел каждую, а кой-кого с перепуга и не по разу, у костра восстановился маломальски приемлемый порядок.

Только бабий карагод на всё это безобразие никак не среагировал, продолжая всё так же мерно шествовать с отрешёнными от всего мира лицами, и распевать свою странную никому не понятную песню.

Брат с сестрой посмотрели друг на друга, но каждый по-разному. Дануха с тупым непониманием происходящего, Данава с выражением обессилившего. Один в один его взгляд был похож на мужика после тяжкого Кокуя, умоляюще смотрящего на бабу в блаженной надежде сбежать от неё проклятушей быстрее своих резвых ножек куда по далее.

– Чё это с ними? – спросила большуха вполголоса.

– Я бы знал, – так же тихо ответил взмокший от усердия Данава, – только кажется мне, ничего хорошего. Как ты думаешь, круг удержит коли кинутся? Кабы не разбежалась нежить по баймаку, да делов не наделала.

– Ты меня спрашиваешь, *? Кто у нас тут колдун, *?

– А-а, – отмахнулся Данава на её матерные слова.

Так они стояли на пару и молча смотрели на прибиту нежить, что прибывала в некоей дрёме. Полагалось, по сути, с каждой дрянью по очереди побеседовать. Сначала узнать кто

вселился в живую куклу ряженого пацана. Затем в зависимости от содержимого, как следует по расспрашивать в той области из коей тварь вырвалась. Например, если в кукле сидит волкодлак, то можно его спрашивать о волках всё что вздумается, притом нежить ответит на любой вопрос и отмолчаться не сможет, как бы ни артачилась.

Если в пацана подселился полевой маньяк, то его пытаются о погоде на всё лето. Спрашивают об урожаях и посевной на огородах: что лучше по весне сажать и в каком количестве. Ну и так далее да по тому же месту, как из года в год делалось.

– Ну. С кого начнём? – спросил колдун с таким выражением на изрисованном лице, мол лучше бы совсем не начинать эту пагубную затею.

– Да, *, братец, – всё так же настороженно отвечала ему сестра, – давай чё ли с этого.

Она указала на ближнего. Колдун набрал пойло в рот из узкого деревянного сосуда, поплоскал и выплюнул. Затем встал на колени перед указанным пацаном и с шумом дунул в разрисованную маску. Тут же отскочил назад, схватив наизготовку посох и приготовился.

Нежить дёрнулась. Не спеша поднялась на ноги. Медленно осмотрелась, и не успела большуха задать вопрос мол кто такая, из чьих будешь, как та на Дануху неожиданно зарычала и резво рванула в сторону, но налетев на себе подобных стоявших в отключке, споткнулась и рухнула на снег. Завизжала барахтаясь, но ползком словно в плыв по воде миновала стоящих на карачках своих соплеменников по потустороннему миру устремляясь на свободное место. Выбравшись из стада ряженных и упёршись мордой в круг карагода, нежить замерла будто приготавливаясь к прыжку. Она, жадно разглядывая малышню меж мелькающих баб, низким утробным голосом торжественно возликовала:

– Кровь! Корм! Жрать!

У Данухи от такого лаконичного душераздирающего рёва аж внутри что-то ёкнуло и оборвалось к * матери. Ужас по всей бабе разлился сверху донизу вязким варевом. Волоски на теле встали дыбом. Но большего прорычать ему не дал непогодам резвый колдун, скакавший через ряженных вслед за ним. Допрыгав до озверевшей куклы, он со всего размаха брякнул по башке набалдашником посоха. Нежить дрогнула как от испуга, обмякла и повалилась набок, свернувшись клубочком и зачем-то громко хрюкнув при этом, как, бывало, делала Сладкая.

Такое поведение не укладывалась в голове большухи. Те, кого Данава вынимал из небытия и рассаживал в куклы всегда были сонными. В это время года вся эта мелкая нежить спит беспробудным сном. Поэтому общение с ней всегда было подобно тому, когда говоришь с поднятым, но не разбуженным. Она куксилась, отвечая на вопросы. Жалко хныкала постоянно жалуясь, что попусту её тревожат и спать бедной не дают. Все движения были вялые, сумбурные. Она постоянно мямлила что-то еле-еле, едва ворочая языком. Но проснуться в это запоедное время полностью не могла. Что творилось теперь, Дануха объяснить была не в состоянии.

Непонятная тревога охватила бабу будто к самой внутрь зверь залез и нацелился загрызть у неё что-то важное. Сердце ухало в ушах, куда сбежало из груди. Но Данава с лёгкостью разрядил тогда эту «непонятку», признав свою вину сразу и безоговорочно. Убедив встревоженную и всполошённую большуху, что непотребность эта по его промашке получилась, бестолкового. Мол, напорточил что-то с зельем. Толь неправильно сварил, толь заговорил наискось. И Дануха, дура, поверила. Потому что это было самое простое объяснение. Потому что тогда в это хотелось верить. А вот во что-то страшное, верить категорически не хотелось.

– Ну, чё? – вопрошал её до смерти перепуганный Данава, – будем ещё кого будить да спрашивать?

– Да ну тебя на хрен мелко порубленный, – злобно рявкнула большуха, – ты и так уж накуролесил, криворукий. Того и гляди самим в глотки вцепятся. Отправляй-ка их обратно в вонючую дырку. Недоделанное ты создание.

Колдун будто только этого и ждал. С нескрываемой радостью наконец сделанного дела, торопясь чтобы сестра не передумала, он стал подтаскивать по одному к костру ряженных и начал «разряжать их куклы» от нежити. На этот раз он не дул в нарисованные рожи, а высасывал и будто сплёвывая, резко выдувал на огонь. После чего срывал деревянную личину, и пацан безвольной тушкой валился на снег ни то в обморок, ни то проваливаясь в крепкий сон. . .

Дым немилостиво драл горло, спину припекло от почти горячей земли. Дануха уселась, всматриваясь в кромешную темноту и тут же поняла, что задыхается. Ветра не было и дым от догорающих жилищ, едкий, мерзкий, с каким-то противным привкусом будто мясо сгорело что до костей сожгли, заполнял округу плотным облаком.

Нестерпимо защищало глаза, аж до болезненных слёз. В голове промелькнула паническая мысль: надо задницу отсель уносить, а то задохнусь к * матери.

Она встала, и на ощупь, лишь ориентируясь по памяти обошла кадящий баймак огородами и полезла на холм, что у них испокон веков звался Красной Горкой. Лишь продравшись сквозь травяной бурьян наверх, баба остановилась, утирая слёзы рукавом и дыша как загнанная.

Обернулась, уставившись вниз, стараясь рассмотреть в этой черноте хоть что-нибудь, и опять заплакала, на этот раз непонятно от чего. Толи от дыма глаза продолжало есть, толи от обиды за то, что случилось, толи от того и другого вместе взятого.

Вновь помянула она последние Святки с Морозовым кормлением.

Тогда ватажных пацанов так и не пришедших в себя, на руках разносили артельные мужики. Баб своих вспомнила всех до одной, представляя каждую как наяву. Как тогда после охранного карагода разводила бабью цепочку с «хвоста» по очереди, так по очереди и вспомнила.

Никто по выходу из опоенного дурмана не смог устоять на ногах, все по падали. Первые, что по моложе были, так вообще срубленным деревом в сугроб рушились без сознания. Те, кто по старше, лишь садились на задницы теряя равновесие с устойчивостью.

Ей припомнилась посикушная малышня, что мамок тогда почти бесчувственных по родным углам растаскивала, где в домашних банях их отогревали и приводили в сознание. А как вспоминая дошла до Сладкой, своей подруги с самого детства, с коей прошла вся её горемычная жизнь, разревелась в голос и навзрыд словно сопливая кутырка. Она наконец дала слабину и выплеснула из себя со слезами все душившие её эмоции.

Та, как вышла из дурмана лишь качнулась слегка и растянула харю в шутовской улыбочке. Громко хрюкнула с повизгиванием словно молоденькая поросля, как всегда это делала, и со всего маха рухнула на спину раскидав руки. И опять тогда её бесшабашная выходка стёрла всю серьёзность происходящего в Данухином сознании. Она Сладкую отмагкала как следует. Не со зла, да и не в серьёз. А та в ответ принялась дурачиться, смешно пытаясь выбраться из сугроба, что у неё ни получалось как не пробовала. При этом баба издавала различные непотребные звуки из-под подола и громко хохотала до слёз, размазывая краску по покрытой жиром харе. . .

Глава девятая. Доминируй, властвуй, унижай, управляй строгостью и будет тебе ласка.

На этот раз из воспоминаний Индру вывел голос возничего:

– Атаман. Подъезжаем.

Он встрепенулся. Огляделся. Сзади растянулась вереница колесниц, конца и края не видно. Впереди на опушке леса собралась большая группа людей – эдакий комитет по встрече. Народ там стоял разношёрстный. Основную массу составляли пацаны, своеобразная «безлошадная армия» Индры, из прибывшегося отовсюду молодняка и в походы с мобильными колесницами не ходившими.

Он в своё время сформировал два таких отряда, что в основном занимались охотой. В них он выращивал лучников. Эти отряды не только добывали пропитание всему логову охотой на зверя, но и подворовывали, где что плохо лежит, а иногда занимались и мелким грабежом, нападая на одинокие или малочисленные обозы.

Кроме этих пацанов у леса чуть обособлено стояла небольшая группа взрослых мужчин. Это доверенные перекупщики. Именно им сейчас предстояло осмотреть и оценить всю добычу. Индра с самого детства с маниакальной подозрительностью относился к своему окружению, к тому, с кем приходилось так или иначе лично контактировать, тем более из представителей арийского мира. Все высоко рождённые городов у него ассоциировались исключительно с папашей. Артельные мужики речников с дикарями беспредельщиками.

А вот с этими конкретно арийскими торгашами его банде уже не раз приходилось иметь дело, и в основном по торговле именно живым товаром, но сам атаман с ними лично дела не имел и никого из них не знал, да и видел этих арийских перекупщиков только несколько раз и то на расстоянии. Вообще торг ему был не по душе, не его это было. Он сам никогда и ничем не торговал, не продавал и не покупал. Для этого в его окружении была пара тройка проныр из ближайших пацанов, которым это нравилось. Они-то и обделывали все торговые дела. Вот и сейчас, высмотрев среди подъезжающих колесниц кого-то Индра громко позвал:

– Щедрый! Командуй здесь. Ты сегодня старший. Я в логово.

После чего слегка хлопнул возничего по плечу и тот взяв влево, повёл колесницу в сторону от собравшихся в направлении леса.

Миновав несколько засад-заслонов тщательно упрятанных на поворотах лесной дороги, где его подчинённые вылезая из укрытий весело приветствовали своего любимого атамана колесница Индры проследовала последнюю, пацаны которой лихо подняли на верёвках искусственный завал, оказавшийся своеобразными воротами, и выкатила на большую поляну. Всё. Он наконец-то дома.

Проехав неспешно мимо нескольких землянок к большой крытой повозке, колесница остановилась. Индра соскочил на землю и поставив руки в боки внимательно осмотрел пленницу начиная с растрёпанной головы и заканчивая босыми ногами. Та вжалась в борт обхватив колени связанными руками. Стараясь спрятать голову в плечи, она испуганно зыркала из-под растрёпанной рыжей копны волос, образующей ни то большой спутанный клубок, ни то развалившееся сорочье гнездо.

Тут подбежал тощий, но жилистый пацан с коротко обрезанными волосами, почти лысый, от чего его голова казалась совсем маленькой, и затараторил, запыхавшись от бега:

– Атаман, ничего серьёзного в логове не было без тебя. Только так по мелочи. Прибились ещё девять пацанов разного возраста. Сидят по ямам на испытании. Рассадил всех по разным. Есть пить не даю. Так Шумный велел. Смотреть будешь?

– Сколько уже сидят? – спросил устало Индра, оборачиваясь к тараторившему.

– Уже два дня.

– Пускай ещё посидят. Рано. Пусть на них сначала Шумный глянет. Ещё что?

– Отряд Костлявого привезли ещё одну знахарку, на которую ты указывал. Поселили, накормили. Довольна. Сегодня к полудню привезли. Она уже с Хабаркой познакомилась. Ни чё так тётка, добрая. Она сейчас в землянке у Звенящего, там пацан у него чего-то обожрался, уже два дня животом мается. Ну, он у него болит, хотя поноса нету, – он вдруг задумался, почёсывая затылок, как бы вспоминая что-то.

– Ещё что?

Индре на мгновение почему-то стало стыдно за то, что он забыл имя докладывающего пацана. Атаман знал, что он из ближних людей Шумного, вернее Шума Дождя, одного из его немногих друзей и единомышленников. Этот даже был вроде временного управляющего логовом в отсутствие своего непосредственного начальника – Шумного.

Шум Дождя руководивший всем хозяйством банды из всех ближников был самый доверенный у Индры. По крайней мере он знал куда больше чем остальные, потому что кроме команды на хозяйстве имел при себе целый отряд сборщиков информации, лазутчиков-разведчиков.

По натуре Шумный был самый шустрый из друзей атамана, вечное шило в заднице. При этом очень смышлёный, хоть сади гимны писать, ещё тот проныра языкастый, без жира скользнет и выскользнет из любого места. Он знал всё что творится в логове и за его приделами, куда дотягивались его лазутчики. Наглый до беспредела и изворотливый на столько, что Индра за всю жизнь ни разу не видел ближника сконфуженным, а этот его заместитель сейчас замялся, отводя взгляд от глаз атамана, явно скрывая что-то нехорошее.

– Ну, говори, что ещё?

– Да тут Мухомор с Пухлым опять поцапались. Не успел разнять. Морды друг другу расквасили. Обоих наказал по твоему закону, рассадил по ямам до суда, – при этих словах он тяжело вздохнул и продолжил, – Атаман, не приживутся они вдвоём. Какая-то непонятная и старая вражда меж ними. Я уж и так и сяк.

Он замолчал и искоса взглянул на Индру, ожидая его слова. Но атаману было сейчас не до того, и он коротко бросил:

– Пусть посидят. Остынут, потом разберёмся.

– А так всё вроде хорошо, – закончил докладчик уже веселей, – Еды к вашему возвращению запасли, сена лошадям накосили. Заготовками, запасами занимаемся.

– Ладно, – оборвал его атаман, – беги Шумному докладывайся.

Индра уже не первый раз сталкивается с этим жополизом и всякий раз его прогиб с явным подхалимством, главаря раздражал. Зачем Шумный приблизил такого человечка, не понятно, но приближать его к себе атаман не собирался и поэтому старался держаться на дистанции, всякий раз давая понять, что все разговоры с обсуждением будет вести только с его начальником, Шумным.

Хотя этот хорёк оставался здесь за старшего пока их не было и выслушать доклад о происшествиях было нужно по заведённому им же правилу. Поэтому Индра старался только слушать и ничего из услышанного с ним не обговаривать. К тому же в колеснице сидела куда более интересная для него особа чем он, и атаману просто не терпелось как можно быстрее избавиться от лишнего в данной ситуации пацана.

Он небрежно похлопал лстыиво улыбающегося докладчика по плечу, давая понять, что доклад окончен. Тот залебезил от такого к себе внимания, принялся кланяться, но грозный и раздражённый взгляд атамана тут же заставил пацана ретироваться и быстренько удалиться.

Индра вновь вернул своё внимание к пленнице, предвкушая дальнейшие события, которые он хоть и спланировал, но всё же при этом оставляя существенную долю на импровизацию. Та продолжала сидеть, как сидела.

Он достал охотничий нож из-за голенища звериных лап, превращённых в сапоги, и с резав верёвку с колесницы что другим концом была привязана к ноге пленницы, намотал её на руку.

– Пошли, – громким, повелительным тоном проговорил атаман, пристально смотря на девушку и оценивая её реакцию.

Та не пошевелилась будто не слышала, или сделала вид что это он не к ней обращается. Тогда атаман отошёл на расстояние натяжения верёвки и с силой дёрнул, сбрасывая пленницу с колесницы на землю как пушинку.

Девушка мигом слетела с повозки и от неожиданности сначала растянулась на траве, но быстро сгруппировалась, вновь занимая ту же сидячую позицию уткнувшись в колени, только на этот раз жалобно заскулила. Индра махнул лыбящемуся до ушей возничему и тот понукая лошадей поехал куда-то дальше. Атаман медленно подошёл к завывавшей девчонке и присел, напротив.

– Запомни, Утренняя Заря, – проговорил он нарочито медленно и спокойно.

Услышав свою полную кличку, та вздрогнула.

– Я никогда и ни для кого не повторяю дважды, – он сделал паузу и пленница, чувствуя его близкое дыхание и несмотря на весь страх и ужас, колотившийся в сердце, медленно, как бы исподлобья взглянула на мучителя краем глаза.

Между ней и грязным с чёрными разводами лицом похитителя ярко блеснуло лезвие ножа. Девушка перестала дышать, но голова её от увиденного поднялась и взгляд как заворожённый замер на медном клинке. А он при этом продолжал свой вводный инструктаж тем же ледяным, спокойным голосом:

– Если я говорю тебе что-то делать, ты делаешь это сразу и не раздумывая. Поняла?

Она мелко затрясла головой и по её чумазому и безмерно перепуганному личику показались слёзы.

– Вставай, – велел Индра, сам при этом поднимаясь.

Пленница медленно, как во сне, с трудом удерживая шаткое равновесие и несуразно колыхаясь всем телом выполнила команду, и замерла перед ним низко опустив голову, прижимая связанные запястья к груди.

– Вытяни руки вперёд, – продолжал он командовать.

Она вновь повиновалась, протягивая путы, но не поднимая головы. Блеснуло лезвие, и разрезанные верёвки упали на траву.

– Диль, – окрикнул он одному из двух мальчишек, стоящих у входа в роскошную крытую повозку с буквально лучезарно светящимися от радости лицами, только не понятно по какому поводу, – отмокалку с баней готовьте, быстро.

Пацанов словно ветром сдуло. Как звучали их полные имена никто не знал и почему они стали Диль и Ероль, тоже. О них вообще мало что знали в логове, пожалуй, только то, что эти мелкие пацаны были братьями, и атаман привёз их откуда-то из далека. Притом из далека явно далёкого, судя по их необычному для всехговору.

– Видела? – спросил он замершую как истукан пленницу, указывая ножичком в сторону убежавших пацанов, но девушка не могла их видеть, так как это происходило за спиной и в стороне, – я сказал, и они метнулись выполнять. Это касается всех, потому что я здесь самый главный. Поняла?

Она вновь затрясла головой, хотя, судя по выражению её уже мокрой от слёз мордашки, ничегошеньки она не понимала, но на всё была согласна.

– Ладно, – выдохнул атаман, поняв её выражение лица правильно, – пойдём.

Последнее он сказал уже более дружелюбным тоном и зашагал уверенным шагом в сторону повозки, продолжая при этом удерживать намотанную на руку верёвку. Девушка, увидев

натягивающейся поводок встрепенулась, лихорадочно засуеилась и быстренько засемила следом.

Большая жилая повозка на восьми колёсах располагалась высоко от земли, но была широкая и длинная, что давало ощущение приземистости. Покрывающий её снаружи полог был выше человеческого роста раза в полтора, весь покрытый различными звериными шкурами, отчего казался ляписным, но при этом цветные шкуры были сшиты в строгом порядке, формируя замысловатый симметричный узор.

Вместо входной двери висела шкура бера с когтистыми лапами в разлёт и головой, задранной к небу. Индра, подойдя к этой импровизированной двери отцепил когти ножной лапы и нырнул внутрь. Рядом со входом стояла бадья в виде бочонка, накрытого деревянной крышкой, где лежал черпак. Он наполнил его содержимым бадьи и вынырнул наружу. Пристально смотря прямо на пленницу и оценивая её реакцию медленно выпил ярко-красный напиток.

На удивление вкусный кисло-сладкий ягодный морс, прекрасно утолял жажду. Это был его любимое питьё. После Сомы, конечно. Волшебное средство от жажды и усталости в жизнь Индры привнёс Диль со своей далёкой родины. Он как-то сварил напиток для себя, атаман попробовал и ему понравилось. С тех пор хозяин постоянно заставлял мальчишку варить только его и держать питейный бочонок всегда полным.

Взъерошенная девушка имела такое умоляюще жалкое выражение лица, что Индра даже поперхнулся морсом от подступившего смеха. Остатки вкуснятины демонстративно выплеснул на землю, а её распахнутые в изумлении и негодовании глаза, как-то сразу опять наполнились слезами. Он с ней играл, и эта игра его забавляла.

Атаман повторил процедуру и вновь наполнил черпак живительной влагой, но на этот раз протянул его Заре:

– На, пей.

Девушка, медленно вытянув дрожащие руки вперёд двинулась в направлении вожака, всем своим видом напоминая до смерти запуганного, но очень голодного зверька. Наконец черпак оказался у неё, и пленница сначала в испуге уставилась на жидкость, будто ей подали что-то ядовитое на вид, и при этом отстраняя от себя посудину скривила на грязной мордашке отвращение, но тут же поднесла к лицу и зачем-то принялась обнюхивать.

Индра стоял рядом, довольный как бер объевшийся малины. Эта сцена его явно забавляла. Наконец пленница попробовала немножко на вкус почмокав губками, и распробовав с жадностью прильнула к черпаку. Пила взахлёб, торопясь, но что самое любопытное ни капли не пролила. Выпив всё досуха, она медленно протянула посудину хозяину. И на её лице засветилось явно попрошайническое – «ещё».

– Хватит. А то лопнешь, – отреагировал он на её бессловесную мольбу и убрал черпак туда, откуда достал.

– Пойдём дальше, – с какой-то уже весёлостью в голосе проговорил Индра, направляясь в сторону зарослей конопли, чей ровный край говорил об её искусственной посадке. Подойдя к насаждениям и указывая на высоченную траву, и указав на проход между рядами проговорил:

– Гадить туда.

Она потупила глазки и впервые за всё это время пленения буквально выдавила из себя вполголоса:

– Не хочу.

– Как знаешь.

С этими словами атаман распустил завязки на кожаных штанах и без всякого даже признака на стеснение полив ближайшие травинки отходами жизнедеятельности, не завязывая, а придерживая портки рукой, зашагал обратно к повозке. Она безропотно засемила следом. Но на этот раз Индра повёл её к другой стороне своего жилища, где стоял большой пёстрый

шатёр, такой же ляписный, как и сама повозка, укрытый шкурами, из верхушки которого изви- валась струйка белёсого дыма. Рядом с шатром был насыпной круглый холм, хоть и поросший молодой травой клочками, но явно насыпанный не так давно. Верхушка холма была плоская, как бы срезанная и доходила высотой атаману по грудь. К нему-то он и направился.

– Раздевайся, – скомандовал Индра, подойдя к насыпи и встав к пленнице вполборота сам стал освобождаться от одежды показывая пример.

Он чему-то улыбнулся, когда краем глаза заметил её реакцию. Девушка, вцепившись в рубахи комкала их в жутком замешательстве, но увидев в его руке нож, мигом скинула через голову то что отдалённо напоминало платье, и замерла, потупив взгляд и вытянув руки по швам, даже не пытаясь прикрыться. Но оказалось, что нож Индра достал из сапога только для того, чтобы воткнуть его в землю и снять с великим трудом меховые лапы, уже, наверное, хлюпавшие от пота. Наконец он тоже остался голый и присев возле ножа тихо, но тоном, не терпящим возражения, позвал:

– Иди ко мне.

Заря медленно и неуверенно подошла, не поднимая головы, дёргаясь и на каждом шаге помахивая только кистями рук как птичка крылышками, при этом стараясь держать сами руки прижатыми вдоль туловища. Подошла и остановилась, чуть-чуть не дойдя до голого атамана. Он вынул нож из земли и потребовал:

– Ближе.

Девушка буквально вся заколыхалась от страха, но шаг сделала и тут же отвела взгляд в сторону закусив нижнюю губу. По её виду Индра понял, что она опять собирается реветь. Он осмотрел сначала ногу с привязанной верёвкой, что натёрла на нежной коже кровавый след, затем очень осторожно срезал узел, распустил хват и откинул поводок в сторону.

Его взгляд бесстыже пополз вверх по ногам, осматривая содранные колени и бёдра, остав- ленные жёсткой травой и камнями царапины с бороздами, когда она тащилась за колесницей на верёвке.

Индра ненадолго задержал внимание на треугольнике коротких светло рыжих волос на лобке, нагло разглядывая там всё в мельчайших подробностях, от чего у самого ни только внутри зашевелилось, но и снаружи по вскакивало да так резко будто крапивой ошпарили.

Скользнул взглядом по плоскому исполосованному животику, поднялся ещё выше и осмотрел высоко задранные острые пирамидки грудок, ещё не зрелых по соскам, но тут же прикинул что по объёму как раз в ладонь поместятся. Им бедным, как и животу тоже доста- лось, притом в большей степени, нежные выпуклости были буквально изодраны ссадинами, живого места не было.

Атаман резко встал, бросая нож и хватая её на руки. Девушка как-то не очень реши- тельно попыталась было встрепенуться, выскользнуть, но тут же полетела на искусственный холм, плюхаясь с большими брызгами в вязкую коричневатую жёлтую жижу. Круглое глиняное строение у шатра внутри оказалось огромным котлом. Это и была Индрова "отмокалка".

Искусственный водоём был достаточно глубоким, и Заря, скользнув по пологой стенке оборвав истошный визг на взлёте с головой скрылась в этой непонятной субстанции, ещё в воздухе полностью потеряв ориентацию. Индра перемахнул через насыпной борт следом и с блаженством погрузился в этот отвар рядом, но в отличие от неё, нырнул сознательно и долго не выныривал.

Там, в глубине этого вязкого варева, он с остервенением чесал волосы, разбивая колтуны, собравшиеся за время рейда от пыли и пота, оттирал лицо и шею, наконец воздух в лёгких закончился, и он вынырнул. Утренняя Заря полулежала, прижавшись к стенке боком и изви- ваясь как червяк корчилась от боли. Атаман утёр вязкую жидкость с лица и спросил мученицу, даже где-то участливо:

– Что? Щиплет?

- Да, – чуть ли, не ревя скрипуче пропищала Заря.
- Хорошо. Значит заживает. Терпи.

С этими словами он вытянул ноги, упёршись спиной на гладкий и скользкий глиняный борт насыпи, так чтобы жижа светло коричневого цвета с чем-то не понятным плавающим на поверхности доходила ему по шею, и блаженно с шумом выдохнул. Пленница, в это время отчаянно цепляясь руками за край делала жалкие попытки вылезти наружу. Индра посмотрел на это дело и рывкнул:

- Да расслабься ты. Пощиплет и перестанет. Отмокай.

Она отцепилась одной рукой от борта, но второй судорожно продолжала держаться уже побелевшими от усердия пальцами. Индра прикрыл веки и расслабился. От усталости поплыли круги с пятнами. Было ощущение, что всё трясётся, качается и плывёт куда-то удаляясь. Навалилась усталость. Ничего больше не хотелось делать. Тело в этой жиже казалось невесомым. Так он отмокал довольно долго. Встрепенулся, поймав себя на мысли, что засыпает.

Утренняя Заря уже успокоилась и с любопытством вылавливала двумя пальчиками мелочёвку, плавающую на поверхности и внимательно разглядывая пойманное.

- Это пивас, – пояснил он, растекаясь в улыбке.

Она вздрогнула от неожиданности и резко потупила взор закусывая губу словно её только что поймали на каком-то не очень благом деянии.

– Что-то среднее между пивом и квасом, – продолжил расслабленно вполголоса пояснять атаман с полуоткрытыми глазами, – Тут трава всякая, кора тёртая, коренья, ягоды и ещё что-то. Я в этом не разбираюсь. У меня вон, – и он мотнул головой в сторону шатра, – знатоки есть.

И тут же в том направлении громко крикнул:

- Диль!
- Да атаман, – откликнулся мальчишка, откуда-то прямо из-за глиняной насыпи.
- Ну, что там с баней?
- Так готова уже, – ответил тот с явным недоумением в голосе, будто он уж сорок раз об этом всех оповестил, только его никто не слушал.

Индра резко поднялся, создавая вязкую волну. Жижи в котле оказалось ему по пояс. Преодолевая сопротивление пиваса подошёл к вновь запаниковавшей девушке. Она опять вся скукожилась, прижав руки к груди, в страхе отворачивая голову и при этом зажмуриваясь. Но атаман её не тронул, ухватившись за край насыпи, подпрыгнул и отжавшись на руках вылез из глиняного котла, разбрызгивая тягучую жижу крупными ошмётками шлёпавшуюся обратно в ванну.

- Руки давай, – грубо скомандовал он, присев на корточки.

Заря безропотно подняла свои тоненькие ручки, и Индра рывком выдернул её наверх, ставя на бортик. Диль стоял столбиком между «отмокалкой» и шатром с вытаращенными глазами и открытым ртом. Атаман грозно уставился на него одним видом давая понять о недопустимости его излишнего внимания, но тот пяливший зенки на обнажённую девушку этого злобного взгляда не заметил. Хозяину пришлось на него прикрикнуть:

- А ну за работу!

Мальчик аж присел от его ора и не разгибаясь юркнул за шатёр. Индра, схватив обтекающую вязкой и склизкой жидкостью пленницу спустил её с насыпи на траву, спрыгнув следом. Неспешно прошлёпав к шатру, отодвинул шкуру и сделал небрежный кивок головы, как бы указывая ей, куда той следует двигаться и при этом сухо продублировал жест голосом:

- Заходи!

Девушка мелкими шажками засемила в проём. Индра вошёл следом, но остановился в проходе придерживая шкуру и тем самым освещая внутренности. В шатре царил сумрак, по крайней мере так казалось после солнечного света. В центре на трёх небольших камушках как на подставках лежал большой плоский булжжик, под которым пылал костёр.

Пол был засыпан толстым слоем речного песка, поэтому после стерни идти по нему было одно блаженство. От большого плоского камня шёл заметный жар. С противоположной стороны от входа располагалась невысокая, но широкая деревянная скамья, покрытая накидкой из шкурок зимнего зайца. Там же на песке стояли ёмкости различных размеров. Штук десять не меньше.

Индра высунул голову наружу, где тут же вырос как из-под земли Диль.

– Мазь лекарская где? – тихо спросил атаман.

– Там, у лежачка. Зелёная такая, – ответил мальчик так же тихо, но явно обиженный подобным вопросом.

– Знаю, что зелёная, – вполголоса сдавлено прорычал Индра, огрызаясь на его неуместное проявление уязвлённого достоинства, – Приготовил пожрать?

– Обижает атаман, как наказывал, – тем не менее продолжая канючить ответил мальчишка, – Ероль уже таскает на стол.

Тут он ещё что-то хотел сказать, но Индра не дал ему этого сделать, так как нырнул в шатёр, плотно прикрывая за собой проход.

Утренняя Заря стояла столбиком. Покрытые толстым слоем липкого пиваса некогда вьющиеся волосы распрямились, вытянулись и теперь свисали сосульками по самую задницу, закрывая опущенное лицо и грудь, как занавеской. Индра медленно обошёл девушку и встав перед ней поднял за подбородок опущенную голову пленницы, внимательно заглядывая в перепуганное личико. Кивком указав на скамью в шкурах, он сухо скомандовал:

– Ложись на полог.

Девушка отпрянула, распахивая глазки, но тут же опустив их в пол, шатаясь на нетвёрдых ногах обречённо побрела к лежанке. Медленно забралась на меховую подстилку и забившись к стенке замерла.

– Ложись на край и на спину, – потребовал Индра, не обращая на её поведение внимание, перебирая стоящие на песке ёмкости и что-то ища.

Заря несколько замешкалась, судорожно задёргавшись принимая решение: подчиниться или нет, но затем с обречённым послушанием сделала всё как он велел.

Наконец атаман нашёл, что искал – маленькую чашку с зелёной кашицей, но прежде захватив большую горсть конопляного семени, аккуратно насыпал на раскалённый камень. Семена зашипели, запищали и из них повалил ароматный пар. Он взял большое деревянное ведро с тёплой водой, мягкое пушистое мочало из шкурки какого-то зверька и присел к лежащей девушке. Та легла, как и было велено, но только со страха так сильно зажмурилась, что было видно, как напряглись все до одной её мышцы, даже пальцы на ногах.

– Расслабься дура, – усмехнулся Индра, – я просто буду лечить, – и намочив тёплой водой мочало, аккуратно, даже нежно насколько мог, начал омыwać её тело, покрытое липким слоем пиваса вперемешку с семечками, травинками и мелкими листочками.

Постепенно пленница расслабилась, он же наоборот напрягся, но она этого не видела, так как глаз по-прежнему не открывала. Атаман вынужден был признаться себе, что подобная процедура ему явно понравилась и он готов её как-нибудь повторить, и может быть ни один раз. Было в ней что-то более возбуждающее, чем просто смотреть или лапать девичью плоть.

После чего размазал пальцем зелёную кашу по царапинам, встал, полюбовался с высоты на своё деяние, удовлетворённо крикнул и принялся смывать пивас с себя, не забывая при этом поплёскивать водичкой на раскалённый камень.

Вскоре от тумана, образовавшегося в шатре и в двух шагах ничего не было видно. Индра любил эту походную баню. Он не знал, кто её придумал, но знал с каких краёв занесло к ним это изобретение. Её построили по рассказам Диль и Ероль. Именно такие бани использовали в их краях. Атаману она понравилась, а вскоре появилась у многих в логове.

У жителей Страны Рек бани строились другие насколько знал Индра, – заглублённые в землю. Да и назначение в основном у них было совсем другое, они там молились своим предкам. Арийцы же бань как таковых вообще не приветствовали, у них были мойки. Просто воду грели в больших чанах и в ней мылись. Иногда. А в основном, что арийцы, что речники для помывки использовали реку, ручей или озеро, ну, в общем естественные водоёмы.

Индра отмывался в клубах пара долго. Атаман всем видом показывал, что она его не интересует, но одним глазом нет-нет да поглядывал, что делает пленница. Он заметил, как Заря, видимо не привыкшая к такому издевательствам, сначала уползла к стенке и там забилась в уголок, а затем вообще сползла на песок и зарылась в его прохладу, стараясь найти в шкурах щель чтобы хоть немножко вдохнуть свежего воздуха.

Наконец Индра залил очаг и к густому пару добавился едкий дым.

– Утренняя Заря, ты где? – окликнул он.

– Я тут, – пропищала она откуда-то снизу от стенки.

– Пошли на выход.

С этими словами он двинулся в сторону предполагаемого выхода. Шёл наугад, пока не наткнулся на шкурную стену. Ощупал слева, справа, прямо перед собой, ища откидную шкуру, но не найдя ничего похожего нашёл другой выход:

– Диль! Вход открой. Не видно ни зги.

Где-то чуть в стороне, вспыхнуло мутное пятно света и потянуло свежестью по ногам. Туда-то Индра и устремился. Свежий ветерок приятно обдул разгорячённое тело.

– Заря. Выползай оттуда пока не задохнулась, – прокричал он в проём откуда валил пар попеременно с дымом.

И тут же откуда-то из-за стенки на четвереньках вверх задницей выползла красно-зелёная девушка. Она жадно глотала свежий воздух, ничего не видя перед собой, так как мокрые волосы сползали на лицо и волочились по земле опять пачкаясь.

Индра схватил стоящее рядом большое деревянное ведро с водой и с размаха вылил содержимое на одуревшую пленницу, отчего та умудрилась взвизгнуть на вдохе, резво вскакивая на ноги. Вода была холодная. Но тут же обмякла, приходя в себя и расслабляясь в изнеможении.

Убрав с лица волосы назад, и увидев перед собой двух мальчишек, стоящих столбиками словно сурки, она тут же стыдливо прикрыла руками промежность. Индра схватил второе ведро и так же махом опрокинул его на себя, после чего взял из рук мальчишек меховую шубу и одев, сурово спросил:

– Накрыли пожрать?

– Всё готово атаман, – доложил на этот раз Ероль.

Индра, схватив мокрую пленницу на руки, отчего та от неожиданности в очередной раз встрепенулась и даже охнула, и понёс её в дом. Дойдя до входа в жилище поставил на ноги, и открыв шкуру тихо, но с некоторым нажимом велел:

– Залазь.

Пленница ни с того ни с сего злобно зыркнула на атамана будто разом страх потеряла. Индра даже сразу не сообразил с чего это, но вглядев в Зарю ещё более злобный взгляд в упор, заставил эту смелую рыжую мышшь тут же ретироваться. Она моментально стушевалась, занервничала и довольно ловко юркнула в сумрак кибитки. Ах, как ему понравился этот злобный взгляд дикарки. От искр в её глазах в атамане даже заплясал азарт игрока-укротителя, создавая в душе радостную и приятную истому будущей победы над ней.

Внутри было довольно просторно. Входное помещение представляло собой небольшой закуток, отделённый от основного жилища тканой из травы занавеской, своеобразной шторой.

В этом «тамбуре» стоял жбан, накрытый крышкой с лежащим на ней черпаком. С другой стороны, стопкой были сложены шкуры его повседневной одежды. Следующая часть помещения

была более просторной. Широкая лежанка с одной стороны, застеленная шкурами, напротив большой стол из тёсаного дерева, заваленный едой.

В конце кибитки висела ещё одна занавеска, где виднелся второй лежак со шкурами. Вторую занавеску и дополнительный лежак Индра специально соорудил прямо перед этим походом. Он был абсолютно уверен, что задуманное ему удастся и у него в доме, наконец, будет кому занять вторую, женскую половину.

– Садись, – велел он, указывая на лежак у стола.

Она устроилась на самый краешек. Индра схватил мягкое меховое одеяло в изголовье и небрежно кинул девушке на голову. Пленница дёрнулась от испуга, но тут же вынырнув из-под шкуры, закуталась в меха, чуть ли не с головой.

Атаман сел рядом и с грохотом пододвинул стол к себе. Он с некой брезгливостью посмотрел на насупившуюся физиономию Зари и не громко приказал:

– Ешь. Голод не тётка. И голову не забивай, пока. Сначала еда, потом разговоры, – и с этими словами принялся ломать лапу жареного лебедя.

– О чём? – буркнула она с интонацией, как ему показалось, заносчивой наглости.

Индра, отломав лапу замер, медленно зверея на глазах. Так же нарочито медленно повернулся к этой резко охамевшей девке и буквально проревел:

– Я тебя предупреждал, кажется, что дважды не повторяю!

Страх и ужас мгновенно вернулись в её тело. Она дёрнулась как от удара, затряслась и с головой спряталась под одеяло, а Индра как ни в чём не бывало равнодушно начал есть будто ничего не произошло.

Атаман плотно поел, отодвинул стол. Вытер руки о шубу, в которую до сих пор был завернут, после чего снял и бросил её на пол, вытирая о мех ноги. Всё время что он ел в кибитке соблюдалось полное молчание. Пленница, закутавшись с головой в одеяло так носа и не показала и к еде не притронулась.

Он вышел в тамбур, где достал из стопки чистую одежду и переоделся. После чего вернулся и пристально уставился на меховой столбик, замерший на краю лежанки. Индра глубоко вздохнул и начал свою речь торжественно и громко:

– А теперь слушай меня внимательно. Я помылся, наелся, напился и поэтому добрый, и великодушный. Даю тебе выбор, притом не один, а несколько. Даю слово, что исполню то что выберешь. Я так решил. Первый выбор. Ты отказываешься жить. Я с удовольствием порублю тебя на мясо и сварю суп. Мясо у тебя молодое, суп должен получиться съедобный. Второй выбор. Ты хочешь жить, но только не здесь. Я продаю тебя первому встречному арийцу в коровник. Девка ты молодая, отмытая и не дурна собой, к тому же похоже ещё и не пользованная, значит продать тебя можно хорошо и за золото. В какое ты сборище крыс попадёшь и к какому хозяину мне плевать. Третий выбор. Ты хочешь жить, не хочешь, чтобы тебя продавали ни весь-кому, и остаёшься при мне со своей злобой и ненавистью. Тогда я сажаю тебя на поводок, и ты становишься моей коровой. Корова атамана – это высокое звание. Среди других коров логова, а таких мне кажется будет много ты будешь пользоваться определённым уважением. Будешь делать, что скажу, когда, где, как и сколько. Следующий выбор. Ты хочешь жить в достатке и во власти. Не хочешь продаваться, а желаешь продавать сама. Меняешь злобу на покорность с обожанием и становишься моей женой, первой и пока единственной. Рожашь и воспитываешь моих детей. И, наконец, последний выбор. Ты забываешь всё что я здесь наговорил. Одеваешь своё платье, оно валяется там, где сбросила, и я вывожу тебя из этого леса за последнюю засаду. После чего ты свободна. Притом свободна совсем, не только от меня, но и вообще от всех. Рода твоего больше нет. Я всех продал. Баймака твоего тоже больше нет, я его сжёг. Что с тобой будет за пределами моего леса мне всё равно. Забуду, как сон, найду другую. Времени на выбор даю тебе до завтрашнего утра.

Индра замолчал. Она продолжала сидеть не шевелясь. Он взял из чашки со стола крупную ягоду земляники и закинув её в рот вышел из кибитки. Жестом подозвал к себе Диль возившегося у импровизированного бассейна, сливая в канаву использованный пивас и схватив его за ухо притянул к себе, чтобы тот лучше слышал шёпот атамана.

– Глаз с дома не спускать, но так чтоб вас не было видно. Следить по очереди. Один работает, другой караулит. Ночью спать тоже по очереди, пока сам не приду.

– А если попытается бежать, что делать? – так же шёпотом поинтересовался скривившийся от боли Диль.

– С ней ничего. Из логова не убежит. А вот сами бегом ко мне.

– Так может её привязать?

– Нет. Я хочу знать, как она себя поведёт. И смотрите мне. За эту девочку я шутить с вами не буду. Лично голову оторву, – уже сквозь зубы злобно прошипел атаман и отпустив наконец ухо пацана, развернулся и пошёл на круг, небольшую площадь в самом центре поселения.

Основная часть летучего отряда уже вернулась в логово и пустующее, казавшееся вымершим по началу селение стало оживать разнообразным морем звуков и постоянным мельтешением пацанов самого разного возраста.

Атаман размеренным, неспешным шагом прошествовал в центр этой огромной поляны со всех сторон окружённой непроходимым лесом хозяйским взором осматриваясь вокруг. Всюду куда ни глянь царила бесшабашная радость, веселье, всеобщее удовлетворение как после трудной, но хорошо проделанной работы. Он пришёл на круг первым, там ещё никого не было.

Это была традиция, заведённая им лично. Всякий раз собираться до и после походов. Хотя, по правде сказать, все традиции и правила логова были заведены исключительно им. Индра был не просто выбранный атаман банды и хозяин этого большого поселения, он являлся для всех этих пацанов богом, в прямом смысле этого слово. Потому что они на самом деле на него молились.

Сборный круг в логове предполагал несколько разновидностей. Общий, как сейчас, собирался по масштабным делам, когда в той или иной мере участвовали все жители поселения и то что на нём говорили, касалась абсолютно всех.

Малый круг собирался лишь для ближников атамана и редких приглашённых. Он проводился для решения или разбора каких-то локальных дел кроме них никого не касающихся, или на круге озвучивалась информация, о которой всем знать было необязательно.

Кроме того, атаман и его друзья-ближники ели и пили всегда в месте за общим столом, это тоже был своеобразный круг, третий. На нём, кроме хозяев колесниц присутствовали их возничие. Каждый отряд для еды составлял свою общность и таких кормовых социальных групп было несколько. Никто и никогда ни ел в одиночку. Все ели сообща в своём социальном круге. Так повелел Индра.

Даже те, кто готовил и обслуживал ели все вместе после общего сорища. Индра сегодня поел предварительно и в одиночестве ни просто так, а сознательно. Он и раньше частенько приходил сытым, когда в этом возникала необходимость, а сегодня такая необходимость была.

Каждое праздничное застолье, а впереди было именно такое, сопровождалось обильной выпивкой. Некоторые на них даже умудрялись напиться до поросычьего визга, а ему пить в настоящее время было нельзя. Нет. Вообще-то он пил, и пил бывало в изрядных количествах, притом не слабый алкоголь типа пива или браги, а настоящую Сому, но заливался он ей лишь тогда, когда необходимо было действовать, а сейчас ему надо было думать и оценивать поведение ближников. Он мог конечно просто приказать и ни один бы не ослушался, тупо выполнив его повеление, но атаман всегда предпочитал свои решения выдавать как их общее, каждый раз тонко подводя их к нужной ему концепции.

Хотя и после Сомы иногда, вместо обычной опьяняющей ярости с беспредельной силой, возникало холодное ледяное всесилие с кристально чистым сознанием, прозрением и ясновидением. Но такой эффект возникал крайне редко в каких-то особых случаях, и Индра никак не мог поймать закономерность, при которой это происходило.

Вот в эти моменты он действительно осознавал себя реальным богом, а не номинальным, каким считало его окружение. Но становиться таким по собственному желанию у него никак не получалось. Это происходило по воле случая.

Круг как место представлял собой один общий стол. Только на привычный деревянный что был в доме он не походил. Этот был сооружён на манер речников, а не арийцев. Просто в земле была выкопана круглая траншея глубиной по колено, а посередине горел самый настоящий арийский священный огонь, эдакий костерок, обложенный камнями особым образом. Вообще-то Индра не очень верил в арийских богов, но этот фетиш изначально был необходим для их общей идеи.

При посадке за стол вставали в траншею ногами и садились на внешнюю сторону этого земляного круга, а на внутреннюю, засыпанную речным песочком, ставили блюда. Вот за этот земляной круглый стол на своё место и уселся атаман.

Задумался, а подумать действительно было о чём. Ватага стремительно росла и не только количественно. Она выросла и на данный момент её костяком были уже не артельные пацаны, а молодые мужчины, запросы и потребности которых уже отличались от дня вчерашнего.

Кроме того, всё больше и больше требовалось места, прокорма, и главное им нужны были женщины. Природа своё брала и бегать по речным еби-бабам каждый раз, не набегаешься. Пора было заводить каждому свою настоящую семью, коровники, как это делали истинные арийцы. Но что с этими женщинами делать, он пока не знал, кроме как использовать их лишь по одному назначению и то только ночами.

Но ведь требовалось с ними ещё и жить как-то. И что вообще означало создавать семью? Какие там правила, какие законы? Сын коровы, выращенный на задворках нормального общества об этом социальном институте, вообще ничего не знал.

Женщины для Индры были существами из другого мира. Непонятными и непредсказуемыми. Он сидел один. Его никто не беспокоил и плюнув в очередной раз на женскую проблему атаман опять углубился в свои воспоминания...

Глава десятая. Все мы пикаперы, когда зубы сводит от желания и все мы мастера пикапа, когда и тебе, и ей хочется.

Грубый голос того мужика что правил конями вырвал Зорьку из сладостных грёз по «закону подлости» на самом интересном месте. По его словам, пленница поняла, что они куда-то ни то прибыли, ни то, приехали.

Рыжая принялась вертеть головой, но в её сидячем положении ничего особо разглядеть было невозможно. Всё та же степь что и ранее, лишь повозки, следовавшие за ними, стали круто забирать левее, утаскивая свои волокуши в сторону. Они были далеко, и ярица так и не смогла понять, что же они там тащили такого ценного. Можно было видеть лишь большие кучи наваленного непонятно чего.

Их повозка остановилась, и второй мужик, называемый атаманом громким окриком кого-то там из своих оставив чем-то командовать, чем Зорька не поняла, велел ехать в логово. Ну вот и всё, обречённо констатировала девка, сейчас кажется начнётся что-то плохое.

Через недолгое время въехали в лесные заросли, и рыжая увидела вооружённых большими луками пацанов. Они приветствовали восторженными криками их тележку и своего главаря. Разглядев их через задний борт, когда миновали засаду, ярица отметила для себя, что пацаны были обычные, только явно постарше, чем их ватажные в их баймаке и все примерно одного возраста.

Грязный мужик в меховых сапогах небрежно поднимал руку в знак приветствия и не останавливаясь продолжал движение всё глубже заезжая в тенистые заросли по узкой накатанной дороге, постоянно виляющей между деревьями. Поэтому ехали неспешно, а у ярицы от этих вихляний, уставившейся за отсутствующий борт, даже голова закружилась от мельтешения.

В глубине чащобы их встретила ещё одна группа, так же проявившая восторг при их приближении, и наконец после третьей засады над головой вновь засветило солнышко. Кроны деревьев кончились, и повозка выкатилась на открытое место. Но это была уже не степь. За бортом появились землянки, кибитки, различные по форме и размеру шалаши, и рыжая поняла, что они прибыли в какое-то поселение, и похоже это и было их логовом.

Проехав несколько землянок и шатров, повозка встала. Похититель, спрыгнув на землю и сложив перемазанные руки на груди уставился на Зорьку. Ей стало жутко неудобно от этого мерзкого взгляда, будто он приценивается на менах на неё как на товар. Да с такой кислой рожей словно отыскивает изъяны, чтобы цену сбить как на залежалый товар не первой свежести.

Она вся сжалась, обиженно надула губы, обхватив колени руками и почувствовала, как щёки загорелись предательским румянцем. В его грязных лапах сверкнул нож из блестящего металла, которым он срезал узел, что был завязан на повозке и намотав верёвку на руку грозно рывкнул, явно запугивая:

– Пошли.

Хотя ещё больше запугивать ярицу уже не требовалось, она и так была в полубморочном состоянии.

От этого звериного рыка по всему телу щупленькой девки пробежало стадо испуганных мурашек, и она оцепенела от ужаса. Почему-то именно теперь вспомнились рассказы о «чёрной нежити», что питается исключительно бабами да такими как она худосочными кутырками, и Зорька была уверена, что её прямо тут начнут грызть, даже предварительно не отвариив и ни пожарив.

Пока мысли в голове скакали взбесившимися зайцами, что-то очень сильно дёрнуло её за ногу, и ярица в одно мгновение оказалась на земле, со свистом проскользнув по шкуре и больно стукнувшись о пыльную дорогу боком. Сердце из груди выскочило, заметалось где-то в голове бухая в висках.

Она неосознанно вскочила на четвереньки, но тут же резанула боль в содранных коленях. Ярица с трудом поднялась на корточки, и приняв сидячую позу в ожидании чего-то неминуемого, уткнула голову в колени, стараясь уменьшиться в размерах или вообще стать для «зверя» невидимой. И тут зорька описалась. Толи от страха сковавшее тело, толи от натуги скрюченной позы.

– Запомни, – прямо над её головой прорычал злобный голос грязного мужика, и ярица почувствовала, как от этого зашевелились волосы на затылке, – я никогда и ни для кого не повторяю дважды.

«Зверь» замолчал, но его тяжёлое дыхание Зорька ощущала буквально темечком даже сквозь копну растрёпанных волос и толстый слой грязи на них. Какое-то время изверг молчал, зачем-то дыша ей на голову. А она никак не могла понять, что эта сволочь ждёт и чего ему проклятому от неё надо.

Страх крупным ознобом колотил тело, но больше всего доставалось голове, трясущейся, будто её передержали в холодной воде и теперь она никак не может согреться. В ней бедной и так сердце долбило как ненормальное, и к этому ещё добавилась трясучка от страха, отчего Зорька подумала, что получила сотрясение. По крайней мере было такое предположение, потому что голова вдруг резко разболелась аж «до не могу».

Ужас, сковавший её по рукам и ногам, держал кутырку на грани между обезумевшей паникой, толкающей немедленно бежать куда глаза глядят, и обморочным состоянием, предпочитающим упасть и не двигаться.

Зорька зачем-то медленно подняла голову и приоткрыла щёлкой один глаз, искоса посмотрев на мужика, нависшего над ней. Сквозь грязные пакли волос, закрывающих лицо, она увидела прямо перед собой блестящее лезвие ножа.

Зенки резко распахнулись, да так в распахнутом состоянии и замерли, застыв как у дохлой рыбы, выброшенной на берег. Перед ошарашенным взором всё поплыло, закружилось. Ярица чувствовала, что в очередной раз теряет сознание, но его обозлённый голос удержал рыжую от падения во мрак из реальности и в одно мгновение привёл в чувство.

– Если я говорю тебе что-то делать, то ты это делаешь сразу и не раздумывая. Поняла?

Она попыталась кивнуть в знак согласия, так как горло было перехвачено спазмом и ответить голосом не получилось. Но вместо кивка, охвативший её колотун-озноб мелко-мелко затряс рыжей головой, вроде как в знак понимания. И тут её прорвало на слёзы, хлынувшие из глаз в три ручья. Зорьке даже показалось, что они брызнули аж под напором.

– Вставай, – потребовал он властным голосом.

Девка собрала последние, как ей казалось силы и кинулась исполнять повеление, считая где-то на задворках сознания, что он непременно её накажет если не подчинится, но получилось это как-то неуклюже и замедленно. Тело предательски не слушалось. Оно будто было не её вовсе, а принадлежало какой-то другой кутырке. Но всё же поднявшись кое-как на ноги, ей сразу полегчало и в первую очередь задышалось свободней. Озноб утих, только ноги подрагивали.

– Вытяни руки вперёд, – потребовал вымазанный в чём-то чёрном мучитель.

Кутырка безропотно протянула связанные и уже одеревеневшие кисти, сдаваясь на милость сильного. Ей уже было наплевать на всё что с ней делают, на всё что происходит вокруг. Голова по ощущениям набитая сеном-соломой, думать отказывалась. Зорька даже в глубине души обрадовалась, что ещё хоть кто-то командует её туловищем. Сама она это уже не могла делать, потому что оно её не слушалось.

Лёгкий рывок и руки стали свободными. Он срезал путы. И тут в онемевшие кисти хлынула горячая кровь, а в кожу впились тучи острых иголок принимаясь нещадно грызть её бедные пальчики. Зорька замерла всем телом продолжая держать их на весу, чтобы не усугублять болезненные колючки. Замерла при этом в несуразной и неестественной позе. Вся сгорбилась, скукожилась вытянув руки перед собой. Уставила на них зарёванные глаза, будто отродясь никогда не видела своих растопырок.

Мужик кого-то громко позвал по имени и велел готовить баню. Он ещё что-то там говорил, но ярица пропустила его слова мимо ушей, потому что её жалкие признаки рассудка буквально зацепились за слово баня и застопорились.

Она аж вся на слюну изошла, только думая о ней. Баня, с упоением ласкала она себя этой мыслью, вот бы в баньку теперь, а опосля и сдохнуть не жалко.

При этом на её губах появилась пародия на улыбку, и со стороны могло показаться что девка по виду совсем с ума съехала.

Не распрямляя скукоженного положения, она тупо продолжала пялиться на сами себя кусающие пальчики, лыбясь как дура и при этом панически боясь пошевелиться. Даже глазами не моргала, а то вдруг чего. Из этого дурацкого оцепенения её вновь вывел сволочной голос ненавистного зверя:

– Видела?

Что видела? Где видела? Чего опять пропустила? Теперь этот сраный людоед снова делает больно. Все эти вопросы, рождённые сами собой, пронеслись в голове ярицы словно вихрь, и она в очередной раз сжалась в комок, втягивая голову в плечи и ожидая от него удара или что-нибудь подобного. Но вопрос оказался риторическим. Он сам на него ответил, притом с явной бравадой:

– Я сказал, и они метнулись выполнять. Это касается всех, потому что я здесь самый главный. Поняла?

Она вновь закивала головой, опуская наконец руки и облегчённо вздыхая оттого, что на этот раз обошлось.

– Ладно, пойдём, – пробурчал, как бы успокаиваясь мужик и зашагал к большой кибитке, стоящей на множестве колёс и с пёстрой расцветкой словно цветочная поляна, но это тогда не бросилось в глаза кутырке, потому что не до этого было.

Зорька хотела пойти за ним не раздумывая, уже покоровившись, но неожиданно забыла, как это делается. Она принялась мелко-мелко топтаться на одном месте и в очередной раз запаниковала, испугавшись, что не догонит, и эта сволочь опять примется на неё орать. Но тут как-то само собой получилось, и пленница засеменила следом, не дав натянуться верёвке, привязанной к ноге.

Мужик нырнул в кибитку. Зорьку с собой не позвал, но и ни потащил, и верёвку не натягивал. Рыжая остановилась в нерешительности и впервые огляделась по сторонам, находясь в полной прострации.

Она ничего толком не успела рассмотреть, кроме того, что это огромная поляна была со всех сторон окружена лесом со сплошным буреломом, так как зверь вынырнул обратно с питейным ковшом и издеваясь над высохшей за день без воды ярицей, начал упиваться, громко сглатывая и удовлетворённо покряхтывая.

Напившись и глумясь над её уже нестерпимой жаждой, грязный и противный во всех отношениях мужик демонстративно вылил недопитое на траву, мерзко лыбясь. Только тут Зорька по выплеснутым остаткам с ужасом поняла, что этот недочеловек пил кровь! Жажда у кутырке пропала, как и не было, а по спине пробежал холодок. «Троица.", – взмолилась рыжая, – «да, когда же он меня прибьёт. Ну сколько можно мучить, сволочь ты черномазая».

Людоед снова запрыгнул в кибитку и вновь вынес черпак с кровью, но на этот раз сам пить не стал, а протянул пленнице. Девка в ужасе отшатнулась. Сердце забилося как у отдающего концы зайца.

– На, пей, – грозно потребовал он.

Зорька, борясь с омерзением, тем не менее подчинилась. А куда ей было деваться в её-то положении. Протянула трясущиеся руки к ковшу, а сама мысленно заметалась в собственных противоречиях. Как же она будет пить эту несусветную хрень? Хотя жажда опять охватила ярицу до состояния невтерпёж, будто пить не давали с прошлого лета.

Думая о том, как ей будет противно глотать чью-то кровь. Как её стошнит, как выворотятся все внутренности, она исполнила требование «тут самого главного», и морщась пригубила. Страх перед ним оказался сильнее девичьих предрассудков.

Но лишь сделав глоток, заранее скривив мордашку, рыжая тут же волей-неволей принялась. «Кровь» оказалась очень вкусной. Почмокала языком и с запозданием поняла, что это вовсе не кровь, а ягодный напиток, причём такой вкуснятины она, кажется, не пробовала ни в жизнь. Зорька, аккуратно, приструнивая в себе торопыгу, чтобы не пролить живительную влагу на одном дыхании осушила увесистый ковш, но ей показалось этого мало.

Довольный чем-то людоед будто прочитав её мысли коротко обрезал:

– Хватит, а то лопнешь.

Он рывком отобрал вожаденный ковш, на что напуганное личико рыжей пленницы моментально стало сквашенным от обиды. Увидев её сморщенную реакцию, кровавый душегуб ещё больше повеселел. Зорька тогда подумала, что его видно радует не только страх жертвы, но и другие отрицательные эмоции, что он в ней вызывал.

Мужик повёл её дальше, к коноплянному огороду, высаженному недалеко от кибитки. Что это не дикая конопля девка догадалась сразу, лишь взглянув в ту сторону. Указав на аккуратно посаженные ряды с проходами между ними, он небрежно и где-то даже с наигранным безразличием проинструктировал:

– Гадить туда.

Ощувив между ног сырость Зорьке вдруг стало стыдно, и она впервые за весь день вполголоса выдавила из себя:

– Не хочу.

– Как знаешь.

За то этот кровопийца стыдиться не стал. Абсолютно бесстыже распустил завязки штанов, спустил их прямо перед молоденькой девкой, считай мужиками ещё не пуганной, и выудив свою брызгалку грязными руками, показательно полил траву. Если он хотел произвести на неё впечатление, то он о карал. Для рыжей оторвы его показательное ссанье было что уд по реке, что два по берегу.

Да. Когда он её пугал – она пугалась. Когда показывал будто кровь ковшами хлещет, вызвал у рыжей омерзение, но естественными делами Зорьку в краску ввести было очень сложно. Нашёл чем удивить кутырку навыване. Она такое видела, что ему и не снилось зассанцу. Притом не только у ватажных пацанов, но и у мужиков видела. Правда артельные всегда отворачивались, но, чтобы вот так напоказ?

Хотя, чего кочевряжиться. Напоказ тоже видела. Как-то раз, Неупадюха размахивая своей змеей, бегал за ними по пьянке и целился жёлтой струей в скачущих девок, а они как дуры радостно визжали и увёртывались. И бегали, как помнит Зорька не очень шибко, больше для вида и чтоб не замочил. Уж больно любопытно было видеть, как это делают пацаны, но и вонять после него не хотелось. Поэтому визжали, отскакивали, но далеко ни убегали, любопытствуя на расстоянии.

Неупадюха гадёныш, прекрасно знал, что размером своего уда ему не придётся стыдиться в мужиках. Он, когда подрос на него и взрослые бабы поглядывали, а Сладкая так вообще его

лично обихаживала. И если Девятка – ватажный атаман по должности следил за домом Данухи, то вот за дровами и водой в бане у Сладкой был поставлен Неупадюха. И никто из пацанов кроме него к ней в кут не ходил.

Про эту страшную бабу с корявым пацаном даже сплетни ползали по баймаку, мол она его у себя в куте вместо еби-бабы обучает мужицким премудростям. Зорька, как и все её девки не верила в это, понимая, что бабы со зла на Сладкую и не такого могли наговорить.

Неупадюха, когда с возрастом осознал свою особенность, стал всякий раз выставлять его на показ и никогда не упускал возможности продемонстрировать размеры своего отростка. Этот же людоед выставлялся даже не напоказ, там и показывать-то было нечего насколько ярица успела разглядеть. Он делал это как бы абсолютно естественно, будто само собой разумеющиеся и ничего другого в принципе не подразумевающего.

Закончив и смешно, как показалось Зорьке потряся грязными руками своё «недоразумение», мужик не стал завязывать штаны, а прямо так в приспущенных, лишь поддерживая руками, чтобы вовсе не упали, зашагал обратно. Его нелепый вид даже повеселил пленницу.

Вообще после выпитого напитка кутырка явно ожила. Окружающий мир как-то перестал быть ужасом и превратился для ярицы в любопытство, уж больно всё вокруг для неё было в новинку. А его неуклюжая походка даже заставила девку ехидно улыбнуться, забыв о привязи.

Ариец-людоед пошёл не туда откуда пришли, как изначально предположила Зорька, а на другую сторону кибитки, где она увидела большой пёстрый шатёр, и только сейчас разглядела и ляпистость под цветочную поляну этого странного жилища на колёсах, и тот разноцветный купол, из верхушки которого струился столбиком белёсый дымок. Даже удивилась, как это она раньше не обратила внимание на такие бросающиеся в глаза особенности.

– Раздевайся, – велел мужик, подходя к какой-то глиняной насыпи не понятного для Зорьки предназначения, что была довольно большой, круглой, с её роста высотой.

Он, не оборачиваясь скинул с себя верхние шкуры, стянул меховые сапоги по колено, сбросил приспущенные штаны на землю и на Зорьку уставились две идеальные по её понятиям мужские ягодицы молочного цвета, и широкая мускулистая спина, в отличие от задницы, загорелая.

Вот от этого вопиющего зрелища, девку вновь затрясло, но не от страха, а от какого-то непонятного стыдливого волнения. Кутырка даже почувствовала, что вообще не укладывалось у неё в голове, как запылали щёки с ушами. В душе зародилось предчувствие чего-то постылого, но вместе с тем желанного. Странное ощущение.

Тут наконец до её ошарашенного рассудка дошло осознание его команды, и она в панике вцепилась в свои грязные рубахи, и принялась их лихорадочно комкать и теревить трясущимися руками.

Нет. Рыжая никогда не относилась к застенчивым и тем более излишней скромностью не страдала, как можно было подумать со стороны. Зорька вообще не умела этого делать. Ещё с посикух сверкала голышом чем не попадая, за что частенько получала от мамы тоже чем попало по выпячиваемой голой заднице, а в ярицах и подавно перестала испытывать стыд по поводу своего оголения.

Ей наоборот нравилось собственное тело. И кутырка всегда и при любой возможности демонстрировала его красоту всем, на кого это могло подействовать, притом даже без особого разбора. Рыжую прельщали, чего скрывать, восхищённые и замасленные взгляды пацанов, их застенчивое отворачивание с рассматриванием её искоса.

Зорька превосходно осознавала силу собственного молодого и красивого во всех местах тела. Стройного и соразмерного, со всеми его достоинствами и без единого недостатка в чём ярица была абсолютно уверена, и пусть только кто попробует сказать обратное.

Как бы это не выглядело нелепым и неуместным, но именно в красоте и было её замешательство. Стоило только ярице вспомнить ободранные колени и боль в грудях со жжением

живота, как кутырка с ужасом поняла, что вся её девичья красота сейчас ободрана как кора с мёртвого дерева. Какое уж тут к дохлым червям природное совершенство и соблазнительность.

Рыжая каким-то невероятным чутьём замешанном на безграничной фантазии, реально представила каждую уродливую ссадину, каждую мерзкую царапину, и как скажите на милость показаться перед мужиком в таком непотребном виде. Даже учитывая, что он сволочь-кровапийца и людоед, для Зорьки, знающей себе цену это было невиданным позором и унижением.

Вдобавок ко всему, она была грязная и вонючая. Да у ярицы руки не поднимались при подобных обстоятельствах обнажиться и показаться перед мужиком. Пусть даже ненавистным.

Лучше б он сожрал её вместе с рубахами, думала рыжая, не так было бы обидно. Ну или хотя бы убил для начала, прежде чем раздеть. Дохлой ей было бы всё равно.

Но тут за паническими размышлениями и дёрганьем своих рубах она неожиданно разглядела в руке людоеда блеснувший нож, и все мысли о собственном убийстве испарились. Забыв о моральных закидонах словно до этого ни о чём подобном не думала, скинула обе рубахи через голову успев при этом одним движением утереться между ног. Ну, хоть какое-то облегчение, одним позором будет поменьше.

Мужик с грязной мордой присел на корточки, воткнул нож в землю и тихим леденящим кровью голосом позвал:

– Иди ко мне.

Зорька протестующе дёрнулась, но пошла. Под ногами оказалась жёсткая стерня от недавно срезанной травы, что впивалась в голые ступни как рыбы зубы. Хотя девка и привыкла бегать босиком, и тонкостью её подошвы с раннего детства не страдали, но идти всё равно было болезненно. Это не по травке вышагивать и не по песочку носиться, задрав подошвы.

Внимательно смотря, куда ступает и балансируя руками, при этом стгорая от стыда за свой отвратительный, грязный и в буквальном смысле порванный вид, она приближалась к измазанному чем-то чёрным мужику, сидевшему на раскорячку и выставившему свои причиндалы на показ.

И чем ближе подходила, тем более дурные предчувствия овладевали кутыркой. Не дойдя немного до голого изверга, остановилась и взмолилась Троице, только бы этот чумазый кобель не учуял как от неё смердит нечистотами.

– Ближе, – прорычал зверюга, вынимая нож из земли и поигрывая орудием убийства.

Тут она забыла, и о вони, и о своём виде, резко переключаясь на прощание с собственной жизнью. Такой короткой. Такой любимой и родной, а вместе с тем несчастной, хоть плачь. И так прощаясь сама с собой, наполнив глазёнки слезами, рыжая безропотно шагнула вперёд. Отвернулась, чтобы не видеть конца своей неминуемой участи и принялась всеми силами себя жалеть.

Горло пережал ком. Слезы побежали ручьями. Она приготовилась умирать, но зареветь в голос не успела, хотя уже до этого как раз доходило. Мужик срезал верёвку с ноги, и в том месте, где она была привязана зверски зачесалось. Зуд был такой, что аж невтерпёж. Ярица машинально хотела задрать ногу чтобы как следует почесаться, но зверь не дал этого сделать. Он грубо сграбастал её своими ручищами в охапку, оторвал от земли как пушинку, и со всего размаха швырнул за глиняную стенку вариться в кипящий котёл, как она успела осознать происшедшее своими последними мыслями.

Эта вылепленная из глины хрень была устроена подобно варочному котлу, и как поняла по ощущениям кутырка, наполненного кипятком! Посудина была настолько глубока и вместительна, что Зорька, потеряв, где небо, где земля нырнула туда с головой, не успев от неожиданности даже вякнуть. Притом при падении в варево не осознала глубину котла, потому что умудрилась не удариться о дно. Тело охватила такая жгучая боль, что в глазах увидела искры с того света, а в голову как вколотый шип врубилась мысль, что она моментально сварилась и притом заживо.

Конвульсивно барахтаясь, и нащупав наконец скользкое, видимо смазанное жиром дно, девка, машинально оттолкнувшись от него уже не помня-чем, вынырнула наружу. Попыталась заорать что было мочи, но не смогла. За горло схватил спазм да так крепко, что ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Тут ещё что-то большое и грузное плюхнулось рядом, поднимая тягучую волну наваристого бульона, от которой ошпаренная кутырка в добавок чуть не захлебнулась.

Уже ничего не соображая, и что было дурий размахивая руками ярица вытаращила глаза так сильно, что от чрезмерного усердия они уже ничего не видели. Ни то просто бесцельно барахтаясь создавая вокруг себя объёмную пену, ни то всё же куда-то плывя по тягучему вареву, она неожиданно ударилась рукой о спасительную стенку котла.

Ноги нащупали дно, но оно было скользким и вогнутым, и ей никак не удавалось вцепиться в спасительный край, до которого было рукой подать. Рыжая бултыхалась из последних сил, захлёбывалась, только все попытки были тщетны. Никак в её скрюченные пальцы не давался этот проклятый край. Девка даже выругалась матерно на видать шибко умного, построившего этот изуверский котёл. Всё было сделано так, чтобы живое мясо из супа никак самостоятельно вылезти не смогло бы.

Наконец Зорька, сделав отчаянный рывок с вырвавшимся из груди стоном, дотянулась всё же до вожделенного края и судорожно вцепилась в жидкую глину, из последних сил впивая в неё ногти, после чего замерев безголосо заревела от безысходности.

Вылезти наружу и сбежать из котла у неё уже не было никаких сил. Это был конец. Рыжая даже в жутком сне с кошмарами не могла представить себе подобной смерти. Как это оказывается страшно вариться заживо, когда ты всё это чувствуешь, ощущаешь процесс варения каждым кусочком собственного тела. И безысходность с невыносимой болью слепились в плотный кусок обиды и жалости к себе любимой. Такой молодой и красивой. И тут у кутырки наконец-то прорезался голос, и она от всей души взвыла осипшим рёвом простуженной лосихи.

– Что? Щиплет? – словно через глухую стену долетел до неё вопрос мужика-людоеда.

– Да, – прокричала она, не задумываясь, но голос жертвы вместо крика отчаяния издал лишь нечто странное, больше похожее на мышинный писк

– Хорошо. Значит заживает. Терпи.

Какой к * заячьим терпи. Сволочь *. Людоед обоссанный. Чтоб ты усрался этим супом до смерти. Ругалась безостановочно про себя Зорька, шипя, стиснув зубы и вцепившись пальцами в край, но при этом терпела, как могла из последних сил, собирая все маты что знала, и вспоминая все гнусности, что вспомнила. Она пришла в неопишуемую ярость, и хоть сил уже не было, но попадись эта сволочь сейчас ей под ногти, порвала бы.

Постепенно боль от ошпаривания начала стихать. В первую очередь, потому что кутырка перебирая в памяти ругательные слова перестала лихорадочно дёргаться, замерев на какое-то время. И тут рыжая сквозь стройные ряды матюков неожиданно подумала: «Так это что же получается? Чем дольше варишься, тем меньше становится боль? Это из-за того, что варёное мясо уже ничего не чувствует? А почему я ещё не умерла? Или умерла?». Но тут резкий голос за спиной с надменностью проговорил, возвращая девку с того света:

– Да расслабься ты. Пощиплет и перестанет. Отмокай.

У Зорьки было ощущение будто её по затылку огрели дубиной, но она от этого не потеряла сознание, а наоборот очухалась, в мгновение выбросив из головы весь кошмар с того света. Правда, понимания того что происходит от этого тоже не добавилось. Отцепила одну руку от края и медленно обернулась, в очередной раз распахивая свои моргалки и открывая рот. Её мучитель сидел, нет, лежал в том же вареве напротив и судя по его довольной и мерзкой морде, получал наслаждение!

И только тут она ощутила, что жижа, где, барахтаясь медленно варилась – холодная! В первую очередь прохладу ощутила спина и задница. Нет, конечно же не холод родника или

речной воды. Жижа была чуть прохладней пылающего тела, что для измученного долгим путешествием туловища казалось даже приятной. А жгло и горело только там, где была ободрана кожа.

Наконец-то она всё поняла, и от этого осознания рыжую покинули последние силы. Наступила предательская слабость. Ослаб хват руки. Обезумевшие от напряжения пальцы нестерпимо заломило. Ярица опрокинулась спиной на скользкую стенку котла, но не сползла вниз в пучину этой жижи только потому, что зацепилась задницей за какое-то углубление, сделанное видимо специально для сидения. И похоже именно в такой ямке сидел мужик напротив, с морды которого смылась основная чернота, но всё равно оставалось грязным, с разводами под глазами и чёрными подтёками с волос.

В оступевшей голове кончились мысли, а в ушах стоял оглушающий звон. Там, где-то и сердце между этими ушами прыгало да так, что взгляд от этого дёргался. Зорька осмотрела посудину. Жижа, где она сидела утопленная по самые плечи была густой и пахла пивом, сваренным на терпких травах. Девка повела носом, принялась. Очень приятный запах, потому что пахло едой. Отчего рот мгновенно наполнился слюной, а живот весело заурчал, будто кто его кормить собрался за просто так.

Вся поверхность была усеяна мелкими листочками. Плавали травинки, корешки, наломанные веточки. То там, то сям накрошенная кора дерева, вроде как дуба. Увидела знакомые семена степных трав. Замерев и просидев так какое-то время неподвижно, поняла, что если не двигаться, то боль совсем не чувствуется, наоборот, прохлада снимает жар и оно погружается в приятную истому. Голова закружилась будто в опьянении, и веки от усталости закрылись...

Зорька, уплывая от перенесённого перенапряжения и психологического стресса в спасительный сон, сознательно заставила себя пошевелиться, чтобы возобновить боль. Уснуть и утонуть в этой жиже ей решительно не хотелось. Хотя вражина напротив, похоже уже крепко дрых с приоткрытым ртом. Ладно хоть ни храпел и ни хрюкал как кабан в луже.

Поняв, что всё не так страшно, как казалось изначально, кутырка, для того чтобы не уснуть, принялась разглядывать мелочёвку, плавающую вокруг. Вот листок смородины, вот молоденький вишняк, а вот мелкий крестик травы-силы.

Девка так увлеклась этой занимательной ботаникой, постепенно приходя в себя, что голос мерзкого мужика прозвучал настолько неожиданно, что рыжая от испуга чуть не сиганула из котла, но вовремя вспомнила, что это не так просто сделать и осталась на месте. Зорька в равной степени испугалась и устыдилась, будто её застали за непристойным делом, наказуемым порицанием.

– Это пивас, – проговорил мужик, расслабленный и явно довольный процедурой отмокания, – Что-то среднее между пивом и квасом. Тут трава всякая, тёртая кора, коренья, ягоды и ещё что-то. Я в этом не разбираюсь. У меня вон, – и он мотнул головой в сторону шатра, – знатоки есть.

Мужик резко встал на ноги, создав тугую волну и кого-то окликнул, смотря за борт:

– Диль!

– Да атаман, – ответил мальчишеский голос.

– Ну что там с баней?

– Так готова уже.

И опять нагоняя волну ариец, увитый мышцами как тур-вожак, пошёл к пленнице. Бесцеремонно вынул её из котла, но не махом как закидывал, а осторожно придерживая за руки спустил за край, на покатый глиняный отвал.

Зорька, лишь встав на землю сразу принялась себя оглядывать. Ярица была с ног до головы покрыта какой-то мутной плёнкой с прилипшим к ней мусором. Ощущение было такое словно измазали жидким говном, а потом где-то валяли в грязи. Вот бы Дануха меня такой увидела, – подумала рыжая и зная суровый нрав большухи добавила, – убила бы. Кутырка,

начала с омерзением обтираться и брезгливо отлеплять от себя двумя пальчиками всю эту дрянь, что выловила из котла.

Следом за ней выпрыгнул голый мужик точно в таком же неприглядном виде, как и она, и загнал её в цветастый шатёр, где оказалось темно и жарко до изнеможения, как в бане. Но ярице тут же в нос ударил с детства знакомый банный дух, и она с удивлением поняла, что этот шатёр и был баней, только очень странной. Сидя в котле с прохладной жижей, Зорька честно говоря уже начинала подмерзать, и банный жар был как нельзя кстати.

Войдя после яркого солнца в сумрак помещения и поняв куда привели, кутырка замерла, опустив голову, как учила мама и бабы в бабняке. Раз мужик завёл в баню, то, тут и понимать нечего, значит и вести себя требуется подобающе. Пленитель о чём-то шептался с мелкими пацанами на входе, но Зорька их не слышала, да и, честно говоря, не прислушивалась.

Первое время она просто стояла и блаженствовала, втягивая в себя аромат берёзового дымка. Рыжая и не заметила, как он подошёл, поэтому вздрогнула в очередной раз, когда ариец вырос как из-под земли и схватив её за подбородок приподнял лицо таким образом, чтобы девка смотрела прямо на него.

Привыкшие к темноте глаза позволили Зорьке впервые отчётливо разглядеть этого «самого главного» практически в упор. Морда его была до сих пор грязной, с чёрными кругами под глазами и такими же чёрными подтёками, что сбегали по лбу и щекам волнистыми ручьями с вымокших волос, но при всём при этом, лишь по блеску в его глазах ярица вдруг отчётливо осознала, что-мужик-то совсем молоденький! Всего-то может быть на два или три лета старше её!

Это неожиданное открытие резким скачком породило в кутырке навывдане застенчивую суетливость и доселе незнакомое возбуждение. Сердце пустилось в очередной галоп. Он смотрел спокойно, не мигая, будто заглядывал через Зорькины глаза в её голову. Ярица от непривычности происходящего вся извелась под этим пристальным взором, не находя себе ни места, ни выхода и готовая провалиться сквозь землю.

Она с невероятной ясностью поняла, что этот арийский зверь её пленил ни для того, чтобы съесть, как она изначально предполагала, а совсем для другого. Надо было быть полной дурой чтобы до этого не додуматься. И сейчас, стоя на песчаном полу этой странной бани в девке отчаянно боролась вчерашняя кутырка, с которой ещё никто не вёл себя подобным образом, и завтрашняя молодуха, что как казалось Зорьке уже ко всему была готовая.

Пока никто из этих внутренних половинок не мог одержать победу. Молодухой быть хотелось, конечно. Показать себя уже взрослой и зрелой, кого не напугать мужиком, бравшего её пусть не по ритуалу, а воровством, но кутырка внутри упиралась руками и ногами, вцепившись в ярицу словно посикуха в мамину рубаху. В общем, снова стало страшно.

В рыжей буквально клокотала необъяснимая стыдливость, казалось бы, забытая ей давным-давно за ненадобностью, и главным образом за то, что по сути дела выглядела полной неумёхой. Девка попросту не знала, что ей делать в данной ситуации и даже не помнила, чтобы этому учили. Хотя кажется она вообще всё забыла, чему учили. И мужик по речным понятиям не так должен был себя вести. А он, как назло, стоял и вообще ничего не делал. Держал Зорьку за подбородок и пристально заглядывал в лицо, да так мучительно долго это делал, что девке стало просто невыносимо.

Рыжая сгорала от стыда, не понимая с какой стати эта эмоция вообще взялась у общепринятой оторвы. Ярицу охватили новые, неопишуемые чувства, не испытываемые раньше. Ещё более непонятным было то, что от его пристального взгляда Зорька возбуждалась да притом так, что аж дух захватывало и внизу живота сладостно заныло. Эта гремучая смесь возбуждения и страха вызвало дрожь с мурашками по всему телу, и почему-то накатила слеза, размывающая образ грязного мужика и заставляя её учащённо задыхаться, в преддверии откровенного рыдания.

Наконец он убрал руку от её подбородка, но только для того, чтобы указать на скамью, покрытую шкурками зимнего зайца, и одним этим движением, не произнеся ни слова, молодой ариец велел кутырке улечься на указанное место.

Зорька, словно опоенная дурманом безропотно подчинилась. Колотимая мелкой дрожью в раскалённом воздухе бани, она еле доковыляла до лежанки и с большим трудом уложила непослушное тело с кружащейся головой на мягкую подстилку, отодвигаясь и буквально вжимаясь в стенку шатра. Ярица замерла в ожидании, что он вот-вот возляжет рядом и начнёт делать с ней то, чего так боялась девонька и вместе с тем, о чём мечтала всё последнее время перед наступлением Купальной седмицы.

Ну и пусть он её выкрал, как она теперь думала обо всём что с ней произошло. По крайней мере он молодой ариец, и его партия для кутырки навывдане была куда более привлекательной, чем с их противным артельным атаманом Нахушей, под которого она бы непременно легла на эту макушку лета. Ведь сын Данухи именно для этого оставил Зорьку при баймаке на развод. Этот вековой пердун давно уже на ярицу засматривался и ждал ни дождался, когда подойдёт её возраст.

Зорька пока ни знала и не понимала намерений нового претендента арийского происхождения на её идеальное тело, но по их девичьим понятиям стать женой арийца было верхом мечты любой девки, любого баймака. Правда они с кутырками грезили выйти замуж за городского, а этот какой-то непонятный, в лесу живёт. В конце концов рыжая всё же убедила себя, что этот всяко лучше Нахушы

Ярица строила далеко идущие планы и ждала, но он не лёг, а велел ей перебраться на край. Она вся такая взволнованная, поёрзала задницей закусив губу и стыдливо стреляя глазами на его висевшее мужское достоинство, плавно и медленно будто перекладывая нечто очень хрупкое и не терпящее грубости, передвинула своё тело на край лежака.

Размечтавшись с невероятной скоростью, ей вдруг захотелось во что бы то ни стало понравиться этому молодому арийцу. Поэтому кутырка старалась проделывать все движения как можно соблазнительней. По крайней мере, как она себе это представляла.

Ну вот, теперь это произойдёт, с каким-то трепетом подумала рыжая, пребывая вся в предвкушении, и чтобы не выдать охватившего её волнения и тем более предательского желания близости, Зорька зачем-то с силой зажмурилась. Так ей казалось, будет правильнее. Он мужик в конце концов, вот и пусть всё делает сам, а она полежит и посмотрит, как у него это получится.

Но тот всё ни начинал и ни начинал, словно издевался над неопытной кутыркой. А тут ещё его насмешливое «Расслабься дура. Я просто буду лечить», вообще выдернуло готовую уже ко всему ярицу из сладостных грёз вожделения.

Это был облом, и восприняла она его не иначе как унижение. Даже обозлилась в очередной раз на этого урода. Только тут рыжая поняла, что не только зажмурилась, но и напрягла все до одной мышцы так, что пальцы на ногах заныли от перенапряжения.

В воздухе пахло привычной жареной коноплей, а сволочь, на которого она уже успела обидеться начал омывать её липкое тело и прополаскивать рыжие лохмы в деревянной посудине. Делал он это с нежностью, как оценила Зорька, и чем-то мягким и тёплым, словно беличьим пухом.

У ярицы менялось настроение подобно беспорядочному кручению листа на дереве от ветра. То она от страха цепенела, то вдруг возжелала того, кого только что боялась, тут же возненавидела, обиделась, а сейчас с такой же скоростью размякла и растаяла. Рыжей стало так приятно, что девка моментально обо всём забыла, разомлев как сытая собака возле недогрызенной кости. Зорька даже веки прикрыла от удовольствия, только что не поскуливала.

После того как мужик приласкал её чем-то мягким и тёплым, он принялся устраивать щекотки, осторожно поглаживая пальцем раны и ссадины, нанося на них судя по ощущениям

что-то вязкое и липкое. Сначала ранки от его прикосновения слегка пощипывали, а затем принялись чесаться, и чем дальше, тем больше.

Вскоре нега с блаженством улетучилась и начались мучения. Нет, сушая пытка. Чесаться хотелось невероятно, аж до «не могу», но кутырка терпела. Лишь когда он закончил экзекуцию и зашебаршил в стороне она разлепила веки и принялась оглядываться, а заодно потихоньку почёсываться.

Мужик мылся. Оттирал черноту с лица и волос, и избавлялся от того, что прилипло в котле. Рыжая первым делом осмотрела себя с ног до головы. Каждая царапина была вымазана чем-то зелёным и ей не надо было объяснять, что он обработал раны целебной мазью. Притом эта лечебная зелень оказалась на удивление быстродействующей, потому что чесотка как раз и была связана с тем, что раны стремительно заживали.

Ярица как-то быстро бросила заниматься собственным осмотром, тут ей было всё понятно, и с неподдельным интересом принялась разглядывать похитителя. Молодой ариец стоял к ней вполоборота и был занят исключительно собой, совершенно не обращая на пленницу внимания. По крайней мере Зорька ничего подобного не заметила. Правда и пара он в шатре нагнал так много, что рыжая едва различала его мелькающий силуэт. Интересно, неожиданно подумала она, а как его зовут? Тут Зорька вспомнила, что по дороге все называли его только «атаман» и никак по-другому.

Девка осторожно спустила ноги на песок и уселась, делая вид что втирает нанесённую мазь, а сама пялилась в наглуую на молодого мускулистого мужика даже наклоняясь чуть вперёд, чтобы лучше разглядеть. Таких мясистых кутырка даже среди своих артельных мужиков ни разу не видела. А он такой молодой и уже такой здоровый.

Странный по её понятиям лесной ариец продолжал неспешно оттираться, плескаясь в широком ушате и постоянно поддавая пар. В конце концов воздух стал настолько обжигающим, что Зорька хоть с рождения и привыкшая к бане, но из-за содранной кожи, этого безобразия не выдержала и тихонько сползла на прохладный песок, устроившись за лежаком, а за одно охлаждая спину о сырую, пропитанную каплями конденсата стену.

Раздалось громкое шипение залитых водой головешек. В шатре резко потемнело, и полупрозрачный пар превратился в беспросветный туман, такой, что не было видно даже вытянутой руки. В лицо ударил тугой волной жар и каждая царапина взвыла от жжения. Тут неожиданно мужик позвал её откуда-то из глубины тумана по полному – Утренней Зарёй. И девку в тот момент даже не насторожило, да ей и в голову не пришло задуматься, откуда он её знал. Не до этого ей было. Кутырка вообще тогда не обратила внимание на такое странное обстоятельство.

Она что-то пискнула в ответ, закрывая при этом лицо ладошками и стараясь укрыться от нестерпимого жара.

Рыжая поняла только, что он её звал на выход. Где тут выход и куда ползти? В какую сторону? Кутырка отлепившись с дуру от стены вообще потеряла ориентацию и теперь могла только сообразить, где верх, где низ, а вот с определением сторон была большая проблема. Мало того, что темно, так ещё и ни зги не видно из-за тумана. Угораздило же идиота, тупую собаку вонючую, залить очаг при закрытой двери, ругалась тогда обозлённая девка.

Ползти на четвереньках она не могла – колени были содраны. Встать, поднять голову – жар стоял такой, что можно было обвариться. И тогда рыжая не придумала ничего лучшего, как встать на все четыре конечности задрав зад выше головы, и нащупав наконец влажную стенку, используя её как единственный ориентир двинулась куда-то вперёд, сама не зная куда.

– Утренняя Заря, – заорал он откуда-то спереди, почти рядом, – выползай оттуда пока не задохнулась.

И тут же через пару шагов Зорька разглядела мутное расплывчатое пятно спасительного света, и вот в этой несуразной и вызывающей позу рыжая выскочила на свежий воздух.

Замерла, не разгибаясь и судорожно дыша ни то от испуга что задохнётся, ни то от резвости бега на четырёх конечностях.

Вдруг откуда-то сверху на разгорячённую спину хлынул поток ледяной воды. Зорька ни то взвизгнула, ни то, хрюкнула от неожиданности и резво вскочила на ноги.

Всё перед глазами поплыло, закачалось словно отражение в спокойной воде реки. Но холодный душ привёл кутырку хоть в какое-то сознание, пусть и пьяное. Она, продолжая тяжело и часто дышать, медленно, как бы устало, убрала мокрые волосы с лица и прямо перед собой увидела двух мальцов лет по десять. Те замерли будто вылепленные из глины, уткнувшись вытаращенными глазами на её волосатую щёлку между ног, ничего похоже больше ни видя и ни слыша вокруг.

Это эпическое зрелище с ватажным мясом, к которому Зорька давным-давно привыкла у себя в баймаке, как-то автоматически включило в кутырке истинную сущность – рыжую оторву. И ярица, не спеша, даже где-то вальяжно с ехидной улыбочкой, прикрыла лобок ладошками, а затем из одной скрутила смачную фигу, скривив при этом наиграно злобное выражение лица.

Мальчишки разом встрепенулись, опустили стыдливо глазки и застенчиво заёрзали на месте. Затоптались, не зная куда себя деть и где поблизости провалиться сквозь землю, при этом моментально покраснев. Рыжая, тогда не ожидая подобной реакции ещё удивилась: «Какие странные тут пацаны? Как будто ни разу не видели голую девку?»

Откуда было знать речной кутырке, что в этом лесном логове куда она попала, вообще девок нет, и самое главное – никогда не было. А если эти мальчики и видели когда-нибудь голую особь противоположного пола, то это было для них так давно, что они и не помнили.

Но Зорьке её выходка понравилась, и она какое-то время прибывала вполне себе довольная. Пока рыжая издевалась над малолетками, молодой ариец окатил себя водой из большого долблёного ведра, выхватил шубу из рук одного из пацанов, стоящих с потерянными и смущённым видом, и грозно на них рявкнул да так, что ярица вместе с мальчишками вздрогнула:

– Накрыли пожрать?

– Всё готово атаман, – отворачиваясь наконец от голой красавицы и смотря на орущего, пролепетал один из прислужников.

Ещё раз вздрогнули, Зорька не поняла отчего и проскальзывая на мокрой траве босыми ногами, рванули куда-то за ляписный шатёр бани. Рыжая растянулась в улыбке глядя на их карикатурную реакцию и потешную беготню. Но тут сильные руки схватили саму расслабившуюся кутырку, вскидывая в воздух как пушинку и куда-то понесли.

У ярицы всё веселье как рукой сняло. От неожиданности она затрепетала, задёргалась, даже ногами начала брыкаться словно косуля со страха. Изначально дыхание от возмущения перехватило, и она, даже не видя себя поняла, что покраснела, как только что стоявшие перед ней пацаны. Девку никто и никогда в жизни на руках не носил и пусть бы попробовал! И вот, на тебе.

Зорька, не зная, как себя вести, но уверенная что сопротивление бесполезно, довольно быстро замерла, а перестав дрыгаться, оценила своё положение как привилегированное, и даже успела загордиться тем, как он к ней относится. Прижатая к мощному мускулистому телу она интуитивно в противовес обмякла. Ощущение, как про себя подумала кутырка, офигенное. Даже где-то в душе мелькнуло некая симпатия к этому грубому мужлану.

Но тут ариец, донеся рыжую до входа в своё жилище, резко опустил её на ноги. Притом проделал это достаточно грубо. Даже не поставил, а небрежно бросил, что ли. По крайней мере, ярице это не просто показалось, а была уверена в этом. Отчего тут же забыв про то где она и в каком положении, умудрилась по-настоящему обидеться, а обиженную Зорьку все девки в баймаке обходили стороной, потому что из простой оторвы, ярица превращалась в

невыносимую стерву, и непременно добивалась того, что обиженными становились все, кто был рядом.

– Залазь, – тихо рыкнул молодой ариец, не обращая внимания на надувшуюся кутырку.

Рыжая на волне короткой девичий памяти, напрочь забыв всякий страх, со злобой метнула на мужика сверкающий яростью взгляд, поджав губки в высшей степени стервозности, но тут же упёрлась в ещё более зверские глаза. Мгновенно дёрнулась как от удара в лоб, запаниковала, наконец-то вспомнив кто она и где находится, и уходя от неминуемого удара, морального или физического, ей как-то было без разницы как её будут бить, быстро юркнула в кибитку, понимая каким-то внутренним чутьём, вот теперь уже точно ничего хорошего ждать не приходится. Вернулся страх перед зверем, он вновь стал сволочью, превратившись в изначального уroda, что только и делал что пугал, делал больно и издевался.

Прошла куда указал, потупила взгляд, уставившись в пол, застеленный соломой. Даже не предприняла попытки оглядеться по сторонам, и рассмотреть помещение. К ней вернулся сковывающий ужас что был в самом начале, когда он сбросил её с повозки за ногу. Молодой ариец, только что казавшийся ей ласковым и заботливым, снова превратился в злого людоеда, и от него повеяло холодом смерти. Зорька аж всем своим голым телом, особенно задницей почувствовала опасность. Неужели его так разозлила безобидная шалость с этими мальчишками, спрашивала она себя, вспоминая скрученную фигуру.

Мужик приказал сесть на лежак. И как только рыжая пристроилась на застеленные шкуры, он с какой-то озлобленностью как ярице показалось, с силой швырнул ей на голову меховое одеяло

Зорька вздрогнула, думая, что он её ударил, запаниковала от наступившей темноты. Тут же с ошарашенными глазами вынырнула из накинутого покрывала, и сообразив в чём дело торопливо закуталась в него по самый нос, почувствовав при этом хоть какую-то эфемерную защиту. Ну, или, по крайней мере, возможность в нём укрыться, рассуждая по детской наивности, что, укутавшись с головой, потеряется. И раз не видит злого мужика, значит спряталась.

– Ешь. Голод не тётка, и голову не забивай, пока. Сначала еда, – потом разговоры.

– О чём? – машинально и не задумываясь ляпнула рыжая, и получилось это по интонации с неким вызовом, и больше походило: «да пошёл ты, мразь».

Тут раздался мерзкий хруст костей от большой жареной птицы, что лежала перед ним на тёсаной доске, стоящей на четырёх брёвнышках по углам, и мужик буквально взревел:

– Я тебя предупреждал, кажется, что дважды не повторяю!

В мановение ока, паника без разбора накрыла бедную кутырку с её лохматой головой и одеялом, куда она полностью запаковалась. В состоянии липкого ужаса, девка не только зажмурилась что было силы, но и втянула голову в плечи. Ярица была уверена, что её сейчас будут бить, и похоже, чем ни попадя. Она даже успела отругать свой длинный язык. Обозвать себя дурой, тупицей и приказывая этой дуре в рот воды набрать и помолчать, пока все эти непонятки что с ней происходят, хоть немножечко прояснятся.

Время шло, но бить он её не стал. Даже ничем не швырнул. Зорька, сидя под одеялом с зажмуренными глазами в собственных фантазиях отчётливо представила, как он замахивается, но видимо поняв, что, ударив пигалицу даже ладошкой, прибьёт к * матери, и поэтому передумал. А она ему нужна была живой. И Зорька понимала для чего. Даже в этой страшной для неё ситуации она не отказалась от своего предположения, что ариец своровал её из баймака исключительно для постельных утех. И поэтому избиение откладывалось. Но и высовывать свой нос из-под меха всё-таки не решилась.

Было слышно, как он ест. Молча. С жадностью. А у рыжей аж живот скрутило от запахов и слёзы лились от осознания того, что он ест, сволочь, а она голодная. Есть хотелось очень, но вылезать из своего укрытия кутырка боялась ещё больше, чем есть.

Просидев весь обед принохиваясь и прислушиваясь к любому шороху, осталась девонька голодной, изойдя на слюну. Зорька ни о чём не думала. Она просто сидела, трясясь как мышь и в очередной раз плакала, жалея себя.

А потом вспомнился родной кут, мама, ярицы-подруги. Что-то они делают? Кинулся ли баймак её искать? А если артель кинулась, то почему по следам не догнала? Ехали-то эти коробки по степи еле-еле, никуда не торопясь.

Молодуха, что пёрла из неё в бане куда-то напрочь запропастилась, будто не было, и наружу вылезла зарёванная кутырка. Именно такой она себя и представила. Не нужны ей стали ни арийцы, ни свои мужики. Ни нужна стала взрослая жизнь пропади она пропадом. Девка хотела к маме, как последняя посикуха. Зорька уже не прислушивалась к звукам, не следила за этим «зверем» и поэтому не заметила, как он закончил есть, встал и вышел.

Мужик заговорил со стороны входной занавески абсолютно неожиданно, и рыжая снова вздрогнула, и как бы ни хотела, но ей пришлось вернуться в этот нескончаемый день кошмаров и мучений. Но вернулась она уже не запуганной кутыркой, а вполне себе успокоившейся молодухой, злой и голодной.

– А теперь слушай меня внимательно.

«А куда я денусь», – обречённо подумала рыжая, – «зверюга ты тошнотная».

– Я помылся, наелся, напился и поэтому добрый, и великодушный.

Параллельно тому, как он говорил, растягивая фразы и делая длинные паузы, как бы с некой сытой леностью в голосе, девка, лишь шевеля губами под одеялом вставляла в эти паузы неллицеприятные комментарии. Кутырка подобно маленькой злобной собачонке постоянно тьякала и огрызалась, постепенно превращаясь из покорной трусихи в сущую язву и рыжую оторву, но, тем не менее пуганную.

А кто запретит? Она же про себя его обзывает, а эта сволочь, как и все сволочи мыслей слышать не умеет. Лица он с гримасами не видит, потому что оно спрятано под мехами. Поэтому у Зорьки была полная свобода волеизъявления, правда только в пределах накидки.

Рыжая почти на каждую его реплику вкручивала гнусное оскорбление, и ещё при этом умудрялась корчить злобные рожицы. Вот только сначала у неё было как-то бедно с фантазией. Гнусности выходили какие-то однобокие – говнистые. И помылся-то он говном, и наелся того же в невероятных количествах, ну и так далее.

– Даю тебе выбор, притом не один, а несколько.

«А я тебе высер», – язвила про себя злобная кутырка, – «и то же хоть завались говном с горой выше головы».

– Даю слово. Что исполню то что выберешь. Я так решил.

«Да засунь ты его себе в белую жопу».

– Первый выбор. Ты отказываешься жить.

«Ага, размечтался, * говно собачье».

– Я с удовольствием порублю тебя на мясо. И сварю суп.

От такого поворота её внутренняя язва обо что-то запнулась и на выдохе подавилась. Зорька, вытаращив глаза сначала даже не поверила в услышанное.

– Мясо у тебя молодое. Суп должен получиться съедобный.

«Мама!» – прошептала она одними губами.

– Выбор второй.

Тут ярица уже прислушалась, неожиданно поняв, что разговор для неё серьёзный.

– Ты хочешь жить, но только не здесь.

«Угадал говноед. И как можно дальше от тебя»

– Я продам тебя первому встречному арийцу в коровник.

«Ну, так ещё куда не шло, – подумала Зорька, приняв надменное выражение на лице и даже чуть задрал нос, – В арийский коровник я ни против. А то ишь, в суп он меня захотел, * *»

– Девка ты молодая, отмытая и не дурна собой. К тому же похоже ещё и не пользованная. Значит продать тебя можно хорошо и за золото.

«Да, я молодая и красивая, не то что ты урод с укороченным огрызком. Я даже его как следует рассмотреть не смогла».

– В какое ты сборище крыс попадёшь и к какому хозяину, мне плевать.

«Фу! А вот это мне как-то не нравится», – опустила она задранный носик и задумалась.

– Третий выбор, – тем временем доводил до пленницы свои требования молодой ариец.

«Ну что ещё, говнюк *»? – продолжая обдумывать пакости чужого коровника и сравнивая его с ужасами чужого бабняка.

Хотя ни того, ни другого девке в жизни видеть не приходилось, но по крайней мере могла себе представить чужой бабняк по их купленным невестам, оценивая каково им у них. А вот про коровник ярица раньше как-то и не думала.

– Ты хочешь жить. Не хочешь, чтобы тебя продавали ни весь, кому и остаёшься при мне со своей злобой и ненавистью.

«Да разбежавшись трахнись оземь, вонючка облезлая. На кой ты мне сдался, зверюга сраная».

– Тогда я сажаю тебя на поводок, и ты становишься моей коровой.

«Ух ты!» – она скорчила ехидную мордочку и даже плюнула в его сторону, но естественно, не вылезая из-под одеяла.

– Корова атамана – это высокое звание.

«Да я прям рухну с этой высоты, * пёс».

– Среди других коров логова ты будешь пользоваться определённым уважением.

«Ну, с другой стороны, я чё ли большухой сделаюсь? Это уже не плохо».

Зорька вновь призадумалась. Одно дело в чужой коровник шлёпать бесправной молодой, а другое, вроде как сразу большуха. Да. Было бы не плохо. Она бы тут навела порядки, никому бы мало не показалось.

– Будешь делать, что скажу, когда, где, как и сколько.

«А вот * тебе с пленницу, глиста жопогрызная. Я на такое несогласная. Чай не в помойке себя нашла любимую».

Рыжая так вошла в роль беспредельницы, что, напрочь забывшись, даже выпрямилась загордившись, складывая руки на груди и закидывая ногу на ногу.

– Следующий выбор.

«Да пошёл ты полем со своими выборами, недосерок *, чтоб тебя кабан *».

– Ты хочешь жить в достатке и во власти.

«Ещё бы не желать, и ты мне в этом деле не помеха, жопа ушастая».

– Не хочешь продаваться, а желаешь продавать сама.

«Да», – шепнула она, при этом глубоко кивая, с таким видом будто это дело давным-давно решённое и пусть только кто оспорит.

– Меняешь злобу на покорность с обожанием и становишься моей женой.

Вот тут разошедшаяся Зорька перестала дышать, выпучив глаза и замирая с открытым ртом, в котором застряло очередное матерное зубоскальство.

– Первой и пока единственной.

«Женой!?» – недоумённо переспросила она сдавленным шёпотом, не веря в услышанное.

– Рожать и воспитывать моих детей.

Это осталось без комментария, потому что рыжая впала в ступор от неожиданного предложения и вместо злобной мысли молча пустила по щеке слезу.

– И наконец, последний выбор.

Она продолжала слушать, но уже как-то рассеяно.

– Ты забываешь всё, что я здесь наговорил. Одеваешь своё платье, оно валяется там, где сбросила, и я вывожу тебя за последнюю засаду. После чего ты свободна.

«Воля?». Глаза ярицы вновь округлились и притом чуть не вылезли из орбит. Сердце заколыхалось словно порванная тряпка на ветру. Такого она вообще не ожидала от похитителя. На кой тогда крал?

– Притом свободна совсем. Не только от меня, но и вообще от всех.

«Что значит от всех?», – переспросила она про себя находясь в некой прострации.

– Рода твоего больше нет. Я всех продал.

Зорька закусила губу до соли во рту, но боли не почувствовала. Она ещё не осознала смысла, но неожиданно поняла почему её не отбили у воров Нахушинские мужики. в голове замелькали обрывки разных мыслей, пытаясь сложиться в нечто единое, но у девки в мозгах был такой кавардак, что о каком-нибудь маломальском порядке даже говорить не приходится.

– Баймака твоего тоже больше нет, я его пожёг.

Вот тут Зорька впала в очередное оцепенение, напрочь, ни только ничего не понимая, но и перестав думать.

– Что с тобой будет за пределами моего леса, мне всё равно. Забуду, как сон. Найду другую.

А вот это был уже удар ниже пояса. Притом из того разряда, когда вместо потери сознания, наоборот в него приводит. Говорить такое кутырке, да в её возрасте – это всё равно что прилюдно обозвать кривоножкой страхолюдиной. Это высшая степень унижения, влекущая за собой кровную обиду на всю оставшуюся жизнь, и в будущем непременно месть.

Какой бы образиной не казалась девка другим, сама она видит в себе достоинства, и в чём-нибудь, но обязательно привлекательность. И Зорька не была исключением. Голова мгновенно очистилась от всего что он наговорил, переключаясь на себя любимую. Сознание моментально отреагировало на вопиющее безразличие к ней, такой красивой, автоматически негодуяще выдав: «Это как это забуду? А как же я?».

Каждая кутырка навывдане считает, что её должны любить и хотеть просто по определению. Как сказала Сладкая Малхушке, Зорькиной подруге, когда та выла белугой по поводу лишнего жира на заднице: мужики любую бабу любят, хотя бы за то, что есть куда. Главное для мужика в девке, заповедное место, а наличие жира в теле или отсутствия ума в голове, это лишь довесок для того места. Любая баба, что мужика не отпихивает, ему нравится. Но не успела рыжая взбелениться по поводу её отбраковки, как он свою речь закончил:

– Времени на выбор даю тебе до завтрашнего утра.

С этими словами она услышала, как ариец покинул кибитку. Притом не сколько услышала, сколько почувствовала по колебанию дома на колёсах, что тот спрыгнул на землю. Зорька ещё посидела, вслушиваясь в тишину, а затем потихоньку приподняла край одеяла и осмотрела пол. Никого. Бандитский атаман действительно ушёл, оставив рыжую совершенно одну.

И тут начался разбор этой сволочи на мелкие кости.

«Какова наглая морда? Пряма * с горы. Жопу отрастил ни обойдёшь не объедешь. Тфу! Сдалась мне его жопа. Пряма глаз намозолила, посмотри-ка. Род он продал, баймак сжёг, сволочь. Куда идти? В голую степь? Податься в соседний баймак? Только чем там будет лучше. А если он и его сожрёт, как нас? Бежать-то получается некуда, это ж смерть голимая. Лучше уж в суп пойти. Небось зарубит быстро, а там глядишь этим супом траванётся. Я хоть и вкусная, но ядовитая. Нет, вы подумайте только, суп он хочет из меня сварить, да чтоб я на это согласилась. Мудак жопастый. Тфу! Опять я про его жопу. Но я тебе устрою ещё ужас в этой жизни.»

Для кого-то может показаться странной её реакция. У девки дом сожгли. Родных перебили, подруг продали, а она непонятно о чём думает. А вы поставьте себя на место кутырки навывдане в то время. К чему её готовили всё детство и юность? К чему она сама готовилась?

Обычным делом для девок её возраста была продажа в чужие бабняки. А что это значит? Да то, что резко кончалась прежняя жизнь и начиналась новая, и ой какая несладкая. Кутырка автоматически теряла всё. И прежний дом, и всю свою семью, и всех своих подруг. Поэтому речные девки, как правило, ни к чему не привязывались, чтобы не жалко было терять.

Даже в тех, казалось бы, щадящих условиях что создались для ярицы, оставленной при родном баймаке, переход в бабняк в корне менял её положение и статус. Мама переставала быть мамой, подруги подругами. Бывшие ватажные пацаны переставали быть хорошими знакомыми и становились мужиками, под которых она обязана была ложиться, беременеть от них и становиться обычной бабой без каких-либо особых прав, но с кучей обязанностей.

В случае же продажи в чужие края, девка раз и навсегда теряла связь со всем, что было раньше. Поэтому всё что он ей наговорил, в принципе для любой кутырки было делом обыденным и её не касающимся. Отныне девка была лишь предоставлена сама себе и все её мысли так или иначе, касались собственного выживания в этом мире. И она этому была не только обучена, но и морально готова.

Всю эту внутреннюю ругательную тираду, рыжая буквально прошипела про себя сидя на лежанке, укутавшись в меха и постоянно раскачиваясь взад-вперёд, тупо уставив взгляд на заваленный мясом деревянный настил. Наконец, закончив всё это мыслью о том, что жопа у него всё же ничего, и прежде чем думать дальше не мешало бы пожрать, Зорька скинула с себя накидку и с дикостью голодного зверька накинулась на еду...

Глава одиннадцатая. Если хочешь жить, то медицина бессильна, но пьяному хирургу об этом молчок, так как ему наплевать и на медицину, и на твои желания.

«Ох, далеко-далеченько в небе зорька разгоралась», – выла себе под нос писклявым голосом Дануха сидя в траве на склоне Красной Горки, чуток не докарабкавшись до самой верхотуры. Сидела, разбросав пухлые коленки и сгорбившись уронила меж ними обе руки.

Как только до её сознания, блудившего где-то по завалам памяти, наконец, дошло понимание того, что она видит перед собой зарево нового дня, то тут же вспомнила Зорьку. Эту в общем-то обычную кутырку, живую, непосредственную, которую все бабы то и дело обзывали «рыжей оторвой». Да какая она оторва. Нормальная девка. И грустно осмотрев коптящие куты внизу, подумала. Только зря, наверное, Нахуша не послушал её и оставил при родном баймаке. Глядишь, осталась бы цела.

Данухе как-то само собой пришло на память проклятие этой бабьей породы. Зорькина мама Ухтина была дочерью некой Хавки, большухи соседнего баймака, с которой они хоть и не были подругами, но виделись регулярно. Их сводили в первую очередь, так сказать профессиональные интересы, притом в большей степени, чем просто бабские.

Встретившись, эти две вековухи по давным-давно заведённой традиции подтрунивали одна над другой, обчёсывая языками не стесняясь. Но обиды, ни Дануха на Хавку, ни Хавка на Дануху никогда не держали, хотя и особой любви не проявляли. Просто хорошие знакомые. Очень хорошие и очень давние.

Так получилось, что обе бабы почти одновременно стали большухами в своих бабнях с разницей всего лишь в одно лето. Притом на лето раньше стала Хавка, старая ведьма. Поэтому в первое же знакомство это «чучело высушенное», надув для важности впалые щёки, учила уму-разуму Дануху — «зассыху малолетнюю».

Поначалу новоиспечённая большуха даже обманулась на её матёрость, но быстро раскусила эту худосочную пустозвонку. Вот так они всю жизнь и общались, обнимались, да плюясь зубоскалили. Хавка с некой надменностью, эдак с висока, больше придуриваясь чем по-настоящему, а Дануха «клала на её авторитет большой и толстый», всякий раз вытирая об неё ноги как об травяной коврик.

Но надо признать, что общение между соседскими большухами проходило легко, непринуждённо и всегда весело, хотя, разойдясь, каждая поносила коллегу на чём свет стоит, но беззлобно, почти любя.

Обе возглавили бабняки будучи по возрастным меркам молодыми, по крайней мере и та и другая ещё имели детей на воспитании. И вот, в одну прекрасную зиму, Хавка буквально навязала Данухе в качестве покупной невесты свою последнюю оставшуюся дочь Ухтину, объясняя просьбу неким проклятием их бабьей крови, о чём по большому секрету тогда по пьяни и поведала.

Дануха, как полагается, не поверила в эти рассказы, тем не менее в память отложила. И когда Зорька перешла в ярицы, помня предупреждение Хавки дала совет атаману своему сыну, продать девку в невесты, но тот упёрся как бычок и ни в какую.

Престарелый лось, глаз, видите ли, на дитё положил. Да и Дануха, по правде сказать, не очень-то настаивала. Уж больно ей самой хотелось посмотреть, как мать с дочерью грызться начнут ни на жизнь, а на смерть, и насколько была права старая вонючка Хавка. Сому интерес пронял, правда это, или сушёная ведьма заливала ей уши по самые коленки.

Вспомнила Дануха и совсем недавнюю Зорькину выходку, которых эта маленькая срань за свою короткую жизнь наворотила в баймаке целую кучу. На три-по-три бы таких хулига-

нистых девок хватило бы. Припахала она её как-то по весне на своём огороде. Так эта дрянь заартачилась. Видите ли, ей кутырке навидане такая работа не по статусу. А Дануха прям эту пигалицу забыла спросить! Оттаскала за рыжую косу и от ласкала словцом вдоль и поперёк, и побежала эта статусная срань полоть грядки как миленькая.

Только Дануха знала эту пакостную девку как облупленную. Она бы была не она, если бы ни наделала какой гадости. Так вот эта мелкожопая рыжуха подговорила ватажных пацанов натаскать ей всякой дохлятины. Ну те и расстарались. Набили сусликов с кротами, рыбы тухлой по берегу насобирали и зажав носы приволокли мешок Зорьке как просила. А это отродье Хавкиного рода их мимоходом по грядкам по закапывала, чтобы со временем протухли и завоняли, не давая Данухиной носопырке спокойно дышать. Но Воровайка, как собака-ищейка все Зорькины схроны нашла, вырыла, и к хозяйскому порогу стаскала. Вот ещё одна дрянь, из всех дрянней самая дрянная.

Дануха встрепенулась, прекратив воспоминания. Спихватилась, завертев головой. А где кстати Воровайка, что-то её давно нигде ни видно, ни слышно. Это резко обеспокоило хозяйку, почувствовавшую, что это не к добру. И тут, как по заказу раздался истеричный сорочий треск, подающий сигнал тревоги где-то там наверху за холмом.

Большуха задёргалась, заметалась сидя на заднице, зашарила руками по земле в поисках извечной клюки, но тут же поняла, что где-то её оставила за ненадобностью, и точно припомнила, что поднималась в гору с пустыми руками.

Пальцы нащупали камень, прикопанный наполовину, который она с большим усилием, буквально выцарапала из земли и примерила в ладонь. Каменюка был размером с крупную репу, неровный, с острыми кромками, и довольно увесистый. Такой далеко не кинуть и в руке им особо не помашешь, тяжеловато, но другого выбора для защиты не было. Больше вообще ничего не было кроме травы.

Она быстро оказалась на ногах и развернувшись на слух в сторону перепуганного стрекотания пригляделась, и почти сразу заметила, как та, шустро вихляя в воздухе кружила у самой земли, тем не менее, низко не опускалась.

Вёрткая и наглая по своему характеру птица кого-то явно провоцировала, но не нападала, а лишь запугивала. Дануха все её повадки знала, как свои. Всеми выкрутасами сорочьими ведала во всех случаях жизни, и от того сразу поняла, что та не нападала, потому что сама боялась. Кого так не приветливо сопровождала Воровайка, баба не видела. Мешал бугор впереди с высокой травой, но тот, кого сорока гнобила, шёл прямо на неё.

Первое что в голову скакнуло – предчувствие беды и испуг, не пойми перед чем. Но большуха не поддавалась панике, а лишь переложила камень в руке схватив его по удобней. Бежать она по любому не собиралась. Ещё раз оглядела место, где только что сидела, всматриваясь в траву и пытаясь найти ну хоть что-нибудь увесистое. Ничего. Тогда резко наклонившись, вырвала из земли пучок травы с большим комком земли на корневище. Только от этого оружия в драке пользы мало, но коли в рожу кинуть, то землёй глаза запорошить можно, а там и каменюкой приложить.

Дануха ожидала увидеть кого угодно, но только не того, кто появился. Раздвинув траву, на холм, прямо перед ней всего примерно в шагах шести, высунул морду здоровенный волк. Он был огромен, по крайней мере так бабе показалось со страха.

Зверь скалился, вертел мордой, то и дело клацая зубищами, в попытках поймать пристающую сороку. У бабы сердце рухнуло в пятки, где-то там гулко шмякнулось и замерло. Волк, увидев её, тоже насторожился прижав уши. Перестав обращать внимание на птицу и в упор уставившись на человека, глухо зарычал, оголяя огромные жёлтые клыки.

Что сделалось тогда с Данухой она и сама позже объяснить не смогла, даже самой себе. Первый испуг при виде зверя сначала вогнал её в ступор панического страха, пробежавшего по спине холодными мурашками, а за тем, как-то резко накатил на неё волной обиды за всю

эту грёбанную жизнь, а последняя стремительно нарастая, захлестнула кипятком лютой ярости. Большуха взвыла от досады за грёбаное невезение, издав скулёж больше похожий на вой обозлённого и приготовившегося к драке болотного кота.

Всё её тело мгновенно налилось какой-то дурной силой. Челюсти с оставшимися тремя зубами сжались так, что напрягшиеся мышцы на лице сузили глаза до щёлок. Баба замычала носом, как озверевшая лосиха и шагнула на встречу людоеду.

Волк оказался какой-то неправильный. В подобном случае правильный, нападать на эту бабу никогда бы не стал. Любой другой, просто бы пугал, стараясь заставить её бежать. Каждый хищник нюхом чует два вида страха у добычи. Когда она удирает и тогда во что бы то ни стало её надо догнать и сожрать. Во второй разновидности страха добыча набрасывается сдуру на охотника, полностью ополоумев и старается защищаться, активно отбиваясь.

Такую неправильную добычу лучше первому не трогать, а если один охотишься, так не трогать вообще. Волк, даже голодный, а он по сути дела почти всегда голодный, не накинется на жертву если та своими ополоумевшими маханиями конечностей, или тем, что в них есть, может нанести ему хоть какую-нибудь рану. Он не трус, он просто умный хищник. Зверюга знает, что раненый или покалеченный он тут же станет добычей своих же собратьев. Таков волчий закон. Раненый значить слабый, а слабый должен умереть.

Поэтому каждый нормальный волк, очень рьяно следит за целостностью своей шкуры, лап и зубов. А вот этот оказался совсем неправильным. Он оказался обнаглевшим и без башки на шее. Зверь, не задумываясь кинулся с распахнутой пастью на бабу одним длинным прыжком.

От неожиданности Дануха вытянула вперёд руку с пучком травы прямо перед собой, как бы заслоняясь, даже глаза закрыла, и он со всего маха заглотил пучок корней с землёй в открытую пасть «по самые внутренности». Но зверь был тяжёлый, а прыжок его был столь стремительным, что толстую и грузную большуху снёс как пушинку.

И покатались они по склону кучей-малой. Дальше Дануха плохо помнила, что было. Помнила, что орала во всю свою глотку почти в самое его ухо, то и дело срываясь на визг и молотила каменюкой ему по морде. Умудрилась даже куснуть его за это ухо, но малозубый рот никаких заметных увечий этим нанести зверю не смог.

Сколько они так катались вниз, или просто катались на месте, она не знала. Смутно помнила, что поначалу он сильно брыкался лапами и извивался, как живая рыба на раскалённом камне. Но хорошо запомнила самый конец, когда уже сидела верхом на его боку и схватив камень двумя руками, плющила его башку.

Помнила, что Воровайка, дура пернатая, постоянно мешала, подлетая под горячую руку, клюя его и щипая. Потом перестала летать, а лишь прыгая по земле, в перерывах между прикладыванием каменюки на волчью морду, стремилась во что бы то ни стало клюнуть серого в месиво, в которое была уже превращена вся его голова.

Наконец, Дануха остановилась. Устала. Тяжело и часто дыша, она постепенно начала приходить в себя. И только тут поняла, что зверь мёртв. Продолжая часто сипеть горлом, оглядела поле боя обалдевшими от азарта схватки глазами. Увидела Воровайку, скакавшую рядом и подтаскивающую при этом одно крыло, похоже уже давно переставшую кидаться на убитого. Видимо от Данухи ей всё-таки прилетело. Долеталась под горячей рукой.

Баба, продолжая сидеть на туше резко обернулась, как будто её кто-то неожиданно окликнул и увидела на вершине холма второго волка, и тут же непонятно откуда поняла, что второй – волчица. Вот почему-то прям по морде признала.

Она стояла на том же самом месте, откуда прыгал её кобель и также скалилась, каждый раз издавая на выдохе сиплое рычание, но вниз на Дануху не кидалась.

Большуха, всё ещё не отойдя от горячки скоротечной схватки, медленно по-ухарски поднялась, одним своим видом бросая вызов волчице. Пондобней перехватила окровавленный

камень в правую руку, зачем-то ухватив за хвост дохлого волка левой, и стала грозно наступать, медленно поднимаясь по склону и волоча окровавленную тушу по траве за хвост.

Дело это было не лёгким, но она упорно не хотела отпускать дохлятину. Вот спроси зачем тащила, сама не знает. Тащила, да волокла. Сделав несколько шагов, Дануха каким-то внутренним чутьём поняла, что волчица правильная, и нападать на неё не собирается. Сука перестала рычать, лишь изредка оскаливая клыки. Опустила морду к земле, будто ей так было лучше видно, и поджала между ног к животу хвост. Баба тоже столбом встала, чуть наклонившись вперёд, набычилась, злобно зыря на соперницу из-под раскидистых бровей, и только тут наконец-то выпустила из рук хвост убитого.

– Ну, чё, сучка, – глухо прорычала Дануха осипшим от ора голосом, при этом поигрывая окровавленным каменюкой в руке, – съела? Тепереча тварь мохнатая я вас буду есть, а не вы меня. Я вам * покажу у кого подол ширши.

Волчица перестала скалиться, подняла морду прислушиваясь и принохиваясь, затем дёрнула башкой вверх и в сторону, исчезая в траве. И только тут Дануха поняла, что смертельная схватка закончилась. Она победила. Азарт схлынул, накатила усталость, но внутренняя злость никуда не делась, продолжая переполнять озверевшую большуху, выплёскиваясь через край.

– Так говорите дикой надобно стать? – совсем уж осипшим голосом спросила баба ни пойми кого, смотря под ноги, – ну так я вам покажу, чё значить дикая баба. Вы у меня все * кровятиной ссать будете.

Кому это она всё говорила, кого страшила и запугивала, знала лишь она.

Стало совсем светло. Дануха оглянулась на бесконечно далёкий горизонт за рекой. Там шевелясь и дёргаясь будто живое, вылезало из-под земли солнце. На бабу как-то резко навалилась усталость и апатия. Нечувствительное до этого тело неожиданно заныло, зашипало, заболело в разных местах.

На левой груди рубаха была разодрана волчьими когтями и сильно пропитана кровью. Дануха аккуратно отлепила прилипшую к телу тряпку за разрез на груди и заглянула внутрь. Рваные следы когтей чётко прослеживались в мазне запекающейся крови.

– Похоже сильно зацепил, пока лапами размахивал *. Глубоко, – грустно проговорила она, обращаясь к притихшей Воровайке, – Плоха рана. Когти грязные. Могёт и загнить.

Наконец, выбросив окровавленный камень глянула на руки. Они были тоже все исполосованы царапинами, но то были мелкие, плёвые. Спина ныла, но туда не заглянешь. Осмотрела рубаху, грязная, изодранная, вся в крови только не понятно в чьей. Хотя похоже и в своей, и в волчьей.

Подобрала смирно сидевшую сороку и двинулась, как и положено бабе поутру, приводить себя в порядок, но пошла не к реке, а дальше на змеиный источник. Она не была уверена, что встретит там Водяницу в луже, которая тут же излечит всё это безобразие, но где-то в глубине души всё же надеялась хоть на какую-нибудь сверхъестественную помощь.

Девы на источнике не было, поэтому лечиться пришлось самостоятельно. Осмотрела сороку своим колдовским взором, пронюхала. Пришла к выводу, что крыло не сломано, а просто отбито. Дануха не знала, бывают ли у птиц синяки, но заморачиваться с ней не стала. Это не рана, подумала она, само образуется. Поэтому посадив Воровайку на травяную кочку, принялась за себя.

Разделась догола, бросила рубахи в родник отмокать. Занялась сбором трав, главной из которых был подорожник. Затем стоя на коленях осторожно смыла запёкшуюся кровь с рук и груди. После чего разжевав горькие травы с родниковой водой, аккуратно запечатала все ранки, до которых дотянулась.

К полудню она уже шагала вдоль берега в рваных и ещё влажных рубахах с клюкой в руке, найденной на том месте, где спала, в направлении берлоги своего непутёвого братца Данавы.

Воровайку оставила на берегу у баймака. Как ни странно, легко уговорив покалеченную птицу не ходить с ней в соседний лес. Сорока и не пошла.

До логова колдуна в общем-то было рукой подать. Вернулась большуха, когда по солнцу ещё середины дня не прошло. Вот только сходила зря, Данавы на месте не оказалось. Куда-то опять ушёл бродить. Но следов чужаков у его логова не было. Значит до него не добралась чёрная нежить, и это вселило в Дануху надежду что он жив здоров. Вообще судя по запущенному жилищу, братца не было в норе уже почитай с седмицу, не меньше.

В том, что брат живой Дануха была уверена, но вот когда этот вечно где-то шастающий «недоколдун» изволит вернуться, неведомо было никому. Хотя по идеи должен появиться в самые ближайшие дни, так как на носу Купальная седмица, а к ней он обязательно заявится.

Следующие живые души, о ком вспомнила Дануха – это её родовые еби-бабы, посаженные по лесам. Надо было бы живых проверить и освободить от заклятия, но идти к ним не хотелось по понятным причинам. Все они как одна большуху ненавидели лютой ненавистью и было за что. Это же она их собственноручно туда упекла, лишив привычной жизни и по сути дела в данной ситуации приговорив к мучительной голодной смерти в полном одиночестве. И таких по местным урочищам насчитывалось аж пять штук.

Вспомнила каждую. Последнюю из них взбалмошную Саккеру уволокла совсем недавно, луны ещё не прошло. У этой, ненависть совсем свежая. Да. Наказала она бабу за дело. Ещё в прошлое лето предупреждала, что если опять не станет беременеть, то запрет в еби-бабы. Но та снова заартачилась, строя из себя последнюю дуру и придумывая очередные отговорки. Только Дануху на этой мякине не проведёшь. Саккера баба здоровая и возраст для родов подходящий. Ну отдохнула три года после последней девки, но не шесть же лет. Вот и получила по заслугам.

Да в общем-то и другим любить большуху было тоже не за что. Так или иначе все были наказаны за дело, но им уд по реке да два по берегу. В своём заточении они винули не себя, а злостную и говнистую большуху. Наверняка все до одной бабёнки ни забыли своих обид.

Дануха думала мучительно долго всю обратную дорогу, что с ними делать. Пойти снять заклятие, повиниться прибрав к себе или пусть пропадают пропадом? А ведь они её не простят. Мало того, в гибели рода обвинят именно её, а та же Саккера обязательно кинется драться, если узнает, что за большухой больше никакой силы нет. Притом драться будет насмерть, тварь, а Дануха сейчас израненная, может и не одолеть рассвирепевшую бабу.

Она сидела на горячей земле у своего тлеющего кута с подветренной стороны и всё думала и думала. В общем-то о разном думала, не только об этих ущербных. Думала, как дальше жить и что значат слова Водяницы, мол от реки уйдёшь, а из этих земель хода нет. Где она теперь должна жить. В лесу у Данавы что ли. Да как же она без реки. Без своего родника.

Вдруг как гром среди ясного неба, из-за бабьих огородов со стороны склона, где она прибила волка, раздался бабий душераздирающий вопль. Дануха соскочила, всматриваясь сквозь дым, но разглядеть, кто там так орёт, не получалось. Лишь поняла, что это кто-то из своих, но не смогла определить по голосу.

Неужто кто сбежал. Большуха, схватив клюку ринулась огородами вокруг пожарища чуть ли не бегом на эти вопли. Но проламываясь через высокие заросли травы, не добежав несколько шагов резко остановилась и прислушалась.

Баба уже не вопила, а вполголоса причитала и Дануха с ужасом узнала в ревушей только что вспоминаемую Саккеру. И то, о чём она выла, захлёбываясь слезами, где-то впереди в разросшемся бурьяне, большуху словно серпом подкосило и вместо того, чтобы бежать к ней, ошарашенно рухнула на задницу.

– Роденькие вы мои, – ныла Саккера, – что ж я дура наделала. Они же обещали вас не трогать. Мне обещали свободу и что большухой в бабняке сделают. Я б одного из вас атаманом поставила. Что же я наделала. Я же им всё про вас поведала. Они же обещали только атамана с ближниками и Дануху со Сладкой прибить. Троица, что ж я сотворила проклятая.

– Ах ты ж сука, – прошипела в ярости Дануха, закипая.

Злость кровью брызнула в глаза. Тело мгновенно перестало чувствовать что-либо и напрягаясь, вновь налилось дурной силой как перед схваткой с волком. Рука так сжала клюку, что готова была переломить деревяшку. Она медленно встала, и так же медленно двинулась сквозь травяные заросли к изменнице. Большуха совсем недавно думала, что Саккера узнав, что случилось, будет с ней драться до смерти. А сейчас была уверена, что никакой драки не будет, потому что она её просто приберёт. Закопает живьём эту мразь без всякой церемонии прямо тут на холме.

Дануха вышла на большую прогалину утоптанной травы. По всюду были разбросаны переломанными куклами ватажные пацаны. У одного из них она и увидела виновницу всего что здесь произошло. Саккера валялась на земле и без устали рыдала, похоже обезумев от горя и ни на что, не реагируя. Дануха медленно оглядела мёртвых детей, над которыми роями летали вездесущие мухи. Странно, но это леденящее кровь зрелище разбросанных разорванных и переломанных ребятишек, не вызвало в её душе ничего, кроме полного эмоционального очерствения и превращения сердца в кусок льда. Она была не она, когда подошла вплотную и встав над приговорённой, ни своим голосом свирепо прорычала:

– Встань, * отродье и посмотри мне в глаза *.

Саккера вздрогнула и резко прекратила рыдать с таким звуком будто подавилась. Встать не встала, а лишь медленно, зашуганной шавкой подняла на Дануху обезумевшие и до крови в белках зарёванные глаза. Растрёпанная, грязная, страшная и до смерти напуганная баба, не дыша уставилась на большуху, словно узрела в ней нежить с того света под названием Смерть.

И тут резко вобрав воздух полной грудью истерично завизжала. Дануха только этого и ждала. Она по большой дуге перехватив клюку обеими руками со всего маха на сколько только было силы врезала палкой по лохматой башке. Та, издав твякающий звук, обмякла и замерла на земле, а её грязные волосы стали обильно намочать кровью.

Дануха слабо соображая, что делает, с остервенением стянула с неё через голову обе рубахи, оголяя полностью. С трупа пацана, над которым та рыдала, сняла пояс и связала голой еби-бабе руки за спиной. Сняв такой же пояс с рядом лежащего, за одно связала и ноги. Большуха почему-то была уверена, что не убила гадину, а лишь оглушила и это мразь непременно скоро придёт в себя.

Так и вышло. Как только та зашевелилась, приходя в сознание, Дануха схватила еби-бабу за волосы и с силой дёрнула, усаживая её на задницу. Саккера взвизгнула, скрючиваясь от боли, и поджав колени попыталась опять упасть набок, но Дануха не дала. Перехватив поудобнее вымазанные кровью волосы, она вновь усадила падлу, и задрал её лицо кверху чтобы видела её, зарычала:

– Сказывай сука. Кто такие? Откуда пришли?

Но Саккера молчала словно в рот воды набрала. Даже губы с силой с жала. На её лице застыл неимоверный ужас. Она толи ни понимала кто перед ней, окончательно свихнувшись и представляя в большой фантазии какое-то чудовище, толи наоборот, отчётливо осознавала и от того большухи боялась ещё больше, чем сверхъестественной нежити.

Дануха поняла, что в таком состоянии баба даже если захочет, ничего сказать попросту не сможет и плюнув на землю, отпустила волосы. Еби-баба моментально рухнула набок и свернулась калачиком. Дануха сделала глубокий вдох, сама, наконец-то приходя в себя, и снимая зверское напряжение, уселась на траву рядом.

Сменив тон на спокойный и задушевно вкрадчивый, большуха принялась детально обрисовывать предательнице всю тягостную картину происшедшего, то и дело помыкая её переломанными пацанами, валяющимися вокруг, давя на жалость и сострадание, понимая, что это более действенный способ, что-либо узнать от одуревшей еби-бабы.

Опыт всё же дело великое. Он не подвёл Дануху и на этот раз. Саккера, сначала уткнувшись лицом в собственные груди, со временем начала всхлипывать, потом откровенно реветь, распластавшись на траве и наконец её прорвало, и она заговорила. Правда много Данухе узнать не удалось, но и то что узнала ей хватило чтобы осознать всю суть этой степной чёрной нежити.

Пару седмиц назад, почти сразу после того, как Дануха посадила Саккери в еби-бабы на колдовскую привязку, появился у её избушки молодой и красивый ариец. Поплакался перед бабой что отбился от обоза, заплутал, а по открытому месту мол в чужих землях идти побоялся, вот и пробирается лесами. Добрый был, обходительный, слова бабе говорил красивые. Поделился с ней последней едой, гостеприимством не побрезговал. Прожил у неё три дня, ласкал, ублажал, слушал, и воспринимал её страдания как свои.

А у бабы как раз говно кипело за несправедливость, что большуха с ней сотворила. Всю обиду свою выложила, а он в растроганных чувствах возьми да пообещай помочь. Мол есть у него сильные люди способные её проблему решить. И большуху прищучить и новый порядок в баймаке установить. Только мол они бесплатно никому не помогают, но если он попросит, то сделают.

Седмицу назад ариец опять появился, но уже с другом. Тот сильным не выглядел, но умный был и такой насквозь видящий взгляд, что еби-бабе даже страшно с ним было говорить. Он одним взглядом придавливал. Всё расспросил: кого надо убивать, кого не надо. Кто, где, когда бывает. Пообещал большухой сделать. Мол за ними сила не мереная, согнут в бараний рог любую артель, а взамен просил по дешевле рыбу и мясо продавать. Кроме того, из её рассказа Дануха поняла, что в продаже рода участие принимали все пять еби-баб, каждая, сдавая супостатам что знала и о чём слышала.

Дануха не стала сразу убивать эту продажную мразь, видимо перегорела. Она развязала еби-бабу и велела схоронить в воду как положено всех лежащих на склоне пацанов, решив отложить вопрос что с ней делать на потом, до вечера. Сама же пошла разбирать завалы сожжённых кутов и хоронить найденных. Дануха видела, как Саккера несколько раз проносила мимо убитых, а потом пропала. Она не сразу кинулась, а когда кинулась, то искать её уже было поздно.

Обойдя склон с побитыми пацанами, большуха поняла, что эта тварь похоронила только двух своих детей, а других бросила. И куда она делась, было не понятно. Толи сбежала, но куда дуре бежать, она же сидит в лесу под заговором, не вернётся вовремя на место сорок раз пожалеет об этом, подыхая мучительной смертью. Толи сама в след за своими пацанами в реку бросилась, что вероятней всего. Дануха плюнула на эту сволочь и даже как-то легче на душе стало. Оставлять эту суку в живых было нельзя по простым понятиям, а убивать рука не поднималась. Трупов и без этой сумасбродной еби-бабы хватало. Хотя прибить собственноручно всё же нужно было. Заслужила мразь.

Почти целую седмицу Дануха возилась в разорённом баймаке. Вместе с подраненной Воровайкой, начавшей понемногу летать только через два дня, она хоронила род. Баба залила и затушила тлеющие останки жилищ. Разгребла, раскопала, где нашла обгоревшие трупики малых деток, кого прибили и сожгли прямо в землянках.

Сладкую нашла, вернее то, что от неё осталось. Сильно сгорела баба, до костей, Дануха по останкам даже не знала она ли это. Но обгоревший костяк был в её землянке, поэтому гадать не приходилось. Да и как сказывал Данава, таких, как она и Сладкая не брали эти ряженные бандиты. Таких, как они прибывали на месте.

Других взрослых баб по ямам не нашла. Только детки маленькие – мужицкого полу. Сносила всех к реке. Схоронила, по обычаю. Ватагу пацанскую, перемолотую, сначала в кучу сносила. Все разбросаны были на том же склоне, где она волка мутузила, лишь чуть ниже и в стороне.

Из утвари мало что нашлось, из продуктов тоже. Что упёрли, что погорело. Нашла большой глиняный котёл на удивление непострадавший, и припасы соли в тайниках. Такие при-

пасы, что долго не портятся, бабы в кутах прятали в земляных приятках, а грабители видать про эти маленькие бабы хитрости слухом не слышали. Нигде приятки не тронули.

Вечером после тяжких во всех отношениях трудов развела костёр посреди площади, под установленным на камне котлом. Разделала и сварила в крапиве с вонючими травками, перебывающими всякий мерзкий запах, две задние ляхи от убитого волка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.